Б. С. ЖИГАЛОВ

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА АНГЛИИ В 1917—1922 ГГ.

Б. С. ЖИГАЛОВ

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА АНГЛИИ В 1917—1922 ГГ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск — 1981

Жигалов Б. С. Дальневосточная политика Англии в 1917—1922 гг. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1981. — 11,5 л. — 1 р. 70 к., 500 экз.

В монографии исследуются основные проблемы политики британского империализма на Дальнем Востоке в период от победы Великой Октябрьской социалистической революции до окончания работы Вашингтонской конференции. Главное внимание уделено изучению новых аспектов дальневосточной политики Англии: борьбе против Советского государства и попыткам защиты интересов английских монополий в Китае от усилившейся экспансии Японии и США. Значительное место в работе занимает освещение деятельности правящих кругов Англии по подготовке к Вашингтонской конференции 1921—1922 гг. и участию британской делегации в работе этой конференции.

Рецензент — проф. П. И. Остриков

Редактор — С. С. Григорцевич

Ж $\frac{10603}{177(012)-80}$ 34—80

© Издательство Томского университета, 1981 г.

ВВЕДЕНИЕ

Победа в первой мировой войне над Германией и ее союзниками привела к максимальному расширению территории Британской империи. Выступая в палате лордов 18 ноября 1918 г., через неделю после подписания Компьенского перемирия с Германией, лорд Керзон говорил: «Никогда еще английский флаг не реял над более мощной и единой империей... Никогда еще наш голос не звучал так громко в советах наций и в определении будущих судеб человечества»[1].

Казалось, британский империализм добился тех целей, во имя достижения которых велась им война против Германии, своего самого опасного соперника. Теперь германский флот был уничтожен. Британский флот, имея в своем составе 42 линкора, 89 крейсеров, 340 эсминцев и 147 подводных лодок, намного превосходил флот любой другой державы мира[2]. Новые территориальные приобретения Британская империя получила на Ближнем Востоке, в Африке и Океании. Рухнули Австро-Венгерская и Оттоманская империи. Положение Франции в мире было ослаблено. В итоге укрепились позиции Великобритании в Европе, в Африке и на Ближнем Востоке. Британское правительство, возглавляемое в те годы Д. Ллойд Джорджем, контролировало свыше четверти населения земли и около четверти поверхности земной суши, — пишет современный английский автор[3].

Но усиление могущества британского империализма было в значительной степени призрачным. Победа была достигнута путем больших потерь и огромного напряжения сил. За годы войны Британская империя потеряла 974 тыс. убитыми (из них 745 тыс. пришлось на долю самой Ан-

[1] Цит по: Проблемы мира и социализма, 1971, № 1, с. 5.

[2] Иванов Л. Н. Морская политика и дипломатия империалистических держав (между первой и второй мировыми войнами). М., 1964, с. 51.

[3] Cross C. The Fall of the British Empire 1918—1968. L., 1969, p. 16; об этом см.: Ерофеев Н. А. Закат Британской империи. М., 1967, с. 7—11.

глии) и 1,5 млн. ранеными[4]. Из страны-кредитора Великобритания превратилась в страну-должника, получив за годы войны в США (по данным английского экономиста) займов на сумму 1 027 млн. ф. ст.[5]. Ухудшение положения рабочего класса вело к росту социальной напряженности. Кровоточащей раной оставалась Ирландия.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции, положившая начало формированию мировой системы социализма, знаменовала наступление общего кризиса капитализма. Под влиянием идей Октября расширилось национально-освободительное движение, охватившее многие районы Британской империи. Обострились противоречия между империалистическими странами, особенно англо-американские, англо-французские и англо-японские противоречия. Реальное положение Великобритании в мире оказалось иным, чем это представлялось лидерам британской буржуазии в первые месяцы после окончания первой мировой войны.

Дальний Восток явился одним из тех регионов мира, где британский империализм раньше всего почувствовал несоответствие своих возможностей с потребностями обеспечения имперских интересов. Именно здесь в условиях подъема освободительного движения народов, обострения межимпериалистических противоречий правящие круги Англии при проведении своей внешней политики были вынуждены искать новые методы обеспечения и защиты своих империалистических интересов: лавировать и использовать американо-японские противоречия, частичными уступками подрывать рост освободительного движения в Восточной Азии, учитывать интересы усилившихся доминионов. Новые модификации во внешней политике Великобритании после окончания первой мировой войны раньше всего проявились на Дальнем Востоке.

Кроме того, изучение истории ослабления и распада крупнейшей в мире британской колониальной империи, влияние этого процесса на экономическое и международное положение Великобритании, ее внешнюю и военную политику, исследование причин и специфики перехода британских империалистов от «классического» колониализма к неоколониализму — также является актуальной задачей историков. Практическая деятельность британских правящих кругов на Дальнем Востоке дает богатый материал для понимания этих процессов.

---

[4] James R. Churchill. A study in Failure 1900—1939. New York—Cleveland, 1970, p. 110.

[5] Pollard S. The development of British economy 1914—1967. L., 1969, p. 74.

В связи с наметившейся в последние годы тенденцией к сближению Лондона и пекинских гегемонистов на антисоветской основе весьма поучительным является взгляд в недавнее прошлое: показ политики грабежа и эксплуатации китайского народа, проводимой английскими империалистами, попыток использования против СССР японских милитаристов и реакционных сил в самом Китае. Политика антисоветизма и попустительства агрессору привела к возникновению очага мировой войны на Дальнем Востоке.

Изучение дальневосточной политики Англии стало традиционным направлением в советской историографии внешней политики и международных отношений. Здесь следует назвать обобщающие работы А. Л. Нарочницкого и С.С. Григорцевича, монографические исследования Н. П. Клименко, Л. Л. Зариной и С. Г. Лившица, П. И. Острикова[6]. Однако в этих работах освещается политика Англии на Дальнем Востоке до первой мировой войны. Период после окончания первой мировой войны и победы Великой Октябрьской социалистической революции освещен значительно слабее. Основные направления внешней политики Великобритании в межвоенный период показаны в работе В. Г. Трухановского, обстановка на Дальнем Востоке в этот период глубоко освещается в коллективной монографии «Международные отношения на Дальнем Востоке», а состояние Британской империи обстоятельно характеризуется Н. А. Ерофеевым[7]. В монографии И. М. Лемина, вышедшей двадцать с лишним лет назад, дается обобщенный очерк дальневосточной политики Англии в первые годы после окончания первой мировой войны[8].

В данной работе исследуется сравнительно краткий период в истории дальневосточной политики Англии. Но это вполне самостоятельный, четко выделяемый период — от победы Октябрьской революции и окончания первой мировой войны до завершения работы Вашингтонской конференции в феврале 1922 г., когда империалистическим державам удалось прийти к достижению соглашений по некоторым

[6] Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860—1895 гг. М., 1956; Григорцевич С. С. Дальневосточная политика империалистических держав в 1906—1917 гг. Томск, 1964; Клименко Н. П. Колониальная политика Англии на Дальнем Востоке в середине XIX в. М., 1976; Зарина Л. Л., Лившиц С. Г. Британский империализм в Китае (1896—1901 гг.) М., 1970; Остриков П. И. Империалистическая политика Англии в Китае в 1900—1914 гг. М., 1978.

[7] Трухановский В. Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма. 1918—1939 гг. М., 1962; «Международные отношения на Дальнем Востоке», кн. 2. 1917—1945. М., 1973; Ерофеев Н. А. Закат Британской империи. М., 1967.

[8] Лемин И. М. Внешняя политика Великобритании. 1919—1925. М., 1947.

вопросам дальневосточной и тихоокеанской политики. Исследуемый период включает в себя ряд новых моментов в политике британских правящих кругов: борьбу против Советской власти на русском Дальнем Востоке и в целом борьбу против влияния Октября в Азии, стремление ограничить развертывавшееся в Китае национально-освободительное движение. В 1917—1922 гг. резко обострилось соперничество между Англией, США и Японией за преобладающее влияние в Восточной Азии. Это ярко проявилось на Парижской мирной конференции при обсуждении вопроса о судьбе германских владений в Китае и бассейне Тихого океана, а также на Вашингтонской конференции.

Глава первая

АНГЛИЯ И АНТИСОВЕТСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ И В СИБИРИ (ноябрь 1917—1920 гг.)

Подготовка иностранной интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири. Позиция Англии в отношении участия Японии в интервенции

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России оказала большое влияние на дальневосточную политику Великобритании. Борьба против Советской власти, против влияния идей Октября в Китае и других сопредельных странах являлась с этого времени важнейшей составной частью политики британского империализма. Антисоветизм правящих кругов Великобритании был в значительной степени связан с тем, что победа социалистической революции в России ускорила неизбежный крах колониальной системы империализма и, в частности, британского колониализма в Азии. Именно здесь революционное движение народов Советской страны оказало решающее влияние на освободительное движение народов угнетенных стран. В силу удаленности от метрополии, обострения соперничества с Соединенными Штатами и Японией британскому империализму было все труднее отстаивать свои позиции в борьбе с революционным и национально-освободительным движением.

В исследуемые годы решающую роль в определении внутренней и внешней политики Великобритании играли консерваторы, несмотря на то, что коалиционное правительство возглавлял лидер либеральной партии Д. Ллойд Джордж. В английских правящих кругах считали, что идеи Великой Октябрьской социалистической революции, провозгласившей равноправие всех национальностей, таят громадную угрозу для британского колониального господства над народами Востока. Реакционная буржуазная пресса твердила, что ослабление позиций Великобритании в Азии является результатом «происков русских», и поэтому борьба против освободительного движения в Азии — это составная часть борьбы Англии против большевизма. В секретном меморандуме, написанном через несколько лет после победы Октябрьской революции, У. Тиррелл, являвшийся тогда

главой политической разведки Форин Оффис, утверждал: «Со времени появления большевистского режима в России его деятельность была главным образом направлена против нашей страны»[1]. Империалистическая Англия играла, наряду с США, важнейшую роль в организации и проведении иностранной военной интервенции в Советской России. Эта руководящая роль Англии обусловливалась тем местом, которое занимала она в системе империалистических государств, той степенью враждебности к социализму, которая была характерна для британской монополистической буржуазии[2]. Главная цель интервенции — свержение Советской власти. Английская интервенция носила наиболее широкий характер, охватывая Север России (Мурманск и Архангельск), Кавказ и Закаспийскую область, Прибалтику и юг России, Сибирь и Дальний Восток. Рассматривая историю участия Англии в антисоветской интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири, можно выделить два аспекта этой проблемы. Первое и главное — это политика Англии на русском Дальнем Востоке и в Сибири как составная часть борьбы британского империализма против социалистической революции. Эта тема получила свое освещение в советской историографии[3]. И второе — это деятельность Англии на

---

[1] Цит. по: Louis W. British strategy in the Far East 1919–1939. Oxford, 1971, p. 13.

[2] Автор капитальной работы о политике Англии в отношении Советской России американский буржуазный историк Р. Уллмэн отмечает: «Политика союзников в отношении России в годы интервенции в значительной степени брала свое начало в Лондоне» (Ullman R. Britain and the Russian Civil War, p. VI). Английский автор Я. Ниш, со своей стороны, также признает: «Идея интервенции широкого масштаба, вероятно, ведет свое происхождение из Лондона» (Mosley J./ed./Japan's Foreign Policy. L., 1974, p. 210). Современник и активный участник борьбы с интервентами В. Виленский-Сибиряков писал: «Сила и мощность Америки и Англии создали для них доминирующее положение. Япония и Франция должны были приспособляться к своим сильным союзницам... (Союзническая интервенция на Дальнем Востоке и Сибири. Доклад Пишона. М.—Л., 1925, с. 8).

[3] Наиболее полно и всесторонне советские историки исследовали американскую и японскую интервенцию на советском Дальнем Востоке. См.: Рейхберг Г. Е. Разгром японских интервентов на Дальнем Востоке (1918—1922). М., 1940; Кунина А. Е. Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 гг. М., 1954; Гулыга А. и Геронимус А. Крах антисоветской интервенции США (1918—1920 гг.). М., 1952; Григорцевич С. С. Американская и японская интервенция на советском Дальнем Востоке и ее разгром (1918—1920 гг.). М., 1957; Боярский В. А. Вторжение империалистов США в Советскую Россию и его провал. М., 1961; Попова Е. Н. Политика США на Дальнем Востоке. 1918—1920. М., 1967; Гвишиани Л. Советская Россия и США. 1917—1920. М., 1970 и др. Участие Англии в интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке показано в советской историографии слабее. В этой связи можно упомянуть статьи М. Н. Светачева и С. Г. Лившица. См.: Светачев М. Н. Империалистическая политика «помощи» и ее роль в антисоветской интервенции в Сибири в 1918—1919 гг. — Вопросы

Востоке нашей страны как компонент ее дальневосточной политики, как составная часть межимпериалистической борьбы за преобладание в Восточной Азии. Вот этому аспекту английской интервенции, слабо затронутому советскими историками, и уделяется основное внимание в данной главе.

Восточные районы Советской России явились важнейшим направлением в развертывании иностранной военной интервенции. Именно здесь, в Сибири и на Дальнем Востоке, были сосредоточены самые крупные силы интервентов, отсюда предполагалось нанести основной удар по Советской власти. Это было связано со значительной удаленностью этих районов от центра страны, огромным протяжением границы с соседними государствами. Рабочий класс Сибири и районов Дальнего Востока был малочисленным и рассеянным по мелким предприятиям. Сибирское крестьянство не сразу стало на путь поддержки Советской власти. В целом, по определению В. И. Ленина, к началу 1918 г. Сибирь относилась к числу «наименее большевистских» районов России[4].

Одновременно, по мере развития революции, в Сибири и на Дальнем Востоке стали скапливаться контрреволюционные элементы, бежавшие из центральных районов страны. Эти антисоветские силы возглавлялись Хорватом в Харбине, Семеновым и Калмыковым — в Маньчжурии и Забайкалье, Гамовым — в Амурской области. В Западной Сибири центром контрреволюции стала Сибирская областная Дума в Томске, здесь же вскоре было создано т. н. «Временное правительство автономной Сибири» во главе с П. Дербером, перебравшееся затем на Дальний Восток. Сибирская кооперация являлась достаточно массовой, влиятельной антисоветской организацией.

Все это учитывалось организаторами интервенции, поставившими своей целью свержение Советской власти. Этот курс был взят сразу после победы Октябрьской революции в Петрограде и приобретал четкость и определенность по мере утверждения власти Советов на территории России. До

истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1972; Он же. Интервенты и Сибирская контрреволюция (ноябрь 1917—1918 гг.). Вопросы истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1973, вып. III; Он же. Подготовка иностранного вторжения в Сибирь (ноябрь 1917—март 1918 гг.).— Вопросы истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1974, вып. IV; Он же. Начальный период иностранной интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке (апрель август 1918 г.). — Вопросы истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1975, вып. V; Лившиц С. Г. К истории английской интервенции в Сибири в 1918 г. — Вопросы новой и новейшей истории. Барнаул, 1972; Он же. Внешнеполитический курс правительства автономной Сибири. — Вопросы новой и новейшей истории, Барнаул, 1974.

[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 16.

весны 1918 г. страны Антанты возлагают основные надежды на свержение большевиков силами внутренней контрреволюции.

Установление Советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке произошло в конце 1917 — начале 1918 гг. 29 ноября (12 декабря) 1917 г. Владивостокский Совет по предложению большевиков принял решение взять власть в свои руки. Примерно в это же время в руки Советов переходит власть в городах Сибири и Приамурья. Победное шествие Советской власти было зафиксировано в декларации III съезда Советов Дальнего Востока, работавшего 12—20 декабря 1917 г. (25 декабря 1917 г. — 3 января 1918 г.) в Хабаровске, провозгласившей власть СНК РСФСР на всей территории Дальнего Востока. К середине февраля 1918 г. завершилось установление Советской власти во всех крупных центрах Забайкалья. Лишь в низовьях Амура, на северной части Сахалина, на Камчатке и на Охотском побережье этот процесс завершился весной 1918 г.[5].

События, развертывавшиеся в восточных районах России, были объектом пристального внимания со стороны представителей стран Антанты и США. Центрами антисоветской контрреволюционной деятельности антантовской агентуры становится Владивосток, где находились восемь иностранных консульств, Харбин, перешедший фактически под контроль союзных консулов, и Пекин с его дипломатическим корпусом.

Деятельность английского правительства по подготовке интервенции в России развертывается непосредственно с ноября 1917 г., хотя официально британские власти занимали вначале выжидательную позицию, надеясь на скорое падение Советской власти. 24 ноября 1917 г. Р. Сесиль, заместитель министра иностранных дел Великобритании, заявил на пресс-конференции, что правительство Англии не признает Советского правительства[6].

С самого начала районы Сибири и Дальнего Востока рассматривались как важнейший плацдарм для развертывания интервенции. Как отмечал английский историк Ф. Нортидж, «уже в ноябре 1917 года британское правительство предприняло шаги по сохранению положения в Восточной Сибири, в случае если революция примет четко выраженную антиантантовскую направленность»[7]. Так, в ноябре 1917 г. 25-й

---

[5] См.: Крушанов А. И. Октябрь на Дальнем Востоке. — Победа Великой Октябрьской социалистической революции (март 1917 — апрель 1918 гг.). Владивосток, 1969, ч. II, с. 42, 52, 71.

[6] См.: Васюков В. С. Предыстория интервенции (февраль 1917—март 1918). М., 1968, с. 201.

[7] Northedge F. S. The Troubled Giant. Britain among the great powers 1916—1939. L., 1966, p. 69.

батальон Мидлсекского полка, дислоцированного в Гонконге, получил приказ готовиться к отправке во Владивосток[8]. Тогда же была развернута деятельность английской агентуры среди антисоветских элементов в Приамурье и Приморье. В начале января 1918 г. японцам стало известно, что английский майор Данлоп ведет работу среди уссурийских казаков, обещая им помощь Англии в борьбе против Советской власти. Англичанам и японцам удалось добиться избрания Калмыкова атаманом Уссурийского казачьего войска[9].

Верховный военный совет Антанты на заседании 30 ноября 1917 г. рассматривал «русский вопрос». Информируя президента Вильсона об этом заседании, американский представитель Хауз писал: «Имела место долгая и откровенная дискуссия, касающаяся России...»[10]. Обсуждался меморандум французского генерала Фоша «О мерах, которые необходимо предпринять в отношении России». Основной тезис, формулируемый Фошем, сводился к требованию немедленной военной интервенции стран Антанты. Фош называл и те силы, с помощью которых можно было осуществить интервенцию. Он предлагал, чтобы японцы и американцы заняли Владивосток и установили контроль над Транссибирской магистралью. Так был поставлен вопрос об участии Японии в антисоветской интервенции, который в течение более полугода вызывал острые дискуссии в лагере союзников.

Эти споры были порождены наличием острых противоречий между империалистическими странами из-за преобладания в Восточной Азии. Готовность японской военщины ринуться на советскую территорию отвечала интересам британских империалистов. Японский генеральный штаб в конце ноября 1917 г. разработал свой план посылки японских войск на территорию русского Дальнего Востока[11]. Но дальнейшее укрепление позиций Японии на азиатском континенте внушало серьезные опасения. На заседании Верховного военного совета Антанты английский премьер-министр Ллойд Джордж говорил, что если японцы согласятся на интервенцию, то они запросят слишком высокую цену[12]. В. И. Ленин прозорливо отмечал: «...существуют две тенденции: одна, делающая неизбежным союз всех империалистов, другая — противопоставляющая одних империалис-

---

[8] Уорд Дж. Союзная интервенция в Сибири. 1918—1919 гг. М.—Пг., 1923, с. 29.

[9] Вопросы истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1972, с. 8.

[10] Архив полковника Хауза. М., 1938, т. III, с. 201.

[11] См.: Вопросы истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1974, вып. IV.

[12] Lowe C. J. and Dockrill M. L. The Mirage of Power, v. 2; Britain foreign policy 1914—1922. L.—Boston, 1972, p. 298.

тов другим — две тенденции, из которых ни одна прочной под собой основы не имеет»[13].

Развертывание широкой военной интервенции в России в то время силами Англии и Франции, в частности на Дальнем Востоке, было практически невозможно. Военное положение держав Антанты осенью 1917 и весной 1918 гг. продолжало оставаться весьма трудным. Германское военное командование делало отчаянные попытки решить исход войны в свою пользу. США вступили в войну против Германии в апреле 1917 г., но до конца 1917 г. американцы перевезли в Европу лишь четыре дивизии. Значительные силы американцев могли быть сконцентрированы на Западном фронте не ранее весны или лета 1918 г. Большое впечатление в Англии произвел призыв Советского правительства покончить с войной, заключить мир без аннексий и контрибуций. Истощение сил, рост антивоенных настроений, назревание внутриполитического кризиса — все это сказывалось на позиции британского правительства по вопросам организации антисоветской интервенции. Свободных войск для проведения интервенции в России у Англии попросту не было. Имелись трудности и другого порядка. Как отмечал французский генерал Писсель, «...для перевозки морем английских или французских войск в достаточном количестве в порты на севере и тем более на Дальнем Востоке требовались месяцы»[14].

Идея использования японских войск в антисоветской интервенции в данных обстоятельствах казалась привлекательной для военных руководителей Англии. 7 декабря английское правительство обсуждало положение на Дальнем Востоке. Начальник генерального штаба Великобритании генерал Робертсон говорил на этом заседании: «Нужно просить японцев и, вероятно, американцев послать войска во Владивосток для поддержания там порядка и охраны военных материалов и позднее, если потребуется, для установления контроля над Транссибирской магистралью и открытия сообщения с южной Россией»[15]. Однако использование японских войск в интервенции на Дальнем Востоке было возможно при согласии на это Соединенных Штатов. К такому мнению пришли члены британского кабинета.

Наиболее настойчивы в поддержке японской интервенции в России были французы. Франция шла практически на признание всех притязаний Японии, включая право на экспансию в Восточной Азии. Бывший французский посол

[13] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 332.
[14] Васюков В. С. Указ. соч., с. 243.
[15] Woodward D. R. The British Government and Japanese intervention in Russia during World War I. — The Journal of Modern History, v. 46, N 4, December 1974, p. 665.

в России Нуланс отмечал, что «только французское и японское правительства были с самого начала в полном согласии друг с другом»[16].

Готовность Японии начать интервенцию собственными силами на русском Дальнем Востоке и поддержка ее в этом Францией вызвали определенное беспокойство в Лондоне. Там явно не были склонны допустить японцев самовольно хозяйничать на Дальнем Востоке и укреплять там свои позиции. Министр иностранных дел Англии Бальфур и Сесиль предупреждали японского посла в Лондоне Шинда о нежелательности односторонних действий Японии во Владивостоке и необходимости совместного японо-американского выступления. В Париже послу лорду Берти было поручено, в свою очередь, довести до сведения французского правительства, что по вопросу интервенции необходимо достичь соглашения не только с Японией, но и с Соединенными Штатами.

22—23 декабря 1917 г. в Париже состоялась англо-французская конференция. Английская сторона была представлена военным министром лордом Мильнером и заместителем министра иностранных дел лордом Сесилем. От Франции были премьер-министр Клемансо и министр иностранных дел Пишон. Обсуждался британский меморандум, предварительно одобренный английским правительством, относительно раздела сфер влияния в России. 23 декабря было подписано известное соглашение по данному вопросу. Английская «зона действия» — это Дон, Кубань, Кавказ, Средняя Азия, северная часть европейской территории России; французская — Украина, Крым, Бессарабия[17]. Сибирь и Дальний Восток в данном контексте не упоминались. Этот вопрос предполагалось решать с участием Японии и США.

Проблема эта была сложной и ее решение затянулось на несколько месяцев. Прежде всего серьезные возражения против широкого участия Японии в интервенции на русской территории выдвигали США, не желавшие усиления своего главного конкурента на Дальнем Востоке. Американский империализм стремился к уничтожению социалистического строя, но американские лидеры очень настороженно относились к намерениям Японии на русском Дальнем Востоке. В США были реакционные деятели типа государственного секретаря Р. Лансинга, которые стремились любой ценой, включая использование японских войск, искоренить большевизм. Но отношение президента Вильсона к планам Японии было более осторожным.

[16] Carley M. J. The origins of the French Intervention in the Russian Civil War, January—May 1918: a Reappraisal. — The Journal of Modern History, v. 48, N 3, September 1976, p. 433.

[17] См.: Васюков В. С. Указ. соч., с. 246.

В конце 1917 г. английское правительство проводит зондаж, стремясь выяснить отношения американского правительства к идее военной интервенции на Дальнем Востоке вообще и участия в ней Японии, в частности. Ллойд Джордж писал в своих мемуарах: «В декабре 1917 г. мы запросили Японию и Соединенные Штаты, считают ли они желательной оккупацию Владивостока и установление контроля над Сибирской железной дорогой»[18]. Ответ Вашингтона был не очень обнадеживающим. США в то время высказывались как против отдельной японской интервенции, так и против совместной японо-американской интервенции.

Взаимоотношения Англии и Японии по вопросу антисоветской интервенции на Дальнем Востоке характеризовались с самого начала взаимным недоверием и подозрительностью. 30 декабря 1917 г. лорд Сесиль сообщил японскому послу в Лондоне Шинда, что английское правительство посылает крейсер «Суффолк» из Гонконга во Владивосток. Но правительство Японии, опасаясь сговора Англии и США, также послало свой крейсер, который прибыл во Владивосток за два дня до прибытия «Суффолка». По мнению английского историка Я. Ниша, эти действия Японии носили явно антибританский характер[19]. Инспирируемая властями японская буржуазная пресса разразилась статьями, осуждавшими Англию за это решение. 20 января 1918 г. газета «Асахи» выразила недовольство стремлением Англии послать свой военный корабль во Владивосток. «Англия должна доверять своему дальневосточному союзнику, — утверждалось в статье этой газеты. — Посылка английского крейсера во Владивосток должна рассматриваться как выражение недоверия Японии»[20].

Опасения, что Япония использует свое участие в антисоветской интервенции для укрепления своих позиций на Дальнем Востоке, были широко распространены в правящих кругах Великобритании. Эти опасения имели под собой серьезные основания. В Лондоне было известно, что японцы требовали признания их права на самостоятельную интервенцию, признания интересов Японии в Китае, предоставления ей горнорудных, лесных, рыболовных концессий в Сибири и на Дальнем Востоке[21]. 19 января 1918 г. лорд Хардинг, постоянный заместитель министра иностранных дел Англии, отмечал в связи с донесениями из Токио английского посла Грина: «Если японцы начнут действовать по своей собственной инициативе и без мандата от других

[18] Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. М., 1937, т. VI, с. 86.
[19] Nish I. Alliance in Decline. A study in Anglo-Japanese relation 1908—1923. L., 1972, p. 238, footnote 40.
[20] Millard's Review of the Far East. 26.1.1918, p. 270.
[21] Northedge F. S. Op. cit., p. 69—70.

держав, они сделают все, что захотят, и мы к концу войны будем рассматривать Восточную Сибирь как японскую колонию»[22]. Другой видный английский дипломат, посол в Париже лорд Берти, также записывал в своем дневнике «Если Япония пойдет туда, то для того, чтобы обосноваться там в более или менее замаскированном виде»[23]. Неприязнь к англичанам сохранялась и у японцев на протяжении всего периода интервенции. Полковник Уорд, командовавший английскими войсками в Сибири, отмечал в своих мемуарах враждебность командования японских интервенционистских войск на Дальнем Востоке к англичанам, находившимся на русской территории, включая руководителя британской военной миссии генерала Нокса[24].

Тем временем в правительственных кругах Великобритании шла проработка различных вариантов интервенции на русском Дальнем Востоке и в Сибири. В начале января 1918 г. был создан из представителей военного министерства, министерства финансов и Форин Оффис междуведомственный «Русский комитет». Он выдвинул план использования японских войск для оккупации Транссибирской железной дороги, но под контролем союзников. 24 января 1918 г. английское правительство рассмотрело меморандум «Русского комитета» по этому вопросу. На заседании присутствовали также генерал Нокс, занимавший тогда пост советника по русским делам при военном министерстве, и генерал Макдонэ, начальник военной разведки. Оба генерала и военный министр Мильнер поддержали план использования японских войск в Сибири. Иное мнение было высказано лордом Сесилем. Он говорил: «Это предложение, вероятнее всего, приведет к преобладанию японцев на всей территории Сибири, что будет иметь далеко идущие последствия для всей мировой истории, поскольку это сделает Японию сильнейшей державой в Азии, учитывая ее фактическое господство в Китае»[25]. Сесиль выступал только за оккупацию Владивостока. Тем не менее британский кабинет высказался за установление японского военного контроля над железной дорогой от Владивостока до Челябинска.

В отличие от французских правящих кругов, выступавших за немедленную военную интервенцию стран Антанты, в Англии не исключали возможности свержения Советской власти силами внутренней контрреволюции. На Дальнем Востоке такой вариант связывался первоначально с деятельностью Семенова и других атаманов. С конца января 1918 г.,

---

[22] Woodward D. R. Op. cit., p. 666.

[23] Берти. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже 1914—1919. М.—Л., 1927, с. 177.

[24] Уорд Дж. Указ. соч.

[25] Woodward D. R. Op. cit., p. 668.

после своего разгрома в Забайкалье, Семенов с разрешения китайских властей снова обосновался в Маньчжурии. Посланнику Англии в Пекине Джордану было поручено сообщить Семенову, что Англия готова ему помогать. К Семенову в качестве советника был направлен английский майор Денни. Время от времени ему передавались значительные суммы денег. И в дальнейшем, весной и летом 1918 г., английское правительство продолжало поддерживать Семенова, снабжая его деньгами и оружием. Английские фирмы поставляли товары в районы Забайкалья, захваченные к тому времени семеновцами. С атаманом Калмыковым «работали» майор Данлоп и английский консул во Владивостоке Хаджсон. В помещении английского консульства во Владивостоке спасался Калмыков от ареста советскими властями[26]. В Лондоне хорошо знали, что Семенов, Калмыков и прочие атаманы являются обыкновенными бандитами. Но, как писал лорд Хардинг Бальфуру в феврале 1918 г., поддержка Семенова для Англии значительно «безопаснее», чем японская интервенция[27].

Однако, в конечном счете, сомнения в целесообразности широкого привлечения японских войск к участию в интервенции, имевшиеся в правительственных кругах Великобритании, были рассеяны. Вполне очевидным было то, что в условиях продолжающейся войны с Германией Англия не имеет сил и средств для самостоятельных широких действий на советском Дальнем Востоке и в Сибири. Не приходилось особенно раздражать и своего дальневосточного союзника — Японию. Британские дальневосточные владения оставались практически беззащитными перед лицом возможной японской угрозы. Британский посол в Токио Грин писал, что если Англия откажется поддержать Японию в вопросе об интервенции, то она вступит в союз с Германией, чтобы достичь своих целей в России[28]. Британские руководители знали, что незадолго до этого в Стокгольме имели место контакты японских и германских представителей.

С января 1918 г. английское правительство настойчиво стремится добиться согласия США на участие Японии в антисоветской интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири. 30 января 1918 г. министр иностранных дел Англии Бальфур в послании Хаузу настаивал на том, чтобы «Япония получила от союзников приглашение, имеющее характер мандата,

[26] Вопросы истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1972, с. 9—11. Французский разведчик майор Пишон в своем докладе, представленном посланнику Франции в Пекине 4 апреля 1918 г., отмечал, что Семенов получил незначительную поддержку даже среди самих казаков. — См.: Союзническая интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири. Доклад Пишона. М.—Л., 1925, с. 40.

[27] Woodward D. R. Op. cit., p. 669.

[28] Ibid., p. 670.

оккупировать Сибирскую железную дорогу...». При этом подчеркивалось, что «британский военный кабинет придает вопросу большое военное значение»[29].

Таким образом, Англия, игравшая на данном этапе ведущую роль в организации интервенции на Дальнем Востоке, отказывается от поддержки отдельной и самостоятельной японской интервенции, как невыгодной для британских интересов и совершенно неприемлемой для США. Взамен выдвигается идея японской интервенции по «мандату» всех союзников. Первоначальному захвату подлежали сибирская железная дорога и Владивосток. Стратегическое и экономическое значение Транссибирской магистрали трудно было переоценить. Владивосток же имел важное значение как плацдарм для развертывания интервенции. Здесь за годы войны скопилось свыше 50 млн. пудов военных, промышленных и продовольственных грузов[30]. Контроль за этими материальными ресурсами играл существенную роль в борьбе за власть во всем крае.

Организаторы интервенции считали важным замаскировать цели ввода японских войск на русскую территорию. Это было чрезвычайно существенно по целому ряду причин. Еще в конце декабря 1917 г. государственный секретарь США Лансинг говорил японскому послу, что появление японских войск во Владивостоке «приведет к объединению русских вокруг большевиков против иностранной интервенции»[31]. Это, несомненно, осложнило бы достижение главной цели — свержения Советской власти. Одновременно приходилось учитывать наличие сильных антияпонских настроений, особенно среди жителей Сибири. Активный участник контрреволюционного движения Л. Кроль свидетельствовал: «...враждебность широких кругов населения (Сибири) к японцам была совершенно ясной»[32]. Наконец, приходилось учитывать и такой фактор как позиция рабочего класса и общественного мнения в самих странах Антанты и в США. Нельзя было открыто выступать против Советского государства, пользующегося поддержкой и симпатией трудящихся капиталистических стран. Интервенция под явно контрреволюционными и экспансионистскими знаменами могла бы привести к серьезным внутренним потрясениям.

Подготавливая и постепенно развертывая военную интервенцию, ее организаторы и вдохновители сформулировали основные идеи, оправдывающие иноземное вторжение в Со-

---

[29] Архив полковника Хауза, т. III, с. 275.

[30] Крушанов А. И. Указ. соч., с. 134.

[31] Цит по: Вопросы истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1972, с. 4.

[32] Кроль Л. А. За три года (воспоминания, впечатления, встречи). Владивосток, 1921, с. 203—204.

ветскую Россию. Эти идеи были затем использованы широко в буржуазной историографии. До окончания мировой войны главной была версия об антигерманской направленности интервенции. Утверждалось, что союзники хотят «восстановить» в Сибири Восточный фронт, предотвратить захват вооруженными немецкими пленными запасов военного снаряжения, завезенного союзниками в Россию, и т. п.[33]. В Англии аргументация необходимости интервенции в России носила еще и специфический «имперский» характер. Утверждалось, что необходимо воспрепятствовать продвижению немцев к Индии, захвату ими каспийских нефтяных месторождений и выходу к границам Персии и Афганистана.

По мнению британских правящих кругов, смысл участия Японии в интервенции состоял в использовании японской армии для сокрушения Советской власти. В этих целях предполагалось участие японских войск в боях против революционных сил в Западной Сибири и на Урале. Сама идея «воссоздания» Восточного фронта против Германии предполагала, что он будет проходить отнюдь не по Амуру или Байкалу. Присутствие японских вооруженных сил только на территории русского Дальнего Востока могло свидетельствовать лишь о своекорыстных экспансионистских целях Японии.

Но здесь английских сторонников антисоветской интервенции силами японской военщины ожидало разочарование: 7 февраля 1918 г. японские представители заявили, что у Японии, в случае использования ее войск в интервенции, нет намерений двигаться дальше Иркутска. По мнению Форин Оффис, «это было хуже, чем просто бесполезно»[34]. Тем не менее британский военный кабинет 25 февраля вновь подтвердил свою поддержку широкому участию Японии в интервенции в Сибири. При этом Форин Оффис продолжал требовать у посла Грина, чтобы он добился у японского правительства обязательства ввести свои войска на территорию Западной Сибири. В ответ на это министр иностранных дел Японии Мотоно заявил 11 марта, что Япония не собирается выходить за пределы «тихоокеанских провинций» России, о чем и сообщил Бальфур на заседании военного кабинета»[35]. И в дальнейшем японские руководители неизменно отвергали все попытки заставить их ввести войска в районы России, западнее Байкала. Они намеревались ис-

---

[33] См.: Светачев М. И. Концепции буржуазной историографии о воссоздании Восточного фронта в Сибири в 1918 г. — Вопросы истории, 1977. № 2.

[34] Lowe C. J. and Dockrill M. L. Op. cit., p. 314.

[35] Woodward D. R. Op. cit., p. 671, 673. М. Хэнки, секретарь военного кабинета Великобритании, считал «глупым» решение «развязать японцам руки в Сибири».

пользовать благоприятную обстановку для закрепления в Приморье, Приамурье и Забайкалье.

В самой Англии наиболее последовательными сторонниками проведения интервенции силами японских войск выступали военные деятели: новый начальник генерального штаба Г. Вильсон, генерал А. Нокс и др. Многое в решении данной проблемы зависело от США. Американское правительство пока было решительно настроено против японской интервенции на русском Дальнем Востоке. 8 февраля 1918 г. госдепартамент сообщил британскому посольству в Вашингтоне, что Соединенные Штаты на данном этапе считают «нецелесообразным» иностранное вмешательство в русские дела, и если в будущем возникнет необходимость подобной интервенции, то она может осуществляться лишь на основе международного сотрудничества, «а не одной из держав, действующей по полномочию остальных»[36].

Хауз записывал в своем дневнике о беседе с президентом Вильсоном 25 февраля 1918 г. относительно положения в России и на Дальнем Востоке: «Мы долго обсуждали вопрос об японской интервенции в Сибири, но не пришли ни к какому выводу. Имеются доводы как за, так и против нее»[37]. Американское правительство хотело получить какие-нибудь твердые гарантии, что Япония не использует свою борьбу против Советской власти для укрепления собственного влияния в Сибири и на русском Дальнем Востоке. 3 марта Хауз писал Вильсону о необходимости, чтобы японцам «было предложено сделать заявление об основаниях их действий и их политики в отношении Сибири»[38]. Правящие круги США, исходя из своих собственных империалистических интересов, противились появлению значительных японских воинских контингентов на русской территории.

Нужно иметь в виду, что незадолго до этого президент Вильсон огласил свои «14 пунктов», американскую «программу мира», прямо противопоставленную Декрету о мире и другим внешнеполитическим актам Советского государства. «14 пунктов» Вильсона в действительности являлись программой установления американской мировой гегемонии, но империалистическая суть ее прикрывалась лицемерной демократической фразеологией. Так, в шестом пункте говорилось относительно урегулирования всех затрагивающих Россию вопросов, которое обеспечит России «самое полное и свободное сотрудничество других наций в предоставлении

[36] См.: Григорцевич С. С. Американская и японская интервенция на советском Дальнем Востоке и ее разгром (1918—1920 гг.). М., 1957, с. 10; Гвишиани Л. Советская Россия и США (1917—1920 гг.). М., 1970, с. 49.

[37] Архив полковника Хауза, т. III, с. 275.

[38] Там же, с. 276.

ей беспрепятственной и ничем не стесненной возможности принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики...»[39]. Отношение правительства США к японской интервенции определялось глобальными интересами американского империализма и стремлением взять в свои руки урегулирование всех мировых проблем.

В таких условиях правительственные круги Великобритании склоняются к идее организации межсоюзнической интервенции на советском Дальнем Востоке и в Сибири с участием держав Антанты и США. В мартовском номере влиятельного британского консервативного журнала была опубликована статья под заглавием «Британская политика в России». Автор ее, известный английский капиталист Лесли Уркварт, предлагал, чтобы Англия вместе со своими союзниками захватила Владивосток и установила контроль над Транссибирской железной магистралью вплоть до Урала. Автор подчеркивал, что было бы нежелательно, если бы Владивосток был занят одними японцами или одними американцами. Вмешательство должно носить общесоюзнический характер. Л. Уркварт без обиняков писал, что интервенция имеет целью оказание моральной, материальной и военной помощи антибольшевистским элементам[40].

С весны 1918 г. правительство Англии в своих отношениях с правительством США начинает настойчиво продвигать планы межсоюзнической интервенции на Дальнем Востоке как наиболее приемлемой со всех точек зрения. Хауз отмечал, характеризуя позицию Англии, что британское правительство выражало готовность провести «военную демонстрацию» в Мурманске или другом месте, но «более важным шагом было бы, однако, продвижение через Сибирь сил, состоящих преимущественно из японцев и американцев. Общесоюзный характер этих сил был бы им придан главным образом США, хотя британские и, вероятно, также французские и итальянские отряды могли бы сопровождать их»[41].

В этих целях правительство Великобритании поручило своему послу в Вашингтоне Рединту и резиденту английской разведки в США Уайзману, пользовавшихся доверием Белого дома, добиваться согласия американского правительства на осуществление межсоюзнической интервенции в Сибири. Так, Уайзман в своих неофициальных контактах с американскими руководителями стремился убедить их в целесообразности японской интервенции. Учитывая сложившуюся в США обстановку, он в специальном меморандуме, направленном 7 марта 1918 г. в Лондон, предлагал следующее:

[39] См.: История дипломатии. М., 1965, т. III, с. 113.
[40] The Nineteenth Century and After. 1918, March, p. 468.
[41] Архив полковника Хауза, т. III, с. 284.

1) договориться с японцами относительно их заявления, что интервенция предпринимается для помощи русским, а не для выгоды самих японцев, 2) отказаться от утверждения, что интервенция в Сибири необходима, чтобы предотвратить угрозу Индии, 3) подчеркивать, что военные запасы в России могут попасть в руки германцев и будут использованы ими против американских солдат, 4) оправдывать интервенцию с либеральной и гуманистической позиции [42].

Это была программа широкой пропагандистской кампании, способной повлиять на общественное мнение Америки и Англии и позицию правительства США. В Лондоне согласились с мнением Уайзмана. В апреле 1918 г. последовало указание министра иностранных дел Бальфура снять упоминание об Индии во всех официальных документах британского правительства, касающихся интервенции в России. Предполагалось, что это устранит подозрения относительно своекорыстных интересов Великобритании в этом деле.

Активную роль в разжигании антисоветских настроений и в пропагандистской подготовке интервенции играла буржуазная пресса Англии. «Таймс» и другие газеты изо дня в день нагнетали враждебность в отношении Советской России. 4 марта 1918 г. в редакционой статье «Таймс» доказывались преимущества японской интервенции в Сибири. 21 марта 1918 г. в этой же газете публикуется редакционная статья под характерным заголовком «Угроза Центральной Азии»; в ней идет речь о положении в Советской стране. 27 марта в «Таймс» подчеркивается: «Мы не считаем, что союзники нуждаются в формальном приглашении для интервенции в России» [43].

Это упоминание о «формальном приглашении», содержащееся в выпаде «Таймс», затрагивало еще одну сторону подготовки антисоветской интервенции британским правительством. Речь шла о деятельности в Советской России неофициального представителя правительства Англии Р. Б. Локкарта. Работавший в России еще до революции, Локкарт прибыл из Лондона в Петроград 30 января 1918 г. С самого начала он развернул активную контрреволюционную деятельность. Действуя по указанию Бальфура, Локкарт стремился сорвать Брестский мир и втянуть Советскую Россию в новую войну против Германии. Эта была провокационная затея, ибо британские империалисты не собирались оказывать какой-либо реальной помощи Советскому правительству в этой войне [44].

---

[42] Fowler W. B. British-American relations 1917 1918. — The role of sir William Wiseman. Princeton, 1969, p. 172.

[43] The History of «The Times», v. IV, part. I, N. Y., 1952. p. 265—267.

[44] 5 марта 1918 г. Советское правительство обратилось с нотой к правительству США по вопросу о возможных действиях стран Антанты

Вступив в контакт с Троцким, Локкарт стремился добиться согласия советской стороны на вступление войск союзников на территорию Дальнего Востока. Переговоры с Троцким относительно «интервенции по приглашению» велись на протяжении всей весны 1918 г. Оценивая реальную ситуацию, Локкарт понимал негативные последствия самостоятельного и преждевременного выступления Японии. Уже с конца февраля 1918 г. он призывал своих руководителей в Лондоне отказаться от идеи японской интервенции в Сибири. В своих донесениях из Москвы Локкарт утверждал, что выступление Японии сплотит все слои русского общества, Англии не простят, если она позволит Японии выступить самостоятельно[45].

Но сам Локкарт, стремясь оказать давление на советскую сторону, принудить ее к «приглашению» англо-американо-французских войск, пытался использовать угрозу японского наступления. Он упоминает в своем дневнике о беседе в Москве 13 марта 1918 г. «относительно опасностей японской интервенции»[46]. Но в Лондоне не разделяли мнения своего агента. В телеграммах Бальфура, адресованных Локкарту, подчеркивалось, что участие Японии в интервенции на Дальнем Востоке является безусловно необходимым.

Свержение Советской власти, как теперь отчетливо понимали в Англии, могло быть осуществлено лишь при использовании крупных вооруженных сил. Силы внутренней контрреволюции были слишком слабы. Большую интервенционистскую армию могла направить в Россию только Япония. 6 марта 1918 г. Бальфур сообщал Хаузу: «Полученная нами информация говорила, что японское правительство уже сделало приготовления к активному выступлению в Восточной Сибири...»[47]. Поэтому, продолжая сохранять вплоть до на-

и США в случае новой войны РСФСР с Германией. В ноте, в частности, содержались вопросы: «Может ли Советское правительство рассчитывать на поддержку США, Великобритании и Франции в его борьбе против Германии. Какого рода поддержка может быть оказана в ближайшем будущем и каким образом: военным снаряжением, транспортными средствами, субсидиями и продовольствием... Какие шаги могло бы предпринять правительство Великобритании, чтобы обеспечить эту свою помощь и лишить основания слухи о якобы враждебных планах Великобритании против России в ближайшем будущем» (Документы внешней политики СССР. М., 1957, т. 1, с. 208—209). Это обращение не получило положительного отклика.

[45] См.: Вопросы истории Дальнего Востока, вып. V, с. 64.

[46] Lockhart R. B. The diaries of sir Robert B. Lockhart. London, 1973, v. 1, p. 34. Вернувшись в октябре 1918 г. в Лондон после своего ареста за контрреволюционную деятельность и освобождения, Локкарт с разочарованием записывал в дневнике: Форин Оффис «ни в малейшей степени не интересуется моей оценкой событий. Там предпочитают реакционеров, которые никогда не видели большевизма. Тиррелл и Хардинг откровенно и прямо враждебны» (p. 47).

[47] Архив полковника Хауза, т. III, с. 279. Составитель и редактор книги Хауза проф. Ч. Сеймур отмечал «гибкость» и уклончивость позиции Англии. Если Франция и Италия стояли за немедленную интервенцию

чала чехословацкого мятежа контакты с Троцким, английское правительство форсировало развертывание интервенции на Дальнем Востоке с использованием японских войск как ударной силы. Р. Грэхем, член «Русского комитета», писал в эти дни в связи с деятельностью Локкарта: «Мы зашли слишком далеко в политике поддержки японской интервенции, чтобы повернуть назад, даже если бы мы захотели этого» [48].

В условиях продолжавшейся войны с германским блоком, когда для держав Антанты был закрыт доступ в центральные районы России с запада и юга, дальневосточно-сибирское направление приобретало особо важное значение. Отсюда предполагалось нанести основной удар по Советской власти. Но развертывание интервенции упиралось пока в противодействие США. На данном этапе английским и французским руководителям не удалось убедить президента Вильсона открыто и официально поддержать японское вторжение на советскую территорию. В ноте правительства США от 5 марта 1918 г. отмечалось, что «разумность интервенции находится под большим сомнением» и далее демагогически декларировалось: «Если бы она была предпринята, то правительство США предполагает, что будут даны определенные гарантии, что Япония предпринимает интервенцию в качестве союзника России, в русских интересах, с единственным намерением защищать ее против Германии и с полным подчинением решениям заключительной мирной конференции» [49].

15 марта 1918 г. IV Чрезвычайный съезд Советов ратифицировал Брестский мирный договор. Советская Россия вышла из войны. В эти же дни, 14—16 марта, в Лондоне заседала конференция стран Антанты. Как отмечал М. Хэнки, «главным вопросом была японская интервенция в Сибири» [50]. Державы Антанты подтвердили свою позицию и направили президенту Вильсону телеграмму с просьбой поддержать выступление Японии в Сибири. Информируя Вильсона о решениях конференции, Бальфур писал: «Конференция считает, что есть только одно средство — союзная интервенция. Если Россия не может сама себе помочь, ей должны помочь ее друзья. Но помощь может быть оказана только двумя путями: через северные порты России в Европе и через ее восточные границы в Сибири. Из них Сибирь, пожалуй, наиболее важна и вместе с тем является наиболее доступной для тех сил, которыми могут располагать сейчас

японцев, то «англичане так же ясно понимали выгоды интервенции, как и перевешивающие их невыгоды, но были готовы работать с Троцким».

[48] Woodward D. R. Op. cit., p. 672.

[49] Архив полковника Хауза, т. III, с. 295.

[50] Lord Hankey. The Suprem Command, 1914—1918. L., 1961. v. 2, p. 783.

державы Антанты. И с точки зрения человеческого материала, и с точки зрения транспорта Япония может сделать сейчас в Сибири гораздо больше... Вот почему конференция считает нужным обратиться к Японии...»[51]. Одновременно 18 марта 1918 г. конференция стран Антанты опубликовала декларацию о непризнании Брестского договора.

Весной 1918 г. в Сибири и на Дальнем Востоке активизировались силы контрреволюции, готовились антисоветские мятежи. В ночь с 4 на 5 апреля 1918 г. японские власти организовали провокацию во Владивостоке — убийство двух японских граждан. Это явилось поводом для высадки японского и английского десантов. Империалисты делали таким образом практическую попытку развернуть интервенцию на советском Дальнем Востоке. 5 апреля во Владивостоке высадилось 500 японских солдат и 50 английских моряков с крейсера «Суффолк». В тот же день было опубликовано сообщение Советского правительства о японском десанте. В нем, в частности, говорилось: «Таким образом, давно подготовлявшийся империалистический удар с Востока разразился. Империалисты Японии хотят задушить Советскую революцию, отрезать Россию от Тихого океана, захватить богатые пространства Сибири, закабалить сибирских крестьян и рабочих». Хотя основная ответственность за эти события ложилась на Японию, Советское правительство с полным основанием утверждало: «Англия собирается идти рука об руку с Японией в деле разрушения России»[52].

Хотя официально японское и английское правительства пытались представить высадку своих войск во Владивостоке 5 апреля как чисто «местный» инцидент, В. И. Ленин дал директиву Владивостокскому Совету готовиться к борьбе с интервентами. В. И. Ленин подчеркивал: «Мы считаем положение весьма серьезным и самым категорическим образом предупреждаем товарищей. Не делайте себе иллюзий: японцы наверное будут наступать. Это неизбежно. Им помогут, вероятно, все без изъятия союзники»[53].

Однако, апрельская высадка войск интервентов во Владивостоке не произвела для ее организаторов необходимого эффекта. Контрреволюционные силы в Приморье еще не были готовы к широкому выступлению против Советской власти. Между самими империалистическими державами не была достигнута необходимая степень согласия. США не поддержали этой акции Японии и Англии. В британском парламенте выявилась сильная оппозиция интервенции. Бальфуру и Сесилю пришлось изворачиваться, утверждая, что десант во Владивостоке имеет «местное значение» и не

[51] Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. М., 1937, т. VI, с. 87—88.
[52] Документы внешней политики СССР. М., 1957, т. 1, с. 225.
[53] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 216.

является интервенцией. Локкарт, имея в виду преждевременность и неподготовленность высадки японского и английского десантов 5 апреля, писал: «Эта глупость во Владивостоке испортила выгоды, которые высадка германских войск в Финляндии могла нам дать. Все здесь против этого...»[54].

Явная неудача с попыткой начать интервенцию вызвала серьезные разногласия в японских правящих кругах. В ходе развернувшихся дискуссий отчетливо выявилась связь захватнических намерений японского империализма в отношении советских территорий с борьбой за господство в Восточной Азии в целом. В меморандуме министра иностранных дел Японии Мотоно от 13 апреля 1918 г. отмечалось, что «русский вопрос» воздействует на положение в Восточной Азии, поэтому Японии нужно иметь прочные позиции на русской территории. В те же дни газета «Нити-нити» писала, что «Сибирь должна рассматриваться как территория, смежная с нашими владениями». 21 апреля 1918 г. японский генеральный штаб направил правительству секретный доклад, в котором содержалась программа укрепления влияния Японии в Северном Китае и на русском Дальнем Востоке. Основное средство решения этой задачи — установление японского контроля на КВЖД. Доклад заканчивался словами: «Мы должны идти вперед, используя нынешнюю превосходную ситуацию на Дальнем Востоке...». Готовясь к нападению на Советскую Россию, японское правительство заручилось поддержкой китайских властей. 25 марта 1918 г. было достигнуто соглашение Японии и Китая о сотрудничестве в борьбе против «враждебных влияний на русской территории», 16 и 19 мая 1918 г. — военное и морское соглашения о «сотрудничестве» Японии и Китая[55].

В этих условиях в Лондоне забили отбой. Командиру «Суффолка» капитану Пэйну было приказано не предпринимать дальнейших шагов по расширению десантной операции, послу в Токио Грину поручалось добиться у японцев урегулирования конфликта во Владивостоке. Отступление империалистов носило временный характер и не означало отказа от интервенции. Ленинское предупреждение о неизбежности наступления против Советской власти на Дальнем Востоке оставалось в полной силе.

Сам факт затягивания с выступлением империалистических держав был связан с отсутствием согласия между империалистами по ряду вопросов. Американское правительство по-прежнему не соглашалось дать «зеленый свет» японскому вторжению в Советскую Россию, опасаясь ослабить свои позиции в Восточной Азии. В. И. Ленин говорил

---

[54] Lockhart R. B. Op. cit., p. 35.

[55] См.: Вопросы истории Дальнего Востока, вып. V, с. 56—64, 84—87.

29 апреля 1918 г.: «...на Западе империалистическая бойня продолжается, а на Дальнем Востоке империалистское соревнование разгорается все шире, — только этим объясняется существование Советской республики... нас защитит продолжающаяся на Западе схватка между двумя «гигантами» империализма и наша выдержка»[56].

12 апреля 1918 г. военный кабинет Великобритании снова обсуждал британскую политику в отношении Советской России. Т. Джоунс, секретарь кабинета, записывал в своем дневнике: «Решения кабинета по вопросу о том, что делать с Россией, всегда носят крайне неокончательный характер... Ситуация осложнена нежеланием американцев сотрудничать с Японией во Владивостоке. Вся дискуссия сводится к Мурманску и Архангельску. Следует ли посылать крейсеры и высаживать войска в этих портах или нет?». Премьер-министр высказался за продолжение контактов с Троцким и предлагал привлечь к ним США. В выступлении ряда министров проводилась мысль, что японцы в конечном счете могут дойти и до Урала[57].

К началу мая 1918 г. выявились просчеты инициаторов британской «интервенции по приглашению». Стало очевидным, что ленинская внешняя политика обеспечила выход Советской страны из мировой войны. 13 мая 1918 г. ЦК РКП(б) утвердил ленинские «Тезисы о современном политическом положении». В них, в частности, говорилось: «Внешняя политика Советской власти никоим образом не должна быть изменяема»[58].

К концу мая 1918 г. дело с интервенцией на Дальнем Востоке получило новый оборот. Американские представители на Дальнем Востоке приходят к единодушному мнению о необходимости вмешательства со стороны США. 30 мая 1918 г. посланник США в Пекине Рейнш докладывал госдепартаменту: «Сообщения, поступающие из различных источников, указывают на крайнюю необходимость союзной интервенции в Сибири»[59]. Подобного рода сообщения поступали и от других американских представителей, в частности, от посла Фрэнсиса из Вологды. И хотя государственный секретарь Лансинг говорил Бальфуру, что для США более «приемлема» интервенция на севере России, чем в Сибири, подход американских правящих кругов к этой проблеме начинает меняться.

Руководители Англии и Франции теперь делают ставку на чехословацкие войска, оказавшиеся в это время на территории восточных районов России. Чехословацкие воинские

[56] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 251—252.
[57] Jones Th. Whitehall Diary. L.—N. Y., 1969, v. 1, p. 59.
[58] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 323.
[59] Вопросы истории Дальнего Востока, вып. V, с. 94.

части были созданы на территории России в годы первой мировой войны. Руководство ими принадлежало Чешскому «Национальному совету», находившемуся в Париже. После Октябрьской революции Советское правительство разрешило эвакуацию чехословацкого корпуса через Владивосток во Францию. В нарушение достигнутой договоренности чехословацкие войска двигались по советской территории, не разоружаясь. Руководимые буржуазно-националистическими элементами, чехословацкие воинские части были удобным объектом для контрреволюционной антантовской авантюры. В мае 1918 г. чешские эшелоны растянулись по железной дороге от Волги до Тихого океана.

18 мая 1918 г. представитель английского правительства Р. Сесиль обратился к премьер-министру Франции Клемансо с предложением использовать чешские войска для интервенции в Сибири в виду отказа американцев согласиться на японскую интервенцию[60]. С Бенешем было подписано соглашение об использовании чехословацкого корпуса в «союзнической интервенции». Детальный план вооруженного мятежа был разработан еще 14 мая 1918 г. на совещании представителей «Национального центра» и англо-французского командования в Челябинске[61]. Он начался 25 мая 1918 г. Чехословацкие войска захватили Пензу, Челябинск, Омск, Томск, Самару, Уфу и ряд других городов. Мятеж чехословацкого корпуса сопровождался повсеместно ликвидацией органов Советской власти и установлением контрреволюционного режима.

Захватив в первые дни мятежа обширные районы Поволжья, Урала, Западной Сибири, чехословацкие войска, насчитывавшие около 80 тыс. человек, отрезали от центра страны советские районы Забайкалья и Дальнего Востока. Здесь Советская власть удерживалась еще более месяца. Чехословацкий мятеж давал определенные выгоды организаторам интервенции. Во-первых, кадровые, хорошо обученные и вооруженные части чехов становились ударной силой в борьбе с Советской властью. Во-вторых, само наличие этого корпуса на территории Советской России служило удобным поводом для интервенции держав Антанты и США. Теперь речь велась об оказании «помощи» чехословакам. 4 июня 1918 г. представители стран Антанты (Англии, Франции, Италии и США) посетили Г. В. Чичерина и заявили ему, что «их правительства смотрят на чехословацкие отряды как на союзное войско, и будут считать их разоружение или дурное обращение с ними актом недружелюбным и продиктованным влиянием Германии»[62].

[60] Там же, с. 106.
[61] Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 721.
[62] Там же, с. 347.

1—3 июня 1918 г. в Париже проходили очередные заседания Верховного военного совета Антанты. Обсуждалось положение дел в Сибири. Бальфур настойчиво убеждал японского представителя Шинду в необходимости продвижения японских войск до Челябинска. Было решено добиваться у президента Вильсона согласия на японскую интервенцию, если Япония согласится «уважать» территориальную целостность России и «двинется так далеко на запад, как это возможно...».

Решения этого совещания руководителей стран Антанты подкреплялись мощной пропагандистской кампанией в буржуазной прессе. Британские газеты «Таймс» , «Обсервер», «Дейли кроникл», «Морнинг пост» и другие публиковали статьи в поддержку военной интервенции против Советской страны. 4 июня 1918 г. «Таймс», по словам составителей истории этой газеты, совершает «сильнейшую атаку на политику большевиков»[63]. Смысл этой статьи сводился к требованию немедленного ввода войск Антанты на территорию Советской России.

Чехословацкий мятеж был на руку и американским империалистам. Однако потребовалось еще два месяца, чтобы достичь конкретной договоренности между самими интервентами. Прежде всего не поддавались уговорам японцы. Предложение Верховного совета Антанты об участии японских войск в интервенции обсуждалось в Совете по внешнеполитическим вопросам Японии с 17 по 20 июня 1918 г. Совет высказался против продвижения японской армии в Западную Сибирь, на чем особенно настаивало английское правительство, и за назначение японского генерала на пост верховного комадующего союзными силами интервентов. По мнению военного министерства Японии, выраженном на одном из заседаний Совета по внешнеполитическим вопросам, «причина, по которой Япония в данное время не может бросить все свои силы в Западную Сибирь, заключается в том, что она как лидер Восточной Азии должна быть готова к непредвиденным случайностям и к защите в указанном районе союзных интересов. В связи с этим было бы лучше, если бы Япония осуществила реконструкцию Сибирской железной дороги и оккупировала Забайкалье, откуда она могла бы защищать русский Дальний Восток, северо-западную границу Китая и косвенным путем подавлять беспорядки в Индии»[64]. В своем ответе, переданном Бальфуру, японское правительство подчеркивало, что без поддержки США интервенция на русском Дальнем Востоке не может быть осуществлена.

29 июня 1918 г. белочешские войска свергли Советскую

[63] The History of «The Times». V. 4, N. Y., 1952, p. 1, p. 267.
[64] См.: Вопросы истории Дальнего Востока, вып. V, с. 126.

власть во Владивостоке. Успеху переворота содействовал отряд английских моряков, блокировавший порт, чтобы воспрепятствовать участию в бое грузчиков и моряков, активных сторонников Советской власти[65]. В тот же день на борту английского крейсера «Суффолк» состоялось совещание представителей чешского командования и союзников. Началось наступление чехов в направлении Никольск-Уссурийского. Уже 2 июля Бальфур с удовлетворением писал послу в Вашингтоне лорду Рединту: «Полная перемена произошла в обстановке в России и в Сибири»[66].

Новый поворот событий в России устраивал и американские правящие круги. В информации, полученной Вильсоном из Парижа о заседании Верховного совета Антанты 2 июля, говорилось: «Необходимость интервенции в Сибири объясняется стремлением спасти чехословаков и воспользоваться возможностью для установления контроля над Сибирью, причем такая возможность для союзников впоследствии может уже никогда не представиться»[67].

В середине июля 1918 г. правительство США довело до сведения держав Антанты, что оно согласно на участие в «ограниченной» интервенции, дабы помочь чехословакам. Произошло то, что В. И. Ленин предвидел еще в середине мая. Он писал 13 мая 1918 г.: «Американская буржуазия может стакнуться с японской...»[68]. Затем после препирательства с японцами относительно численности военных контингентов, направляемых двумя этими странами в Советскую Россию, 3 августа 1918 г. правительство США официально декларировало о своем участии в антисоветской интервенции. В этом заявлении содержались демагогические утверждения о «вынужденном» характере интервенции, об отсутствии у США намерений покушаться на территориальную целостность и политическую независимость России, о невмешательстве в ее внутренние дела. Американское правительство утверждало: «Как представляются нынешние обстоятельства, военные действия в России допустимы лишь в целях оказания помощи чехословакам против нападающих на них вооруженых австрийских и германских военнопленных и поддержания всякого рода стремлений к самоуправлению или самозащите, если сами русские захотят принять такую помощь»[69]. В тот же день с аналогичной декларацией выступило правительство Японии.

Правящие круги Англии теперь достигли своей первой цели — объединенного выступления империалистических

[65] См.: Крушанов А. И. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке (1918—1920 гг.). Кн. I. Владивосток, 1972, с. 51.
[66] Lowe C. J. and Dockrill M. L. Op. cit., p. 318.
[67] Из истории гражданской войны в СССР. М., 1961, т. 1, с. 31.
[68] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 324.
[69] Гвишиани Л. Указ соч., с. 125.

держав для нанесения удара по Советской России с востока. Британской дипломатии удалось на время приглушить остроту японо-американских противоречий по этому вопросу. Начиналась с этого времени практическая деятельность по переброске войск интервентов, координации их действий с деятельностью сил внутренней контрреволюции.

Оценивая политику правящих кругов Великобритании в отношении Советской России с октября 1917 г. по июль 1918 г., можно сделать вывод о решающей роли этой страны в подготовке иностранной интервенции. Прежде всего это относится к Дальнему Востоку и Сибири, где Англия вместе с Францией выступила инициатором и организатором широкой антисоветской интервенции. Будучи связанными войной на Западном фронте, британские империалисты основную ставку делали на японскую армию. Ее продвижение на запад, к центральным районам Советской России, как полагали в Лондоне, могло быть обеспечено благожелательной позицией США, их соучастием в интервенции. Американские империалисты, преследуя свои собственные цели, выжидали более благоприятной обстановки. В этих условиях правительство Англии считало своей важ[illegible]ой задачей форсировать вступление США в антисоветскую интервенцию и добиться американо-японской договоренности по этому вопросу. Участие США в межсоюзной антисоветской интервенции на Дальнем Востоке было необходимо для Великобритании также с целью противодействия чрезмерному усилению Японии. Как отмечает современный американский автор, «давление в целях получения американской поддержки интервенции в России, особенно со стороны англичан, между ноябрем 1917 г. и июлем 1918 г. было мощным и непрерывным»[70].

Роль Англии в вооруженной интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири

3 августа 1918 г. во Владивостоке высадился батальон британского Миддлсекского полка под командованием Дж. Уорда. Это знаменовало собой начало английской вооруженной интервенции на советском Дальнем Востоке. Выступая в палате общин 5 августа, Бальфур уверял парламентариев, что Великобритания преследует цели «политического и экономического возрождения» России и не намеревается вмешиваться в ее внутренние дела. В таком же духе была составлена декларация правительства Великобритании от 8 августа 1918 г.[71].

[70] Trani E. Woodrow Wilson and the decition to Intervene in Russia.— The Journal of Modern History. 1976, v. 48, N 3, Sept. p. 445.

[71] См.: Вопросы истории Дальнего Востока, вып. V, с. 148.

Одновременно развернулась английская интервенция в других районах нашей страны. 2 августа был занят Архангельск, 4 августа англичане появились в Баку, стремясь захватить нефтяные месторождения. 12 августа английские войска вторглись в Среднюю Азию и 19 августа было подписано соглашение английского командования и закаспийского «правительства» об оккупации Закаспия и Туркестана войсками Великобритании[72]. 2 сентября 1918 г. в Москве был раскрыт заговор Локкарта, направленный на свержение Советского правительства.

В целом численность английских вооруженных сил в Сибири и на Дальнем Востоке была сравнительно небольшой. Кроме упомянутого батальона Миддлсекского полка в ноябре 1918 г. прибыл батальон Гэмпширского полка, имелся канадский отряд численностью около 4 тыс. человек, на Уфимском фронте некоторое время действовал бронепоезд, вооруженный пушками с крейсера «Суффолк» и с английским персоналом, во Владивостоке работала английская военная школа. Максимальная численность британских вооруженных сил в Сибири на конец марта 1919 г. составляла 5,6 тыс. солдат и офицеров (включая канадцев)[73]. Это была небольшая часть 118-тысячной армии интервентов, находившейся в то время на востоке нашей страны. Это было меньше, чем имели англичане на Севере европейской части России или на Кавказе[74].

Но тем не менее Сибирь и Дальний Восток занимали особое место в планах британских империалистов по свержению Советской власти и укреплению могущества империи. Именно отсюда предполагалось тогда нанесение главного удара по большевизму. Достаточно сказать, что если интервенционистская деятельность Англии в Закавказье и Средней Азии направлялась «Восточным комитетом» во гла-

---

[72] См. подробнее об этом: Лавров С. В. Политика Англии на Кавказе и в Средней Азии в 1917—1921 гг. — Вопросы истории, 1979, № 5.

[73] Из истории гражданской войны в СССР. М., 1961, т. 2, с. 35. Очевидно, это дало основание Черчиллю утверждать: «В Сибири наша роль была вообще незначительной...» (Черчилль У. Мировой кризис. М., 1932, с. 185).

[74] На севере европейской части России на 15 декабря 1918 г. имелось 10,7 тыс. английских солдат (из общего количества интервентов и белогвардейцев в 23,8 тыс. чел.).—См.: Из истории гражданской войны в СССР, т. 1, с. 77—78. На Кавказе было 30 тыс. английских военнослужащих. — См.: Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. М., 1957, т. 1, с. 326—327. По данным А. И. Крушанова, в октябре 1918 г. Япония имела на советском Дальнем Востоке 73 тыс. чел. (в 1919 г. численность японских войск была доведена до 148 тыс. чел.); чехословацкий корпус насчитывал около 100 тыс. чел., США имели 10 тыс. чел., Китай—6 тыс. солдат и т. п. (см.: Крушанов А. И. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке. Кн. I, с. 96).

ве с Керзоном[75], то политика в Сибири и на русском Дальнем Востоке контролировалась непосредственно правительством Англии как важнейшее дело «имперской политики»[76]. Я. Ниш, подготовивший свое исследование по архивным правительственным материалам, подчеркивает: «Военный кабинет в Лондоне каждодневно рассматривал ситуацию в Сибири»[77].

Общее руководство английскими войсками осуществлял генерал А. Нокс, назначенный 10 июля 1918 г. главой английской военной миссии в Сибири. До революции он в течение ряда лет был военным атташе Англии в Петрограде, затем служил советником военного министерства по «русским делам». Как утверждал Ллойд Джордж, этот реакционер был «самым подходящим человеком для того, чтобы иметь дело с военным аспектом русской проблемы»[78]. Нокс прибыл во Владивосток 5 сентября 1918 г. Британским верховным комиссаром в Сибири английское правительство назначило Ч. Элиота, который также в свое время служил в составе британского посольства в России.

Вторжение вооруженных сил империалистов на территорию Дальнего Востока привело к временному падению Советской власти. В августе — сентябре 1918 г. интервенты и белогвардейцы захватили основные городские центры Приморья и Приамурья. Советская власть была также свергнута на Северном Сахалине и на Камчатке. 25—28 августа 1918 г. в Хабаровске работал V съезд Советов Дальнего Востока. В резолюции съезда, осуждавшей империалистическую интервенцию, подчеркивалось: «Дальний Восток является нераздельной частью великой Российской Федеративной Советской Республики... ни одной пяди социалистической Родины не уступим без боя...»[79]. Начинался героический период подпольной и партизанской борьбы.

Возникшие к осени 1918 г. различные «правительства» на территории Сибири и Дальнего Востока, включая уфимскую Директорию, перебравшуюся в конце концов в Омск, не

[75] «Восточный комитет» был создан в конце марта 1918 г. В его заседаниях кроме председательствующего Керзона участвовали Бальфур, Сесиль, Монтэгю, Хардинг, Г. Вильсон и др. Главная цель деятельности Комитета состояла в обеспечении британских интересов на Ближнем и Среднем Востоке (см. об этом: Вопросы истории, 1979, № 5, с. 81—82).

[76] Rothwell V. H. British war aims and Peace diplomacy 1914—1918. Oxford, 1971, p. 187.

[77] Nish I. Op. cit., p. 239.

[78] См.: Вопросы истории Дальнего Востока, вып. V, с. 138. Лорд Рединг сообщал из Вашингтона, что назначение Нокса было встречено недоброжелательно в США, где его знали как реакционера, враждебно отнесшегося даже к февральской революции, и полагали, что это неблагоприятно скажется на интервенции.

[79] Крушанов А. И. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке (1918—1920 гг.). Кн. 1, Владивосток, 1972, с. 63.

внушали серьезного доверия британским империалистам. По их мнению нужна была «сильная личность», способная диктаторскими методами справиться с большевиками и восстановить в России капиталистические порядки. Такая «личность» была найдена англичанами в лице адмирала Колчака, оказавшегося после Октябрьской революции на английской службе[80]. Сам Колчак рассказывал американскому консулу в Харбине Мозеру в мае 1918 г., что он «находился в пути на месопотамский фронт, когда британское правительство предложило ему отправиться в Харбин и организовать вкупе с Семеновым движение против большевиков»[81]. Но Семенов находился под сильным японским влиянием. Полагаться на его лояльность было нельзя. И поэтому познакомившись с Колчаком (встреча состоялась в Японии, где Нокс находился проездом из США во Владивосток), глава британской военной миссии сообщал в Лондон 31 августа 1918 г.: «Несомненно, что Колчак самый подходящий из русских для нашей цели на Дальнем Востоке»[82].

Стараниями английских представителей Колчак в октябре 1918 г. стал военным министром «правительства» Директории. Нокс говорил, что назначение Колчака на этот пост обеспечивает Сибирскому правительству «помощь со стороны Англии»[83]. После прибытия в Омск Нокс берет курс на установление военной диктатуры. В Лондоне уже давно пришли к выводу о желательности именно этого варианта развития событий. 18 ноября 1918 г. Директория была устранена, и Колчак стал «верховным правителем». Установление нового режима во многом явилось результатом деятельности английских представителей. Очевидец событий генерал В. Г. Болдырев отмечал: «Для меня совершенно ясно содействие Колчаку со стороны англичан...». Хотя сам Нокс «политично» отсутствовал в Омске в дни переворота, там его заменял горячий приверженец Колчака Уорд[84]. Английские солдаты из батальона Уорда охраняли штаб Колчака, патрулировали улицы Омска, обеспечивая успех переворота. Новая власть в Омске раньше всего была признана и поддержана Англией, несколько позже — Францией. США вначале занимали выжидательную позицию. Отношение Японии к омскому «правительству» неизменно характеризовалось

[80] О Колчаке как ставленнике англичан см.: Светачев М. И. Интервенты и сибирская контрреволюция (ноябрь 1917—1918 гг.) — Вопросы истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1973; вып. III. Лившиц С. Г. К истории английской интервенции в Сибири в 1918 г. — Вопросы новой и новейшей истории. Барнаул, 1972.

[81] Из истории гражданской войны в СССР. М., 1960, т. 1, с. 18.

[82] Вопросы истории Дальнего Востока, вып. III, с. 50.

[83] Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921, т. 1, с. 276.

[84] Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты. Новониколаевск, 1925, с. 82—83, 109, 123.

большей или меньшей степенью враждебности. Колчаковский режим, установленный с помощью англичан, пользовался их полной поддержкой на протяжении всего периода своего существования. В середине января 1919 г. правительство Англии признало Колчака в качестве Верховного правителя России.

Окончание войны в Европе осложнило положение организаторов интервенции. Ликвидировался формальный повод для иностранной интервенции в России — необходимость восстановления Восточного фронта и оказание помощи чехословакам для борьбы против бывших немецких военнопленных, якобы «вооруженных» Советской властью. Но это не повело к прекращению интервенции. Осенью 1918 г. в правящих кругах Великобритании шло деятельное обсуждение вопросов, связанных с продолжением интервенции в России, в том числе вопросов, относящихся к политике в Сибири и на Дальнем Востоке. Это обсуждение показало, что британский империализм стремится к утверждению своего влияния в этих районах России, к укреплению там реакционнейшей колчаковской диктатуры.

20 октября 1918 г.(еще до колчаковского переворота в Омске) лорд Сесиль в меморандуме, представленном английскому правительству, настаивал, чтобы Великобритания и после подписания перемирия с Германией продолжала поддерживать «деньгами и оружием, насколько это возможно, любое жизнеспособное правительство Сибири»[85]. Имелось в виду «любое» правительство, кроме правительства в Москве. Но материальные возможности Англии, серьезно подорванные годами войны, и внутриполитическое положение страны все более затрудняли проведение интервенционистской политики. Это нашло свое отражение в ряде документов британского правительства. Так, 1 ноября 1918 г. британский министр иностранных дел Бальфур представил кабинету записку относительно политики Англии в России, в которой он подчеркивал необходимость поддержки антибольшевистских сил в России. Но при проведении подобной политики, по мнению Бальфура, следовало больше полагаться на те союзные страны, «которые обладают значительно большими ресурсами, чем располагаем мы»[86]. Начальник генерального штаба Г. Вильсон считал необходимым «делать все возможное в материальной помощи нашим друзьям» в России. При этом он считал целесообразным последующий уход английских войск из европейской России, но требовал

---

[85] Mayer A. J. Politics and Diplomacy of Peacemaking. Containment and Conterrevolution at Versailles, 1918—1919, New York, 1967, p. 309.

[86] Mayer A. Op. cit., p. 310; Zebel S. Balfour. Camb., 1973, p. 254.

создания «твердого» антибольшевистского правительства в Сибири.

13 ноября 1918 г. в Форин Оффис состоялось совещание, в котором участвовали Бальфур, Мильнер, Сесиль, Хардинг, руководители военной и морской разведки. После краткой дискуссии участники ее пришли к выводу о том, что английские войска должны оставаться в Мурманске и Архангельске, что следует продолжать сибирскую экспедицию и признать де-факто правительство в Омске, оказывать помощь чехам и словакам в Западной Сибири, оккупировать железную дорогу Батум—Баку, продолжать оказание материальной помощи Деникину и снабжение прибалтийских государств военными материалами, взять в свои руки Красноводск, попытаться пересмотреть англо-французскую конвенцию от 23 декабря 1917 г. о сферах влияния в России, расширив британскую сферу за счет включения в нее территорий между Доном и Волгой. Как видно, все это отнюдь не означало свертывания английской интервенции в Советской России, а, наоборот, ее дальнейшее расширение, хотя это и именовалось теперь «ограниченной» интервенцией.

14 ноября 1918 г. Бальфур доложил об этих рекомендациях военному кабинету. На заседании кабинета Керзон и Мильнер, обсуждая дальнейшие перспективы интервенции, настаивали на приоритете «южной, юго-восточной России и Сибири», ибо эти территории «наиболее тесно затрагивают интересы Британской империи». Военный кабинет одобрил рекомендации, принятые на совещании в Форин Оффис[87]. На этой и последующих стадиях обсуждения «русского вопроса» британскими правящими кругами неизменно подчеркивалась важность для Великобритании сохранения под своим влиянием Сибири и Дальнего Востока, недопущения установления там Советской власти. На заседании правительства 23 декабря 1918 г. тот же Мильнер говорил, что нельзя допустить «завоевания» Сибири большевиками.

Выработка курса политики в отношении Советской России в правительственных кругах Великобритании проходила в обстановке обострения внутриполитического положения, связанного с окончанием войны и возвращением солдат домой. Демагогический лозунг Ллойд Джорджа «превратить Англию в страну, достойную героев» было трудно реализовать на практике. Сам премьер-министр, характеризуя обстановку в Англии в конце 1918 — начале 1919 гг., писал

[87] Mayer A. Op. cit., p. 312—313. У. Черчилль излагает решение кабинета от 14 ноября 1918 г. в следующем виде: 1) помогать Деникину оружием и снаряжением, 2) отправить в Сибирь дополнительные войска и снаряжение, 3) признать Омское правительство де-факто (см.: Черчилль У. Указ. соч., с. 104).

впоследствии: «Мы испытывали значительные затруднения и подвергались серьезным опасностям в связи с медленными темпами демобилизации. То и дело возникали угрозы бунтов, с которыми нелегко было справиться. Один отряд угрожал двинуться на Лондон... Угрозы беспорядков в результате недовольства войск приняли настолько серьезный характер, что однажды мне пришлось покинуть мирные переговоры в Париже, чтобы лично заняться этой проблемой»[88] Одновременно приходили известия о росте сил Красной Армии, развитии партизанского движения в Сибири и на Дальнем Востоке, успешном отпоре интервентам. Восстание в Омске в декабре 1918 г. убедительно свидетельствовало о непрочности колчаковского режима, на который собирались опираться британские руководители. В том же декабре 1918 г. во Владивостоке был избран Приморский подпольный комитет РКП(б), вскоре принявший на себя функции Дальневосточного подпольного комитета РКП(б). Уже 12 января 1919 г. английский генеральный штаб представил правительству документ «Оценка внутреннего положения в России», в котором говорилось о крепнувшей силе большевиков[89].

Сделав тогда основную ставку на Колчака, английские империалисты оказывали ему значительную политическую, экономическую и военную помощь. Непосредственное военное участие Англии в интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке, как уже отмечалось, было сравнительно небольшим. Два батальона несли гарнизонную службу в Омске и Красноярске (один батальон под командованием Уорда принимал участие в боях на Уссурийском фронте в августе 1918 г.), до января 1919 г. на Уфимском фронте действовал бронепоезд с 29 английскими моряками с крейсера «Суффолк». Созданная англичанами военная школа во Владивостоке выпустила до июля 1919 г. около 1,6 тыс. офицеров и солдат для колчаковской армии.

Несравненно большее значение имело снабжение Англией колчаковской армии амуницией, оружием, боеприпасами. По договоренности стран Антанты верховным главнокомандующим союзными войсками, включая чехословацкие войска, считался французский генерал Жанен. Нокс взял на себя руководство снабжением армии Колчака. В тексте соответствующего соглашения говорилось: «Генерал Нокс является сотрудником генерала Жанена по всем вопросам, относящимся к идущему из-за границы продовольствию, и имеет общей задачей объединение союзной помощи в тыло-

[88] Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах, т. 1. М., 1957, с. 135.
[89] Mayer A. Op. cit., p. 418.

вой полосе... Он определяет... размеры материальных поставок, имеющих быть законными у союзников, и обеспечивает прибытие этих материалов на фронт»[90]. Британский генерал ревностно взялся за выполнение своих обязанностей. Дж. Уорд свидетельствовал в своих воспоминаниях: «...Генерал Нокс работал из всех сил и давал больше указаний русскому правительству, чем остальные союзные представители вместе... Он путешествовал из Владивостока в Омск, из Омска во Владивосток, как будто 5-тысячный переезд был для него пробегом из Лондона в Бирмингем»[91].

К марту 1919 г. только из Англии было поставлено в Сибирь 112 тыс. винтовок, 160 млн. патронов, 432 тыс. ручных гранат, 64 пушки, 20 гаубиц, 100 тыс. комплектов обмундирования. Было подготовлено к отправке одна тысяча пулеметов, 10 тыс. револьверов, 70 млн. патронов, 500 тыс. гранат, 6 броневиков, 50 самолетов и т. д.[92]. Гинс, управляющий делами правительства Колчака, писал: «Со стороны Англии и Франции... было получено при Колчаке все, что они могли дать по своему внутреннему состоянию после войны»[93]. В свою очередь, Ллойд Джордж в письме Черчиллю, Керзону и Бальфуру 30 августа 1919 г. подчеркивал: «Мы сделали все, что было в наших силах, чтобы помочь адмиралу Колчаку, не просто помогли ему снабдить его армию, но отправили военную экспедицию, которая должна была проникнуть в глубь России, чтобы соединиться с ним»[94].

Оказание помощи колчаковскому режиму объяснялось во многом стремлением укрепить свое влияние и занять господствующие позиции в этой части России. Сибирь и русский Дальний Восток давно привлекали внимание английских империалистов. Природные ресурсы, выгодное географическое положение — на стыке с Монголией и Китаем, близость к Туркестану и Индии (что особенно любили подчеркивать английские государственные деятели) — все это учитывалось в интервенционистских планах.

Еще в апреле 1918 г. английское правительство направило специальную миссию на советский Дальний Восток во главе с Метколфом. Одной из задач миссии было «исследование экономических нужд Сибири». Вернувшись в Лондон в сентябре 1918 г., Метколф представил отчет, в котором рекомендовал послать в Сибирь энергичных бизнесменов для установления контактов с «земством» и кооперативными организациями, а также создать консорциум английских,

---

[90] Из истории гражданской войны в СССР, т. 1, с. 817.
[91] Уорд Дж. Указ. соч., с. 111.
[92] См.: Вопросы истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1972, с. 31.
[93] Гинс Г. К. Указ. соч., с. 61.
[94] Owen F. Tempestuous journey. Lloyd George: his life and times. L., 1954, p. 518.

американских, японских и французских фирм для устранения вредной конкуренции и выработки взаимносогласованного курса действий в этой части России. Активным сторонником экономических методов укрепления влияния британского монополистического капитала в Сибири и на Дальнем Востоке был верховный комиссар Ч. Элиот.

В сентябре 1918 г. английское правительство создало «Компанию по снабжению Сибири», во главе которой был поставлен Лесли Уркварт. Цель деятельности компании — поставка в Сибирь и на русский Дальний Восток потребительских товаров. Руководство деятельностью этой компании из Лондона осуществляло министерство торговли, в России она подчинялась британскому верховному комиссару в Сибири и действовала как «неприбыльная» организация. «Компания по снабжению Сибири» действовала на протяжении всего 1919 г. и ввезла товаров на сумму 280 тыс. ф. ст. Автор специальной работы по данной теме А. Кольц считает, что предприятие это не добилось серьезного успеха. Компания не смогла развернуть в сколько-нибудь значительном масштабе свои операции. Главная причина этого — противодействие британских частных фирм, ограничивших деятельность «Компании по снабжению Сибири» [95].

В феврале 1919 г. английское правительство предложило создать в Сибири «Межсоюзный банк». Но из этой затеи ничего не вышло.

Заинтересованность британских правящих кругов в укреплении своего влияния в экономике Сибири отчетливо показана в одном из официальных документов правительства Великобритании, датированном ноябрем 1918 г. В нем, в частности, говорилось: «... нам следует опасаться потерять ресурсы Сибири, которые совершенно необходимы для восстановления после войны. Излишне подчеркивать важность сохранения нашего контроля над этими ресурсами, как с точки зрения недопущения захвата их большевиками, так и в качестве гарантии по финансовым обязательствам нам со стороны русского правительства» [96].

Активно отстаивали интересы британского капитала Нокс, Элиот и сотрудники аппарата их ведомств. Генерал Нокс в донесении военному министерству от 4 ноября 1918 г. подчеркивал, что британские войска в Сибири служат, чтобы обеспечить «огромный выигрыш в торговле и укреплении престижа Великобритании» и высокопарно сравнивал их деятельность с тем, что было сделано для развития британ-

[95] Kolz A. W. British Economic Interests in Siberia during the Russian Civil War, 1918—1920. — The Journal of Modern History, v. 48, N 3, September 1976, pp. 484—485.

[96] Ibid., p. 485.

ской торговли и расширения империи «людьми лорда Клайва» в период завоевания Индии[97]. Само это сравнение свидетельствовало о непомерной амбиции и больших надеждах, которые появились у части английских деятелей в связи с началом интервенции и появлением английских солдат в Сибири и на Дальнем Востоке.

В этой связи А. Кольц отмечает, что Великобритания выступала за обособление Сибири от остальной России и за то, чтобы правительство Колчака было «правительством Сибири», а не общерусским правительством. Действительно, выступая 3 декабря 1918 г. на заседании кабинета Бальфур говорил, что «никто не может желать, чтобы границы России оставались такими же, как прежде»[98]. Британские империалисты на протяжении всего периода интервенции стремились к решению этой двуединой задачи: уничтожение Советской власти и ослабление и расчленение России. Выдвигая планы расчленения России и отделения от нее Сибири, английские правящие круги добивались также укрепления своих позиций в Восточной Азии.

Весной 1919 г. полковник Уорд совершил большую поездку по Уралу. 3 мая он вернулся в Омск: «У меня была длинная беседа с генералом Ноксом относительно моего путешествия по Уралу и данных, собранных мною об ископаемых и производительных ресурсах тех округов, через которые я проезжал»[99].

В правительственном аппарате Англии, по словам А. Кольца, наиболее активные сторонники экономической экспансии в Сибири и на русском Дальнем Востоке служили в министерстве торговли. «Эти люди хотели ухватиться за все экономические выгоды, захватить столько, сколько могли, позволить возможности Великобритании, и сотрудничать с другими державами только в случае, если это было ей не под силу»[100]. Позиция руководства министерства торговли в этом вопросе поддерживалась министерством финансов и военным министерством. Несколько иной была позиция междуведомственного «Русского комитета». В «Замечаниях относительно деятельности «Компании по снабжению Сибири», датированных 17 октября 1918 г., отмечалось: «Суть нашей политики состоит в том, что предприятие это (т. е. упомянутая компания) имеет политическое значение, а не коммерческое. Наш подход и подход министерства торговли противоположны в принципе, и этот тупик будет сохраняться, пока не будет принято авторитетное решение о характере и целях нашей экономической политики в Сибири».

[97] Ibid., p. 486.
[98] Mayer A. Op. cit., p. 309.
[99] Уорд Дж. Указ. соч., с. 141.
[100] Kolz A. W. Op. cit., p. 486.

Хотя решения на правительственном уровне о характере экономической политики Англии в Сибири принято не было, руководители Форин Оффис Бальфур и Сесиль были согласны с мнением «Русского комитета»[101]. Они выступали за более целеустремленную деятельность, направленную на укрепление политического влияния Великобритании и были против узкоутилитарного прагматического подхода, предполагавшего получение немедленных прибылей.

Английское правительство на протяжении всего периода интервенции пыталось стимулировать предпринимательскую деятельность британского капитала в Сибири и на Дальнем Востоке. В январе 1919 г. Англия предложила своим союзникам «либерализовать» блокадные ограничения для Сибири, рассматривая ее как нейтральную страну за пределами блокадной территории. В июне 1919 г. правительство Англии стало гарантировать «страхование британских экспортных грузов... находящихся в России в ожидании доставки покупателям, и на русские экспортные грузы, приобретенные британскими фирмами и ожидающие погрузки на суда». Эта мера должна была стимулировать развитие экспортной торговли с теми областями России, которые находились под контролем белогвардейцев. Предполагалось использование новых торговых путей с районами Сибири. Так, в августе 1919 г. англичане отправили из Архангельска 11 судов с ледоколом через Карское море на Обь. Семь тысяч тонн груза прибыло в начале ноября в Томск и Новониколаевск[102].

Деятельность правительственных органов Англии подкреплялась деятельностью частного капитала. Еще летом 1918 г. в период своей миссии в Сибири Метколф как представитель фирмы «Бабкок энд Уилкокс» изучал возможность инвестиций британского капитала в этом районе и предупреждал об острой японской конкуренции в этой сфере. Английская частная фирма «Британская торговая ассоциация» активно действовала как конкурент правительственной «Компании по снабжению Сибири».

Большую активность проявлял известный с дореволюционных времен своей деятельностью в Сибири и на Урале Лесли Уркварт. «Русско-азиатская корпорация», возглавляемая Л. Урквартом, контролировала деятельность «Иртышской корпорации», занимавшейся добычей угля, свинца, серебра и других цветных металлов в Сибири и Казахстане, и «Каштымской корпорации», занимавшейся добычей меди на южном Урале. В «Манчестер гардиан» от 17 декабря 1918 г. были приведены слова Л. Уркварта относительно «Иртышской корпорации»: «Это огромное горнодобывающее

[101] Ibid., p. 487.
[102] Ibidem.

и металлургическое предприятие теперь создано и готово приносить большие прибыли»[103]. В первые четыре месяца 1919 г. стоимость акций сибирских горнопромышленных компаний на лондонской бирже неизменно повышалась. Особенно прочными были акции «Лена Гольдфилдс». Но делом 1919 г. в связи с поражением Колчака началось падение этих акций.

Наиболее широкие планы экспансии в Сибири вынашивал уже названный выше английский предприниматель Метколф. Сознавая ограниченность финансовых возможностей Великобритании, он еще в сентябре 1918 г. предлагал создание международного консорциума. В учредители предполагаемой им международной корпорации по эксплуатации Сибири и территории русского Дальнего Востока им предлагались лорд Фарингтон («Бритиш трейд корпорейшн»), Ф. Вандерлип («Сити бэнк оф Нью-Йорк»), Кухара («Кухара майнинг К°») и представитель французской компании. Метколф писал 1 октября 1918 г. лорду Сесилю, что после окончания войны японцы и американцы в силу своего географического положения будут доминировать в Сибири. «Мы не можем позволить, чтобы Америка и Япония стали монополистами, к чему они стремятся, и должны либо соединиться с ними, как это мной предлагается, либо самим предпринимать в одиночку большие усилия, либо быть готовыми остаться на второстепенных и третьестепенных ролях на этих рынках»[104].

Министерство торговли Англии поддержало идею создания «объединенного консорциума» для деятельности в Сибири. В одном из документов этого министерства, датированном 17 октября 1918 г., говорилось: «Американцы и японцы имеют достаточно капитала для инвестиций в Сибири, у нас же его мало. Они, таким образом, непременно побьют нас, если дело дойдет до свободной конкуренции...»[105].

Значительно позже, в августе 1919 г., в Токио велись переговоры по практической реализации проекта, выдвинутого Метколфом. На этих переговорах речь шла о создании англо-американо-японской корпорации с целью «строительства шахт, железнодорожного и промышленного развития Сибири» под названием «Японо-британская торговая корпорация». С английской стороны ее основателями выступали лорд Коудрей («С. Пирсон энд сан»), лорд Фарингтон («Бритиш трейд корпорейшн»), Ф. Докер («Метрополитен К°»), Дж. Кемнэл («Бабкок энд Уилкокс»). Они намеревались получить поддержку таких банков как «Бэринг»,

---

[103] Ibid., p. 488.
[104] Ibid., p. 489.
[105] Ibid., p. 490.

«Хамбро», «Лазар». Японскую сторону представляли «Кухара майнинг К⁰» и также компании Мицуи, Мицубиси, Сумитомо. В дальнейшем предполагалось присоединение американской группы в составе «Америкэн интернейшнл корпорейшн» и «Америкэн смэлтинг энд рифайнинг К⁰».

Деятельность этой международной корпорации по эксплуатации природных ресурсов, транспорта и промышленности Сибири и русского Дальнего Востока не была начата в связи с разгромом Колчака. Но важно отметить при этом, что английское правительство «молчаливо одобрило» создание этого международного объединения»[106].

Экономическая экспансия империалистов в Сибири и на Дальнем Востоке развертывалась в широком масштабе. Эта экспансия прикрывалась лозунгом оказания «помощи» населению, армии, транспорту Сибири. Японцы и американцы, англичане и французы захватывали и вывозили минеральное сырье, золото, меха, суда[107]. В. Г. Болдырев в октябре 1918 г. записывал в своем дневнике о разговоре с Колчаком, только что прибывшим с Дальнего Востока. Колчак считал Дальний Восток «потерянным, если не навсегда, то, по крайней мере, очень надолго... Притязания Америки весьма крупные, а Япония не брезгует ничем. Одним словом, завоевание Дальнего Востока идет полным темпом»[108]. Англичан особенно интересовал вопрос о судьбе золотого запаса России, захваченного Колчаком. Крупнейшая на Дальнем Востоке британская финансовая монополия — Гонконг-Шанхайский банк — занималась реализацией этого золота. В 1919 г. через Владивосток было отправлено 11 453 пуда золота на сумму 241,9 млн. р.[109]. В связи с крахом колчаковщины в начале 1920 г. белогвардейцы получили указание о том, что депонирование остатков золотого запаса России желательно «при посредстве и под гарантией английских банков Беринга, Нашиональ-Сити-Банк, Лондон-Сити-энд-Мидленд-Банк»[110].

Лагерь интервентов раздирали острейшие споры и противоречия. Постоянно велась борьба за контроль над важнейшими сферами экономики Сибири и Дальнего Востока

---

[106] Ibid., p. 490; Documents on British Foreign Policy. 1919—1939 (DBFP), 1 series, v. 111, pp. 534—535.

[107] См.: Григорцевич С. С. Американская и японская интервенция на советском Дальнем Востоке и ее разгром (1918—1920 гг.). М., 1957, с. 35—40.

[108] Болдырев В. Г. Указ. соч., с. 72.

[109] Крушанов А. И. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке, кн. I, с. 134. По данным «Экономической жизни» (8.IX.1920), в мае 1919 г. англичане получили от Колчака 516 пудов золота, в июле 1919 г. — 698 пудов (совместно с французами).

[110] Исторический архив, 1961, № 6, с. 99. А. А. Нератов — С. Д. Сазонову, 1920, 2 февр.

(железнодорожным транспортом, прежде всего), административным и военным управлением. Полковник Дж. Уорд отмечал в своих мемуарах: «...взаимное соперничество союзников настолько велико, что делает бессильными все их старания»[111]. В. Г. Болдырев, со своей стороны, подтверждал: «Иностранцы в подозрении и вражде друг к другу на основе самой обостренной конкуренции»[112].

Серьезное беспокойство в правящих кругах Великобритании вызывала деятельность Японии на русском Дальнем Востоке. Введя свои войска на территорию Приморья, Приамурья и Забайкалья, японцы окончательно отказались двигаться дальше на запад. Оставалась нереализованной главная задача, ради решения которой Англия всемерно поощряла японскую интервенцию, а именно, ликвидация Советской власти. Английский историк Д. Вудвард писал, что правительство Великобритании своими действиями «открыло Сибирь японцам без каких-либо выгод для британской политики»[113].

70-тысячная японская армия, введенная на советский Дальний Восток в сентябре 1918 г., активно закрепляла там свои позиции. В эти дни поездку на Дальний Восток совершил глава Сибирского «правительства» Вологодский. Сопровождавший его в этой поездке Г. К. Гинс вспоминал: «Начиная с Читы, повсюду встречались японские солдаты и офицеры. Главу Сибирского правительства никто из японских военных властей не выражал желания видеть. Японцы делали свое дело настойчиво, без шума и, казалось, с полным безразличием к русской власти»[114]. Эти действия японских правящих кругов, направленные на превращение оккупированных районов России в свою сферу влияния, встречались в Лондоне настороженно. Тот же Д. Вудвард отмечал: «Имперски мыслящие государственные деятели Великобритании осознали и опасались попыток Японии расширить свое влияние в Азии»[115].

Осенью 1918 г. развернулась борьба между американцами и японцами из-за контроля над Китайско-Восточной железной дорогой и Транссибирской магистралью. В Харбине и Владивостоке между представителями держав Антанты и США велись секретные переговоры. В этом споре англичане внешне заняли позицию невмешательства, заявив, что признают любое соглашение по этому вопросу, которое будет достигнуто между представителями США и Японии[116]. В марте 1919 г. были подписаны соглашения о составе Меж-

[111] Уорд Дж. Указ. соч., с. 91.
[112] Болдырев В. Г. Указ. соч., с. 211.
[113] Woodward D. Op. cit., p. 684.
[114] Гинс Г. К. Указ. соч., с. 216.
[115] Woodward D. Op. cit., p. 684.
[116] Ullman R. Britain and the Russian Civil War, p. 37.

союзного железнодорожного комитета (английским представителем там был Ч. Элиот) и Технического совета (английский представитель Джен). Ведущую роль в обеих этих организациях играли США.

В целом в японо-американских спорах, касающихся положения в Сибири и на Дальнем Востоке, англичане занимали обычно уклончивую позицию. Так, обеспокоенные концентрацией японских войск в Восточной Сибири и Северной Маньчжурии, Соединенные Штаты предложили Англии совместно выразить протест японскому правительству (нота правительства США от 16 ноября 1918 г.). В ответе правительства Великобритании от 9 декабря 1918 г. говорилось, что оно не видит оснований для возражения против присутствия японских войск на русской территории, ибо заинтересовано в привлечении японских и американских войск к активным действиям в Сибири. Однако при этом в ноте отмечалось, что правительство Великобритании «совершенно не способно понять, для каких целей японские войска сконцентрированы в столь значительных количествах в Восточной Сибири», поскольку до сих пор не видно сколь-нибудь значительных усилий японских войск помочь чехам или «защитить население против большевиков»[117]. В начале января 1919 г. исполняющий обязанности государственного секретаря США Ф. Полк упрекал британского поверенного в делах в Вашингтоне в «нейтральности» Англии в американо-японских конфликтах в Сибири.

Американский историк Р. Уллмэн отмечал, что «даже в вопросах, более непосредственно затрагивавших собственные интересы англичан в Сибири, британское правительство действовало с крайней осторожностью в обращении к Токио»[118], хотя в ряде случаев действия японцев шли в разрез с намерениями Англии. Так, поддержка японцами Семенова вызывала раздражение в Лондоне, поскольку последний часто действовал против Колчака, на которого Англия делала основную ставку. Когда английский представитель в межсоюзном Техническом совете, которым руководил американец Стивенс, выразил недовольство неопределенностью своего положения, то ему было указано, что правительство Великобритании стремится избежать действий, которые могут быть расценены как вмешательство в реорганизацию железных дорог России, проводимую американцами по согласованию с японской стороной[119].

Чем глубже увязали Англия и другие империалистические государства в антисоветской интервенции, тем сильнее становилось движение солидарности с социалистической рево-

[117] Ibidem.
[118] Ibid, p. 38.
[119] DBFP, I series, v. III, p. 367.

люцией в капиталистических странах. Особенно сильным движение за прекращение антисоветской интервенции было в Англии. Английский рабочий класс решительно требовал прекращения интервенции, вывода английских войск из Советской России, отказа от поддержки сил внутренней контрреволюции. Белогвардейский представитель К. Д. Набоков сообщал из Лондона: «...политические препятствия к посылке крупных союзных сил в Россию огромны, в особенности в Англии. Все радикальные круги и рабочая партия ведут упорную агитацию за невмешательство, и с этим правительство должно очень считаться. Кроме того, сами войска жаждут демобилизации» [120].

Руководителям английского правительства становилось все труднее оправдывать участие своей страны в антисоветской интервенции, особенно после окончания войны с Германией. Тревогу правящим кругам страны внушало нежелание английских солдат отправляться в Россию и состояние войск, уже находившихся на советской территории. Возражая Черчиллю, требовавшему расширения интервенции, британский премьер-министр Ллойд Джордж говорил на заседании кабинета 31 декабря 1918 г.: «Где нам найти войска, которые могли бы совершить этот поход в сердце России и оккупировать страну?». Через несколько недель при обсуждении «русского вопроса» на Парижской мирной конференции Ллойд Джордж говорил: «Из всех сообщений видно, что союзные войска в Сибири и на севере России весьма мало склонны продолжать кампанию и решили вернуться домой». В тот же день на заседании британской имперской делегации в Париже премьер-министр Канады Борден заявил, что Канада отведет свои войска из России. Представитель Южно-Африканского Союза Смэтс высказался против продолжения военного вмешательства и «неограниченного» финансирования интервенции в России. Премьер-министр Австралии Юз заявил, в свою очередь, что Австралия своих войск в Россию не пошлет [121].

На протяжении всего периода интервенции в английских правящих кругах существовало несколько мнений по вопросу об отношении к Советской России. Буржуазные авторы, как правило, выделяют наличие двух линий в политике Англии в отношении антисоветской интервенции. В зависимости от положения дел с интервенцией и конкретной проблемы, ставшей объектом дискуссии, варьировался состав этих групп в правительственных кругах Великобритании. За самую широкую интервенцию и активную поддержку внутренней

[120] Исторический архив, 1961, № 6, с. 68. К. Д. Набоков—В. А. Маклакову, 1918, 28 дек.

[121] Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах, т. 1, с. 284, 289.

контрреволюции в России выступал У. Черчилль, ставший с января 1919 г. военным министром. Черчилля обычно поддерживали другие твердые интервенционисты: министр колоний (с января 1919 г.) Мильнер, морской министр Лонг, заместитель министра иностранных дел Р. Сесиль, начальник генерального штаба Г. Вильсон, лорд (председатель совета) Керзон, замещавший Бальфура в руководстве Форин Оффис, поскольку последний почти постоянно находился в Париже в связи с разработкой мирных договоров. Черчилля поддерживали многие депутаты-консерваторы.

Более гибкий подход к проблеме антисоветской интервенции проявлял премьер-министр Ллойд Джордж. Р. Уллмэн, изучивший архивы кабинета, отмечает, что премьер-министра поддерживали лидер консервативной партии Бонар Лоу, министр иностранных дел Бальфур, министр финансов О. Чемберлен, министр образования Г. Фишер, министр здравоохранения К. Аддисон [122]. Они высказывались против планов расширения участия Великобритании в антисоветской интервенции по разным причинам: Бонар Лоу и О. Чемберлен — по причинам финансового и внутреннего порядка, Бальфур занимался вопросами мирного урегулирования в Европе. Среди английских представителей в России «жесткий» курс поддерживал генерал Нокс, за более «гибкую» политику высказывался Локкарт в Москве и генерал Пуль в Архангельске [123]. Эти различия не касались основного — стремления к уничтожению первого в мире социалистического государства. Проявлялся лишь разный подход к решению этой проблемы, выдвигались разные методы. Р. Уллмэн, отмечая различия во взглядах британских государственных деятелей по вопросам интервенции в Советской России, признает, что премьер-министр ни разу открыто не выступил против интервенционистских планов Черчилля и его единомышленников.

Трудности внутреннего порядка, осложнявшие для английских руководителей участие в антисоветской интервенции, не привели к отказу от ее проведения. В решении, принятом на заседании британской имперской делегации на Парижской мирной конференции 19 января 1919 г., в частности, говорилось: «...военные силы Британской империи, находящиеся в настоящее время в России, не будут немедленно отозваны. Мы готовы участвовать во всех мероприятиях, какие великие державы признают необходимыми для защиты от вторжения в любое независимое государство, ко-

[122] Ullman R. Op. cit., p. 303; Лавров С. В. Борьба в политических кругах Великобритании вокруг англо-советских переговоров 1920—1921 гг. — Вопросы истории, 1977, № 6, с. 61—62.

[123] Northedge F. The Troubled Giant. L., 1966, p. 76; Jones Th. Whitehall Diary, v. 1, L.—N. Y., 1969, p. 59.

торое может быть создано»[124]. Такое «государство» могло при определенных обстоятельствах быть создано и на восточных окраинах России. Через месяц после этого Ф. Керр, информируя премьер-министра, уехавшего в Лондон, о заседании имперской делегации на мирной конференции отмечал нежелание представителей доминионов продолжать войну против большевиков. Но при этом он подчеркнул: «С другой стороны, все, как кажется, единодушно признали, что было бы очень нежелательно позволить большевикам овладеть Сибирью и теми небольшими государствами, которые образовались на ее (России) окраинах...»[125].

Первые месяцы 1919 г. были ознаменованы успехами белой армии на Восточном фронте. В начале марта колчаковцы развернули наступление по всему фронту, стремясь выйти к Волге, соединиться с северной и южной контрреволюцией. Над Советской страной нависла серьезная угроза. Но это продвижение не было прочным, так как не опиралось на крепкий тыл. Вся территория Сибири и Дальнего Востока была охвачена пламенем партизанской борьбы.

В конце апреля—начале мая 1919 г. Красная Армия начала мощное контрнаступление на Восточном фронте. За короткий срок белые армии были отброшены далеко на восток. Общая деморализация охватила армию и все звенья правительственного аппарата колчаковского «государства». Кровавый режим Колчака ускорил перелом в настроении сибирского крестьянства, поворот его в сторону большевиков и Советской власти. В июле 1919 г., говоря о колчаковцах и соглашателях, В. И. Ленин отмечал: «Сейчас массы отшатнулись от них, и мы видим восстание в Сибири, в котором участвуют не только рабочие и крестьяне, а даже кулаки и интеллигенция. Мы видим полный развал колчаковщины»[126]. Разброд усилился и среди войск интервентов. Чехословацкие войска отказывались сражаться на фронте.

Кардинальное изменение ситуации в Сибири приводит правящие круги Великобритании к поискам новых решений. Делаются попытки спасти контрреволюционные силы от полного разгрома. В середине мая 1919 г. Колчак был вынужден обратиться за помощью к Японии, направив в Токио специальную миссию. Однако японские империалисты потребовали за это высокую плату. Они требовали: 1) превращения Владивостока в открытый порт, 2) свободной торговли и плавания для японцев в бассейне Амура, 3) контроля над Транссибирской железной магистралью и КВЖД, 4) расширения права рыбной ловли в русских прибреж-

---

[124] Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах, т. I, с. 305.
[125] Там же, с. 322.
[126] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 87.

ных водах, 5) продажи Японии Северного Сахалина[127]. Удовлетворение этих требований Японии не было в интересах Англии и США, которые пошли на принятие ряда дополнительных мер. 25 мая 1919 г. страны Антанты подтвердили свою готовность снабжать Колчака вооружением, снаряжением и продовольствием. С. Д. Сазонов сообщал в Омск в эти дни, что правительственные учреждения в Англии «готовы всем нам содействовать, по возможности избегая лишь чрезмерной огласки, чтобы не раздражать левых»[128].

Верховный комиссар Англии в Сибири Ч. Элиот настаивал перед правительством Великобритании, чтобы Колчака заставили «либерализовать» свой режим, который не пользуется поддержкой народа[129]. 26 мая Верховный совет Антанты обратился к Колчаку с нотой относительно избрания конституционной ассамблеи и других «демократических» преобразований. Но разговоры о «либерализации» кровавого колчаковского режима были уже запоздалыми. Военно-террористическая диктатура трещала по всем швам. 3 июня 1919 г. английский представитель во Владивостоке полковник Робертсон доносил Керзону: «Обстановка в целом является неудовлетворительной»[130]. На заседании кабинета 18 июня 1919 г. Черчилль пытался доказывать, что поражения Колчака закончились, а у Деникина — большие успехи. Но следующие сообщения из Сибири не подтверждали этого оптимизма. Элиот телеграфировал из Владивостока: «Военная и политическая ситуация является критической»[131].

29 июля 1919 г. состоялось заседание британского кабинета. Вновь рассматривался вопрос о положении в России. Русский отдел Форин Оффис в своем меморандуме от 28 июля констатировал провал интервенции на Севере России и в Сибири[132]. В развернувшейся дискуссии ряд министров — Барнс, Аддисон, Фишер выступили против продолжения антисоветской интервенции. Отвечая им, премьер-министр Ллойд Джордж утверждал, что интервенция в России «была начата как составная часть войны против Германии и была продолжена из-за предположения, что русский народ поднимется на помощь Колчаку и Деникину против большевистской тирании. В отношении Колчака это предположение, очевидно, оказалось неверным, и поэтому Великобритания

[127] Вопросы истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1972, с. 32.
[128] Исторический архив, 1957, № 2, с. 69.
[129] DBFP, 1 series, v. 111, p. 320. Верховный комиссар Великобритании, впрочем, никогда не питал особых иллюзий в отношении режима Колчака. Близко наблюдавший его Г. К. Гинс отмечал, что Элиот «относился к омской власти со скептическим недоверием». Гинс Г. К. Указ. соч., с. 60—61.
[130] DBFP, 1 series, v. 111, p. 339.
[131] Ibid., p. 464.
[132] Ibid., p. 461.

должна прекратить оказание ему помощи. По положение Деникина иное... поэтому британская помощь должна ему предоставляться»[133]. Глава английского правительства выступал за изменение основного направления в антисоветской интервенции.

С лета 1919 г. дело Колчака в Англии считают проигранным. Памятуя, что нет постоянных друзей, а есть постоянные интересы, правящие круги Великобритании делают теперь основную ставку на Деникина. Но британский империализм не вышел «из игры» и, хотя центр тяжести в антисоветской борьбе перемещается на юг России, Сибирь и Дальний Восток продолжали оставаться сферой его активной деятельности.

Лидеры белогвардейцев учитывали это и стремились использовать в своих интересах. Управляющий колчаковским министерством иностранных дел И. И. Сукин отмечал: «Разгорающийся все сильнее антагонизм между Америкой и Японией не позволяет рассчитывать ни на ту, ни на другую державу. Лишь от Великобритании мы можем ожидать умеряющего посредничества... Мы никогда не переставали рассматривать Лондон как важнейший центр реальной опоры России в нынешний период борьбы»[134]. Эта уверенность белогвардейцев основывалась на яром антисоветизме британских правящих кругов, который неизменно проявлялся во внешней политике Великобритании. Как раз в это время Керзон в связи с некоторым смещением акцентов в «русской» политике Англии писал своему посланнику Джордану в Пекин: «Мы не изменили нашей политики активного противодействия большевизму»[135].

Летом и осенью 1919 г. среди английских представителей в Сибири и на русском Дальнем Востоке проявились разногласия по вопросу о перспективах колчаковского режима и путях сохранения влияния Великобритании в этом регионе. Положение в восточных районах России по-разному рисовалось британским представителям в Омске и Владивостоке. Летом 1919 г. в Омске продолжали оставаться генерал Нокс и дипломатический представитель Р. Ходжсон, являвшийся много лет до этого (с 1906 г.) британским консулом во Владивостоке. Штаб-квартиры британской военной миссии и верховного комиссара Великобритании находились во Владивостоке. Представителем Нокса там был бригадный генерал Дж. Блэйр. Аппарат верховного комиссара после отъезда Ч. Элиота, назначенного послом в Японию, возглав-

[133] Ullman R. Op. cit., p. 209.
[134] Исторический архив, 1957, № 2, с. 73. И. И. Сукин — С. Д. Сазонову, 1919, 12 сент.
[135] DBFP, I series, v. 111, p. 536

лял Б. О'Рейли, опытный английский дипломат, работавший ранее на Балканах, в Испании и в странах Латинской Америки.

У этих английских представителей постепенно выявляется различный подход к оценке перспектив борьбы против Советской власти. В начале августа 1919 г. О'Рейли обращает внимание правительства Англии на деятельность сторонников земского движения, в которых он видит альтернативу колчаковцам. О'Рейли призывал английское правительство добиваться у Колчака согласия на поддержку «представительных учреждений» (земства, городских самоуправлений). 9 августа он телеграфировал Керзону: «Мы теперь начинаем снова и строим на более прочном фундаменте»[136]. В начале сентября этот британский представитель встречался с лидерами «земского движения» в Приморье, создавшими организацию для устранения Колчака. Тогда же состоялась встреча генерала Блэйра с чешским генералом Гайдой, устраненным Колчаком от командования армией. Блэйру стало известно, что американцы благосклонно относятся к этим противникам Колчака. Во Владивостоке теперь находились английские войска, и Блэйр запрашивал инструкций, поддерживать ли силой заговорщиков или нет.

Однако, Нокс и Ходжсон были против того, что О'Рейли и Блэйр вступили в контакт с «земцами». Они считали, что никакое другое правительство в Сибири не будет столь враждебно большевикам, как правительство Колчака. Поэтому они высказывались против устранения Колчака. Ходжсон полагал, что союзники должны поддерживать Колчака «бескомпромиссно»[137]. Действия английских представителей встревожили и Черчилля. 17 сентября он писал Керзону: «Боевые действия у Колчака развертываются неплохо... Но я очень встревожен тем, что наши представители позволили вовлечь себя в дискуссии о свержении Колчака путем организации революции во Владивостоке»[138]. Подобный переворот был бы на руку американцам, которые давно уже искали себе опоры среди противников Колчака из лагеря буржуазии и соглашателей[139]. Черчилль просил Керзона направить соответствующие инструкции во Владивосток. 18 сентября Керзон телеграфировал О'Рейли: «Вы не должны делать ничего, что хоть в малейшей степени может ослабить позиции Колчака...»[140]. Почти одновременно, в конце сентября 1919 г., генерал Нокс сместил Блэйра с его поста. Нокс

[136] Ullman R. Op. cit., p. 236; DBFP, I series, v. 111, p. 476.
[137] DBFP, I series, v. 111, p. 552. О'Рейли—Керзону, 1919, 14 сент.
[138] Ullman R. Op. cit., p. 240.
[139] См. об этом: Попова Е. И. Политика США на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.). М., 1967.
[140] DBFP, I series, v. 111, p. 558.

в резкой форме выступил и против предложений О'Рейли. Один из сотрудников Форин Оффис записывал в своем дневнике: «Это ужасно, что генералу Поксу позволено употреблять такой язык по отношению к Верховному комиссару»[141].

Тем не менее, О'Рейли отстаивал свое мнение. В телеграмме Керзону от 15 октября он призывал отказаться от дилеммы «Колчак или большевики» и искать другой путь[142]. В следующей телеграмме от 22 октября О'Рейли высказывался против политики генерала Нокса, которая сводилась к тому, чтобы 1) добиться замены чехов японцами в обмен на предоставление последним контроля над КВЖД («Это представляется безнадежным ввиду нынешнего отношения Америки и фактически приведет к конфликту с ней»); 2) декларировать нашу «безоговорочную» (подчеркнуто О'Рейли) поддержку правительства Колчака («думается, что это плохая тактика»). Британский верховный комиссар выступал за более гибкую тактику, исходившую из учета реального положения Сибири, население которой, по словам того же О'Рейли, на 95% было настроено против Колчака[143].

Но эти советы были оставлены без внимания, правящие круги Великобритании продолжали курс на поддержку самой махровой российской контрреволюции. В директиве Керзона от 17 октября 1919 г. О'Рейли предписывалось прекратить всякие контакты с противниками режима Колчака во Владивостоке[144]. Предложения О'Рейли «демократизировать» колчаковский режим, его мнение о неизбежности скорого падения Колчака сломали карьеру этому английскому дипломату. Получив очередное донесение О'Рейли из Владивостока, постоянный заместитель министра иностранных дел Англии лорд Хардинг записал: «Нам нужен более лучший представитель во Владивостоке»[145]. Вскоре О'Рейли был смещен со своего поста верховного комиссара.

Осенью 1919 г. генерал Нокс продолжал настаивать на «признании» Колчака. Перед Форин Оффис подобное мнение отстаивал Ходжсон. Но сделать это было уже практически невозможно. Колчаковский режим близился к своему концу. «Осенью 1919 г. всенародная борьба с интервентами и белогвардейцами охватила всю Сибирь и Дальний Восток. Только в партизанском движении участвовало 100 тысяч человек»[146]. 17 ноября 1919 г. во Владивостоке была сделана попытка «переворота», устранения от власти представителя

[141] Ullman R. Op. cit., p. 244.
[142] DBFP, 1 series, v. 111, p. 596.
[143] Ibid., p. 609. О'Рейли—Керзону, 1919, 22 окт.
[144] Ibid., p. 597.
[145] Ullman R. Op. cit., p. 244.
[146] Никифоров П. М. Записки премьера ДВР. М., 1974, с. 80.

Колчака генерала Розанова. Английские представители во Владивостоке заняли в этих событиях позицию нейтралитета. Переворот не удался.

Продолжение интервенции требовало посылки новых войск. Великобритания такой возможности уже не имела. Как отмечал Р. Уллмэн, «солдаты отчаянно требовались в в Индии и Египте, но особенно в Ирландии и дома»[147]. В этих условиях в английских правящих кругах вновь высказывается мнение о необходимости расширения японского участия в антисоветской интервенции. Это, правда, было чревато обострением отношений с Соединенными Штатами, которые резко враждебно относились к постоянному наращиванию японских вооруженных сил в Восточной Сибири. Но другого выхода в Лондоне не видели. 6 сентября 1919 г. Керзон писал в Пекин посланнику Джордану: «...военное министерство предлагает обратиться к японцам с просьбой отправить свои войска на сибирский фронт. Предполагается, что японцы не согласятся на это, пока не получат контроль над железными дорогами. Для того, чтобы заставить японское правительство послать свои войска в Сибирь, военное министерство предлагает оказать давление на правительство Китая, дабы оно согласилось на охрану КВЖД японскими войсками как временной меры и гарантии союзными державами возвращения этой дороги Китаю»[148].

Но Джордан, который уже давно был противником усиления Японии, рекомендовал не идти на новые уступки японцам. В своем ответе Керзону от 13 сентября 1919 г. Джордан высказывался против передачи военного контроля над КВЖД японцам. Подобная позиция поощрения японской захватнической политики приведет к росту антибританских настроений в Китае. «Хорошо известно, — писал он, — что главная цель японцев состоит в том, чтобы приобрести контроль над Китайско-Восточной железной дорогой, и если Япония сможет добиться этого с помощью союзников, она одержит большую победу»[149]. В другом письме Керзону посланник подчеркивал, что «политический и экономический контроль Японии над Маньчжурией, Монголией и Восточной Сибирью приведет к их полному поглощению этой державой, либо к новой японско-русской войне, в которую Китай и, возможно, другие страны будут вовлечены. Возрастание враждебных чувств к Японии в Китае, вероятно, приведет к вражде по отношению ко всем иностранцам и, возможно, к повторению боксерского восстания вкупе с большевизмом»[150]. По мнению Джордана, и без того Япония в насто-

[147] Ullman R. Op. cit., p. 296.
[148] DBFP, 1 series, v. 111, p. 638. Керзон—Джордану, 1919, 6 сент.
[149] Ibid., p. 550. Джордан—Керзону, 1919, 13 сент.
[150] Ibid., p. 551. Джордан—Керзону, 1919, 14 сент.

ящее время «практически доминирует в ситуации, сложившейся к востоку от Иркутска»[151].

Многое в создавшейся обстановке зависело от позиции США. Еще в августе 1919 г. США заявили об отказе послать новые подкрепления своим войскам, имевшимся на советской территории. Помощь Колчаку теперь выражалась в поставках вооружения и финансировании белой армии. В Лондоне опасались, что и эта помощь будет прекращена. 10 октября 1919 г. Керзон поручил новому английскому послу в США Грею обратить внимание американского правительства на серьезность ситуации, которая возникнет в Сибири, если США сократят снабжение армии Колчака. Это неизбежно приведет к расширению влияния большевиков в Сибири[152].

Со своей стороны правительство США настаивало, чтобы Англия сохранила свои войска в Сибири как противовес японскому влиянию. В августе 1919 г. американский посол в Токио Моррис, посетивший до этого Сибирь и русский Дальний Восток, говорил Элиоту, что США не желают оставаться один на один с Японией в Сибири и надеются, что Великобритания и Франция сохранят свою заинтересованность в этом районе[153]. В своем донесении из Вашингтона Грей сообщал, что госдепартамент считает нежелательным в данных условиях отвод американских войск из Восточной Сибири, поскольку это «поставит японцев в неконтролируемое положение». Правительство США просило английское правительство направить на Дальний Восток дополнительные морские силы. Это «продемонстрирует совместность действий США и Великобритании»[154]. Но подобная «совместность действий» не очень устраивала Англию, которая опасалась чрезмерно раздражать своего дальневосточного союзника. Полагаться на американские войска как способные заменить японцев в интервенции не приходилось. В ответе Керзона Грею от 30 октября 1919 г. говорилось лишь о возможности посылки во Владивосток одного легкого британского крейсера[155].

Таким образом, участие Англии в военной интервенции на советском Дальнем Востоке и в Сибири подходило к концу. Один английский батальон покинул Владивосток 8 сентября 1919 г., второй — 1 ноября того же года. К этому времени были разгромлены основные силы колчаковской армии. 14 ноября 1919 г. Красная Армия освободила Омск, а 6 января 1920 г.— Красноярск. Разрозненные остатки колчаков-

---

[151] Ibid., p. 566.
[152] Ibid., p. 589. Керзон—Грею, 1919, 10 окт.
[153] Ibid., p. 492. Элиот—Керзону, 1919, 14 авг.
[154] Ibil., p. 590. Грей—Керзону, 1919, 11 окт.
[155] Ibid., p. 621.

ских войск уходили за Байкал. В этих условиях правящие круги Англии были вынуждены встать на путь пересмотра своей «русской политики».

Основная причина этого коренилась в провале политики интервенции. Появление иностранных войск, в том числе британских, на территории России не привело к падению Советской власти. Силы внутренней контрреволюции, несмотря на поддержку держав Антанты, оказались неспособными противостоять Советской власти и были полностью разгромлены.

В поддержку Советской России выступили многие рабочие организации в самой Англии. В апреле 1919 г. начальник британской контрразведки Б. Томпсон доносил: «Представляется, что все слои рабочих настроены против воинской повинности и интервенции в России». Размах рабочего движения в стране вызывал страх в правящем лагере Великобритании. Если в 1918 г. в Англии бастовали около 1 млн. человек, то в 1919 г.— 2,5 млн. человек. В январе 1919 г. в Лондоне состоялась конференция прогрессивных организаций Англии под лозунгом: «Руки прочь от Советской России». В июне 1919 г. лейбористы на своей конференции осудили политику интервенции. Все это не могло не сказаться на политике правительства. К концу 1919 г. в британских правящих кругах возобладали элементы, решившие пойти на установление хотя бы ограниченных связей с Советской Россией [156].

8 ноября 1919 г. в речи на банкете у лондонского лорд-мэра глава английского правительства Ллойд Джордж заявил, что большевизм «не может быть подавлен силой оружия». Это признание произвело большое впечатление в стране. Такие газеты, как «Дейли геральд» и «Манчестер гардиан» поддержали речь премьер-министра. Консервативные «Таймс», «Дейли телеграф», «Морнинг пост» были настроены резко враждебно. И хотя Черчилль в специальном меморандуме от 12 ноября, адресованном кабинету, предлагал обратиться к Японии и США, «напрячься и предотвратить крах сибирского фронта», даже противники Ллойд Джорджа справа считали невозможным продолжение Англией военной интервенции в России. Что касается левых кругов, то они приветствовали этот поворот в позиции правительства. Исполком лейбористской партии, Парламентский комитет британского конгресса тред-юнионов приняли 12 ноября 1919 г. резолюцию, приветствовавшую речь Ллойд Джорджа на банкете у лорд-мэра и призывавшую правительство

---

[155] См.: Лавров С. В. Борьба в политических кругах Великобритании вокруг англо-советских переговоров 1920—1921 гг. — Вопросы истории, 1977, № 6, с. 62—64.

прекратить оказание поддержки контрреволюционным силам в России[157].

13 ноября на заседании палаты общин Ллойду Джорджу, встреченному градом запросов депутатов, пришлось зачитать специальное заявление, составленное им совместно с Бонар Лоу, Бальфуром и Хэнки. В этом заявлении утверждалось, что невозможно восстановить мир без России. В большой речи в палате общин 17 ноября премьер-министр признал, что Англия истратила больше средств на антисоветскую интервенцию, чем США, Франция и Япония вместе взятые[158].

Англия «уходила» из Сибири, оставляя эти районы Советской страны на «попечение Америки и Японии». 19 ноября 1919 г. Керзон в беседе с японским послом, заявил, что Англия больше не оказывает помощи Колчаку, кроме подготовки офицеров для его армии. «Сибирь мы рассматриваем как район, в котором больше заинтересованы японцы и американцы, чем мы»[159]. В протоколе Лондонской конференции стран Антанты от 13 декабря 1919 г. в связи с перспективами дальнейшей интервенции в Сибири было зафиксировано, что «это дело, касающееся больше Соединенных Штатов Америки и Японии, чем остальных государств»[160]. Началась эвакуация членов британской военной миссии в Сибири, завершенная весной 1920 г. 12 марта 1920 г. Керзон известил М. Лэмпсона, который заменил О'Рейли в октябре 1919 г., что пост британского Верховного комиссара в Сибири ликвидируется. В мае 1920 г. в «Таймс» была опубликована информация, что «последние остававшиеся в Сибири члены английской миссии» выехали из Владивостока в Англию. Так завершилось непосредственное участие Англии в антисоветской военной интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке.

Разгром иностранной военной интервенции и вывод войск Англии, Франции и США с территории восточной части нашей страны не означал отказа этих держав от борьбы против социалистической державы. Изменялись методы борьбы империалистических государств, антисоветская и контрреволюционная сущность ее оставалась прежней. На Дальнем Востоке теперь вместо союзнической интервенции продолжалась японская интервенция, которая охватывала территории Забайкалья, Приамурья, Приморья, Сахалина. Правящие круги Великобритании стремились использовать, как и раньше, Японию в борьбе против Советской России, хотя

---

[157] Ullman R. Op. cit., p. 308; Gilbert M. Winston S. Churchill, L., 1975, v. IV, p. 357.
[158] Ullman R. Op. cit., p. 308.
[159] DBFP, 1 series, v. 111, p. 842.
[160] См.: Попова Е. Н. Указ. соч., с. 25.

усиление позиций Японии вызывало серьезное беспокойство в Лондоне.

13 декабря 1919 г. состоялась встреча глав правительств и министров иностранных дел Англии и Франции. При обсуждении положения на Дальнем Востоке Керзон выразил беспокойство по поводу того факта, что японские войска остаются на русской дальневосточной территории и могут превратить ее в японский «заповедник». Он оказался, что эти японские войска могут вторгнуться в Китай и остаться там. Но британский министр при этом подчеркивал, что присутствие японцев — гарантия против распространения большевизма. Ллойд Джордж и Клемансо согласились, что «с чисто европейской точки зрения не имелось препятствий для того, чтобы японцы оставались в Восточной Сибири»[161]. Но у Великобритании кроме «европейской точки зрения» была еще и «имперская точка зрения», которая требовала обеспечения собственных интересов британского империализма на Дальнем Востоке. Это определяло особенности политики Англии на Дальнем Востоке в отношении Советской России: с одной стороны, использование Японии как орудия антисоветской борьбы, с другой — недопущение усиления Японии за счет британских позиций в Восточной Азии.

В начале 1920 г. положение дальневосточной окраины Советской страны продолжало оставаться весьма сложным. Колчаковщина была разгромлена, войска Красной Армии вышли к Байкалу. В партизанских соединениях Дальнего Востока насчитывалось 45—50 тысяч бойцов[162]. Но там были семеновцы, стояла японская армия. 9 января 1920 г. японское правительство рассматривало положение в Сибири и на русском Дальнем Востоке в связи с предстоящим отводом американских войск. Это обсуждение показало наличие в правящем лагере Японии сильной интервенционистской тенденции. Военный министр Танака активно выступал за расширение японской интервенции[163]. Тревожной была обстановка на западе. Здесь авангардом антисоветской интервенции оставалась белопанская Польша. На юге страны действовали остатки войск Деникина. В этих условиях идти на риск войны с Японией было невозможно.

Коммунистическая партия и Советское правительство берут курс на создание на Дальнем Востоке «буферного» государства, формально независимой республики. В. И. Ленин так объяснял причины создания «буферного» государства: «...обстоятельства принудили к созданию буферного государства — в виде Дальневосточной республики....вести войну

[161] Ullman R. Op. cit., p. 315—316.

[162] Шерешевский Б. М. В битвах за Дальний Восток (1920—1922 г.). Новосибирск, 1974, с. 15.

[163] The Times, 1920, 19.I.

с Японией мы не можем и должны все сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее...»[164]. Создание «буфера» диктовалось как чисто военными соображениями — избежать войны с Японией, так и соображениями политико-экономического характера — попытаться через посредство «несоветского» по форме государства наладить торгово-экономические связи с сопредельными странами и империалистическими государствами. Как отмечал советский исследователь Б. М. Шерешевский, «образование ДВР было предпринято главным образом по соображениям международно-политического характера. Внутреннее положение Забайкалья и Дальнего Востока не вызывало такой необходимости»[165].

21 января 1920 г. Советское правительство одобрило решение о создании буферного государства. 6 апреля 1920 г. на съезде трудового населения Прибайкалья в г. Верхнеудинске была принята декларация, провозгласившая образование Дальневосточной республики в составе областей: Забайкальской, Амурской, Приморской, Сахалинской, Камчатской. Было создано временное правительство Дальневосточной республики во главе с А. М. Краснощековым. 14 мая в Верхнеудинске была получена телеграмма о признании Дальневосточной республики правительством РСФСР[166].

Становление Дальневосточной республики проходило в обстановке острой борьбы с силами контрреволюции и империализма. Японские империалисты и их белогвардейские марионетки неоднократно делали попытки сорвать этот процесс. Военные провокации, поддержка банд Семенова и других атаманов — все это использовалось японской военщиной. Однако, в конечном счете, правительство Японии было вынуждено пойти на официальные переговоры с правительством ДВР, которые начались 24 мая 1920 г. Подписанное в июле 1920 г. соглашение устанавливало линию разграничения народно-революционной армии ДВР и японских войск. Это соглашение с Японией явилось серьезным успехом внешней политики ДВР, показателем укрепления ее международного авторитета.

В. Виленский-Сибиряков, уполномоченный правительства РСФСР по эвакуации чехословаков, так характеризовал положение на Дальнем Востоке летом 1920 г.: «Можно с уверенностью сказать, что столкновение Советской России с Японией для ближайшего времени предотвращено... Международная обстановка на Дальнем Востоке сейчас неблагоприятно складывается для Японии». К неблагоприятным факторам он относил свержение в Китае прояпонской «ань-

[164] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 93.
[165] Шерешевский Б. М. Указ. соч., с. 16.
[166] Там же, с. 20.

фунстской» клики, развитие партизанского движения в Корее, обострение внутриполитического положения в самой Японии в связи с экономическими трудностями и тяготами содержания японских экспедиционных войск на русском Дальнем Востоке. «...Англия и Франция, хотя и отстали от восточноазиатских дел, но влияния своего утрачивать не желают и все время плетут интриги». В создавшейся обстановке положение Советской власти на Дальнем Востоке, по его мнению, было «достаточно прочным»[167].

В Англии продолжали внимательно следить за событиями, происходившими на русском Дальнем Востоке, и особенно за политикой Японии в этой части Азии. В обзоре зарубежной прессы в «Бюллетене НКИД» отмечалось: «За последнее время английская пресса уделяет усиленное внимание японской политике на Дальнем Востоке»[168]. Отклики английских газет были сочувственными, когда речь шла о борьбе Японии против большевизма, и настороженно-враждебными, когда писалось о намерении японцев аннексировать Приморье. Так, консервативная «Морнинг пост» 25 мая 1920 г. писала о недовольстве союзников, вызываемом японской политикой на Дальнем Востоке: «Им начинает казаться, что военные власти Японии начинают распоряжаться слишком свободно в Сибири... Вмешательство Японии в дела Восточно-Китайской железной дороги также вызвало возражения со стороны союзников и протест китайского правительства»[169].

Пойдя на вывод своих войск из Забайкалья и Приамурья, японские правящие круги делали все возможное, чтобы сохранить под своим влиянием Приморье и помешать распространению власти ДВР на эту территорию. 30 ноября 1920 г. газета «Таймс» отмечала: «Положение на Дальнем Востоке сейчас крайне интересно, ибо вся Сибирь, кроме Владивостока, может считаться фактически находящейся под советским управлением»[170]. Взяв курс на создание своего буржуазного «буфера», японские власти организовали в мае 1921 г. контрреволюционный переворот во Владивостоке, поставив у власти в Приморье «правительство» братьев Меркуловых. Одновременно с благословения японцев начал свой поход «на север» из Урги барон Унгерн.

Новый поворот событий на Дальнем Востоке, угроза расширения интервенции Японии вызвали большой международный резонанс. Комментируя события во Владивостоке в связи с меркуловским переворотом, газета «Известия» отмечала: «...трудно судить, заручилась ли Япония перед началом своей новой авантюры благословением всех держав

[167] Известия, 1920, 31 авг.
[168] Бюллетень НКИД, 1920, № 20.
[169] Там же.
[170] Там же, № 53.

Антанты, а если не всех, то каких именно. Но что она тут не действовала вполне самостоятельно — в этом сомневаться не приходится»[171]. Твердолобые консерваторы в Англии приветствовали эту акцию Японии как направленную против Советского государства. Но английские трудящиеся, передовая общественность страны выразили огромное возмущение намерениями развернуть новый антисоветский поход. Правительство Великобритании было вынуждено официально отмежеваться от действий Японии в Приморье.

До полного освобождения советского Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев оставались считанные месяцы. Летом 1921 г. развернулась борьба против банд Унгерна в Монголии. В августе он был взят в плен. В сентябре 1921 г. были разгромлены банды Бакича в Западной Монголии. Подходила к концу и японская интервенция. Разгромив остатки каппелевских и семеновских войск, народно-революционная армия ДВР 25 октября 1922 г. вошла во Владивосток. 16 ноября 1922 г. по декрету ВЦИК территория Дальнего Востока вошла как составная часть в РСФСР.

Более чем четырехлетняя интервенция империалистов на советском Дальнем Востоке закончилась их полным поражением. Это было и поражение британского империализма, который выступал с самого начала как один из главных организаторов и вдохновителей этой интервенции. Правящие круги Великобритании стремились использовать территорию Сибири и Дальнего Востока для сокрушения Советской власти. В этом была основная цель империалистической интервенции. Кроме того, свое пребывание на советской территории британские империалисты стремились использовать для расширения экспансии британского капитала во всей Восточной Азии. Интервенция развертывалась в условиях острой межимпериалистической борьбы. В этой борьбе Англия стремилась ослабить своих соперников и укрепить свое влияние в этой части мира. Все эти расчеты оказались нереальными.

---

[171] Известия. 1921, 7 июля.

Глава вторая

ПОЛИТИКА АНГЛИИ В ОТНОШЕНИИ КИТАЯ (1917—1921 гг.)

Политика Англии в отношении Китая на заключительном этапе первой мировой войны

Накануне первой мировой войны позиции британского империализма в Китае продолжали оставаться преобладающими. Степень влияния Англии на экономическую и политическую жизнь этой страны была большей, нежели влияние какой-либо другой страны. В 1914 г. английские вложения в Китае составляли 37,7% всех иностранных инвестиций, тогда как на долю царской России приходилось 16,7%, Германии — 16,4%, Японии — 13,6%, Франции — 10,7%, США — 3,1%. Общий размер британских капиталовложений определялся в 607,5 млн. долларов (около 125 млн. ф. ст.) [1]. В экономической жизни Китая влияние английского империализма было в значительной степени связано с сильными позициями в торговле, судоходстве, текстильной и горнорудной промышленности, железнодорожном транспорте. Под контролем или преобладающим влиянием британского капитала находились важнейшие железнодорожные магистрали: Пекин — Мукден, Пекин — Ханькоу, Шанхай — Нанкин и др. Пост генерального инспектора китайских морских таможен, начиная с 1863 г., находился в руках англичан. В 1898 г. была достигнута договоренность между Англией и Китаем о том, что генеральным инспектором морских таможен будет британский гражданин до тех пор, пока британская торговля будет преобладающей в Китае. Морские таможни были крупным и стабильным источником дохода китайской казны. Доходы от морских таможен, контролировавшихся англичанами, служили гарантией по многим займам, предоставленным империалистами Китаю. Английский Гонконг-Шанхайский банк был крупнейшим иностранным финансовым учреждением, действовавшим в Китае. В стране имелись 644 британские фирмы, игравшие особенно заметную роль во внешней торговле [2].

[1] Remer C. Foreign Investments in China. N. Y., 1968, p. 77. Остриков Н. Н. Империалистическая политика Англии в Китае в 1900—1914 гг. М., 1978, с. 106.

[2] The China Year Book, 1921—1922. Tientsin, 1921, p. 30.

Англия имела в Китае семь концессий (для сравнения: Япония — 4, Франция — 3). Из 49 «открытых» портов 25 были «открыты» по договорам Англии с Китаем. До мая 1911 г. Англия заключила с Китаем 34 договора или соглашения. Кроме того, 31 договор был заключен Англией с другими державами относительно Китая. Это значительно больше, чем любое другое государство. Опорными пунктами британского господства были Гонконг, один из крупнейших портов мира (в 1919 г. его посетило 21 257 судов, и грузооборот составил 18,4 млн. т), и Шанхай[3]. Весь центральный Китай — долина Янцзы — являлся сферой влияния британского капитала. Почти 13-тысячная английская колония в Китае была связана с обеспечением британских «интересов» в этой стране.

Политическое влияние Англии в Китае утверждалось деятельностью многочисленной и разветвленной сетью дипломатических агентов. Миссия в Пекине и 26 консульств, расположенных в наиболее важных районах страны, давали возможность держать под наблюдением положение в Китае. Политическое и идеологическое воздействие оказывалось Великобританией через посредство разнообразной и влиятельной прессы: в 1919 г. в Китае издавалось только на английском языке 11 названий газет и журналов. Все это подкреплялось наличием в китайских водах английских военных судов и возможностью переброски сухопутных войск из ближайших британских владений.

Первенствующее положение Англии в Китае было существенно ослаблено в годы мировой войны. Новая обстановка, сложившаяся на Дальнем Востоке в целом и, в частности, в Китае требовала внесения серьезных корректив в политику Англии в этой части мира.

Первая мировая война затормозила экспансию европейских держав в Китае: сократилось железнодорожное строительство, уменьшился объем торговли Китая с европейскими странами, сократился иностранный морской, речной и каботажный судооборот. Уменьшился приток иностранного капитала. За годы войны Англия предоставила Китаю лишь два займа на развитие телефонной сети в 1915 и 1918 гг. на общую сумму 842 тыс. ф. ст.[4]. Одновременно активизировалась деятельность американского капитала. С 1914 по 1917 гг. американские банки разместили в Китае займов и кредитов на сумму 40 млн. долларов.

Но особенно расширилась японская экспансия. В ноябре 1914 г. японцы захватили территорию Цзяочжоу, арендованную Германией у Китая, и Шаньдунскую железную дорогу;

[3] Endacott G. B. A history of Hong Kong. L., 1964, p. 290.

[4] Сухарчук Г. Д., Непомнин О. Е. Китайская буржуазия и иностранный капитал в годы первой мировой войны и «Движение 4 мая».— В сб.: «Движение 4 мая» 1919 г. в Китае. М., 1971, с. 54—55.

в январе 1915 г. ими были предъявлены Китаю «21 требование»; в 1916 г. к власти в Пекине пришла прояпонская аньфуистская группировка Дуань Цижуя, в 1917—1918 гг. руководитель полуправительственных Корейского и Тайваньского банков Нисихара Камейдзо, доверенное лицо японского премьер-министра Тераути, разместил в Китае займы на сумму около 200 млн. иен. Значительная часть займов была секретной и направлялась на военно-политические цели и подрыв влияния других держав[5].

Темпы развертывания японской экспансии были впечатляющими. Если в 1901—1915 гг. Япония разместила в Китае 13 займов, то в 1916—1917 гг. — уже 24 займа, а в 1918 г. — более 40 займов. За период с 1913 по 1921 гг. количество японских предприятий в Китае выросло в 5 раз, а английских — только на 12%[6]. Значительно выросла доля Японии в импорте Китая: с 21% в 1914 г. до 41,4% в 1918 г., а доля Англии сократилась соответственно с 18,3% до 8,7%[7]. Тем не менее Китай продолжал оставаться крупнейшим дальневосточным рынком для английской промышленности. В 1918 г. в Китай (включая Гонконг) было экспортировано из Англии товаров на 15,6 млн. ф. ст., а импортировано из Китая — на 11,1 млн. ф. ст.[8].

Слабели под натиском Японии не только экономические позиции британского капитала. Было ослаблено военное «присутствие» Англии на Дальнем Востоке. Это вело к потере политического влияния. Посланник Англии в Китае Джордан с тревогой телеграфировал в Лондон, что Великобритания «теряет престиж, предоставляя охрану Гонконга и Сингапура японскому флоту»[9]. Обострились противоречия Англии с Соединенными Штатами. Американские капиталисты выступали на Дальнем Востоке как конкуренты британских монополий.

В этих условиях основной целью британской политики в Китае в годы первой мировой войны и в последующий период было стремление сохранить завоеванные уже позиции, отбить натиск своих конкурентов. Все это приходилось решать в условиях, когда усилия Великобритании были сосредоточены на войне против Германии.

Как известно, намерение Японии вступить в войну с Германией было встречено в Лондоне с противоречивым чувством. Английское адмиралтейство было заинтересовано в помощи

[5] Там же, с. 66.
[6] Там же, с. 71.
[7] Gull E. M. British economic interests in the Far East. L., 1943, p. 107.
[8] Ibid., p. 108.
[9] Dignan Don. New Perspective on British Far Eastern policy, 1913—1919. — University of Queensland Papers, Brisbane. 1969, v. 1, № 5, p. 271.

японского флота в борьбе с немецкой эскадрой, находившейся в дальневосточных водах. Однако политические последствия вступления Японии в войну были для Англии невыгодными, поскольку это способствовало бы усилению японского влияния на Дальнем Востоке и особенно в Китае. Джордан сообщал в Лондон 9 августа 1914 г.: «Вступление Японии в войну... подвергнет опасности стабильность существующего в Китае режима, не говоря уже о неизбежном воздействии, которое оно окажет на наше политическое влияние в Китае в будущем и наш престиж в Азии в целом»[10]. Джордан имел репутацию опытного дипломата, с его мнением считались в Форин Оффис. То, что японское участие в войне неизбежно привело бы к нарушению статус-кво в Китае и было бы чревато осложнениями для положения Англии, хорошо, впрочем, понимал и министр иностранных дел Англии Грей, который в беседах с японским послом предостерегал его от захвата арендованной Германией китайской территории на Шаньдуне и убеждал, что операции японского флота должны быть ограничены Китайским морем и морскими коммуникациями, ведущими на запад[11].

В Токио отказывались признавать какое-либо ограничение пределов действий японских вооруженных сил. В октябре — начале ноября 1914 г. японцы овладели германскими островами к северу от экватора, германской арендованной территорией Цзяочжоу с портом Циндао и Шаньдунской железной дорогой. Затем были ликвидированы немецкие рейдеры, действовавшие в бассейне Тихого океана. На этом война против Германии на Дальнем Востоке закончилась. Встал вопрос о судьбе бывших германских владений.

Правительство Англии понимало, что японцы будут требовать своей доли захваченной добычи. 19 августа 1914 г. через несколько дней после предъявления Японией ультиматума Германии Грей записывал: «Невозможно предположить, что Япония будет проливать кровь и тратить свои средства в Цзяочжоу, не получив ничего за это...»[12]. Проблема раздела германских дальневосточных владений включала две стороны: острова Тихого океана, являвшиеся колониальным владением Германии, и арендованную территорию Цзяочжоу и Шаньдунскую железную дорогу, находившиеся на территории Китая.

Перспектива перехода островов Тихого океана в руки Японии вызывала беспокойство правящих кругов Великобритании и особенно доминионов — Австралии и Новой Зеландии. Британская империя не склонна была уступать важные

[10] Lowe P. Great Britain and Japan, 1911—1915. L., 1969, p. 183.
[11] Fifield R. Woodrow Wilson and Far East. Hamden (Conn.), 1965, p. 19.
[12] Louis W. R. Great Britain and German's lost colonies 1914—1919. Oxford, 1967, p. 39.

в стратегическом отношении территории на Тихом океане. Часть бывших германских владений (Самоа, Новая Гвинея) были захвачены новозеландскими и австралийскими войсками в конце августа — начале сентября 1914 г. Австралия была готова двинуться севернее экватора, выразив намерение оккупировать важный центр коммуникаций на Тихом океане — о. Яп. Японские власти вначале не возражали против этого, но затем министр иностранных дел Японии Като сообщил Грею, что Япония не может допустить высадки австралийских войск севернее экватора [13]. Захватом о. Науру, лежащего почти на экваторе, завершились действия австралийских войск на Тихом океане. Так, к середине ноября 1914 г. сложилась фактическая линия раздела бывших германских островных владений на Тихом океане по экватору между Японией и Британской империей.

В последующий период японское правительство настойчиво требовало от Англии признания перехода к Японии сделанных ею приобретений. Со своей стороны, правительство Великобритании стремилось затормозить оформление подобного соглашения, оставив его на послевоенное урегулирование, не ухудшая при этом отношений со своим дальневосточным союзником. В первые месяцы после вступления Японии в войну с Германией Грей уклонялся от твердых обещаний японскому правительству поддержать его притязания на захваченные территории. Но неизбежность определенных уступок была очевидной. 17 декабря 1914 г. Грей записывал, что «Япония должна получить компенсацию после войны, пропорциональную ее вкладу» [14]. Однако правительственные круги Лондона при определении своей позиции вынуждены были считаться с ростом антияпонских настроений в Австралии и Новой Зеландии. Продвижение Японии в южном направлении тревожило правящие круги этих британских доминионов, а расширение ее экспансии в Китае — английскую администрацию в Индии. Поэтому Лондону пришлось более обстоятельно разъяснять свою позицию по данному вопросу.

В декабре 1914 г. в телеграмме генерал-губернатору Австралии Фергюсону министр колоний доверительно разъяснял сложившуюся ситуацию. Английский флот занят операциями в европейских водах, Атлантике и Индийском океане. Не имея достаточных сил на Тихом океане, Великобритания вынуждена просить помощи Японии. Предполагается, что в будущем японский флот будет использован на европейском театре военных действий. Японцы требуют себе тихоокеанские острова к северу от экватора. «Безусловно, мы должны решительно отказываться дать в настоящее

[13] Nish I. Allians in decline. A study in Anglo-Japanese relations, 1908—1923. Oxford, 1972, p. 144.

[14] Louis W. R. Great Britain and German's lost colonies, p. 40

время какую-нибудь уступку подобным требованиям. Наше отношение ко всему этому следующее: все территориальные вопросы должны быть решены в статьях мирного договора и не ранее». Но, продолжал министр колоний, в настоящий момент невозможно ссориться с нашим союзником. К такому результату привела бы сейчас «любая попытка дипломатическими средствами вытеснить японцев с этих островов»[15].

Дальнейшее развертывание японской экспансии на Дальнем Востоке, предъявление «21 требования» к Китаю в январе 1915 г. усилили беспокойство в Австралии и Новой Зеландии. В Лондон шли требования воспрепятствовать утверждению Японии на тихоокеанских островах. Подчеркивалось, что если острова к северу от экватора останутся у японцев, то должны быть даны заверения, что они не будут укрепляться и не будут превращены в угольные станции и военно-морские базы Японии. Генерал-губернатор Австралии Фергюсон утверждал, что Япония идет по стопам Германии, «намереваясь стать доминирующей державой» на Дальнем Востоке[16].

Отношение Англии к захвату японцами германских владений на Шаньдуне определялось главной целью британской дальневосточной политики — стремлением сохранить существующие владения в Китае и прилегающих территориях. Британское правительство было весьма обеспокоено возможностью проникновения японцев в Индию. В мае 1916 г. министр по делам Индии О. Чемберлен представил правительству два документа: «Деятельность японцев в Китае и Индии», подготовленный генеральным штабом, и «Японская политика и ее влияние на Индию», подготовленный министерством по делам Индии. Оба документа содержали тревожащую правящие круги Великобритании информацию об активизации предпринимательской и военной деятельности японцев.

Чем больше Англия увязала в европейской войне и ослабляла свои позиции на Дальнем Востоке, тем настойчивее добивались японские руководители признания права Японии на захваченные территории. При этом они шли на прямой шантаж, угрожая выйти из войны с Германией и заключить с ней союз. В Японии не скрывали прогерманских настроений, надеясь получить выгоды от обеих враждующих сторон. В начале 1915 г. в Пекине и Стокгольме имели место контакты германских и японских представителей. В марте 1916 г. эти переговоры были продолжены в Стокгольме. Германия соглашалась признать переход к Японии своих владений на Шаньдуне и на Тихом океане, предоставить Японии свободу рук в Китае. Японское правительство не скрывало эти факты

[15] Ibid., p. 41—42.
[16] Ibid., p. 46.

от стран Антанты. Оно могло теперь требовать от своих союзников то, что Японии обещали в Берлине.

Обсуждение германских предложений Японии велось странами Антанты на высоком уровне. В нем участвовали министры иностранных дел. 11 мая 1916 г. в редакционной статье «Таймс» было сообщено о японо-германских контактах, такая же информация была опубликована в парижской «Матэн». Просачивание в прессу сведений о характере германских предложений Японии привело к прекращению этих секретных переговоров [17]. Но основная цель, которую преследовали японские правящие круги, была достигнута: в Лондоне и Париже теперь знали, что необходимы новые уступки Японии.

Премьер-министр Австралии Юз вспоминал впоследствии о своем разговоре с Греем в 1916 г. На упрек Юза в уступчивости Японии и игнорировании правительством Лондона австралийских интересов Грей рассказал, что незадолго до этого японский посол заявил ему, что если аннексия тихоокеанских островов не будет признана Великобританией, то Япония немедленно вступит в союз с Германией [18].

Действительно, возможность японо-германского сближения не была чисто теоретическим умозаключением дипломатов или блефом со стороны Японии. Дальневосточные эксперты Форин Оффис подчеркивали, что причины конфликта между Германией и Японией неглубоки и что Германия теперь является наименее опасным конкурентом Японии в Восточной Азии. Отсюда — реальность союза между Японией и Германией, во всяком случае после окончания войны. Подобная дипломатическая комбинация была бы серьезной угрозой для британских интересов на Дальнем Востоке.

На отношение английского правительства к японским домогательствам в Китае и в бассейне Тихого океана большое влияние оказал военно-политический кризис, в котором оказалась Англия в конце 1916 — начале 1917 гг. Исход войны казался неопределенным. Острые противоречия раздирали правящий лагерь Великобритании. В декабре 1916 г. было создано новое коалиционное правительство во главе с Ллойд Джорджем. Для консолидации всех сил Британской империи он сформировал военный кабинет, в состав которого, наряду с некоторыми членами английского правительства, вошли главы правительств доминионов. Это свидетельствовало об изменении положения в самой Империи — возрастании роли доминионов, представители которых стали отныне принимать участие в разработке кардинальных проблем политики и стратегии.

---

[17] Iklé F. W. Japanese-German peace negotiations during World War I. — The American Historical Review. Oct. 1965, v. 71, N 1.

[18] Fifield R. H. Op. cit., p. 60.

Осложнилось военное положение Англии. Особенно острой стала проблема борьбы с немецкими подводными лодками. 1 февраля 1917 г. Германия объявила неограниченную подводную войну. Английский торговый флот нес огромные потери. Глава правительства Ллойд Джордж писал впоследствии в своих мемуарах, насколько грозной и серьезной была ситуация в те дни[19]. В 1916 г. были потоплены суда общим тоннажом 1 237 тыс. т, что составляло 1/5 всего тоннажа довоенного британского торгового флота. Потери английского флота за первую половину 1917 г. составили 2 136 тыс. т. Резко ухудшилось вследствии этого снабжение Англии сырьем и продовольствием. Английский импорт в марте 1917 г. составил 2,5 млн. т по сравнению с 3,5 млн. т в марте 1916 г.[20]. Положение во Франции и особенно в России, главных военных союзников Англии, было также тяжелым. Пессимистические настроения охватили правительственные круги Великобритании. Член военного кабинета лорд Мильнер после посещения России в начале 1917 г. пришел к выводу о невозможности разгрома Германии на полях сражений[21].

В этих условиях идея более широкого привлечения Японии к участию в войне получает поддержку у руководителей английского правительства. Подобный курс был невозможен без новых уступок Японии на Дальнем Востоке. В феврале 1917 г. Грей писал в памятной записке, что сохранение англо-японского союза невозможно, если Англия будет препятствовать экономической экспансии Японии на Дальнем Востоке или если сама Англия вознамерится захватить германские владения в Китае, как это сделано с германскими колониями в Африке[22]. Эта же мысль содержалась в подготовленном дальневосточным отделом Форин Оффис меморандуме о развитии дальнейшего сотрудничества Англии и Японии. Главная идея документа состояла в том, что британскому правительству придется согласиться на передачу Японии бывших германских владений в Китае.

Выражая готовность уступить Японии германские владения в Китае, английские правящие круги стремились таким путем отвлечь японскую экспансию от Индии. Комментируя подготовленный министерством по делам Индии меморандум о деятельности японцев в сопредельных странах, личный секретарь Грея Э. Друммонд, будущий генеральный секретарь Лиги наций, подчеркивал, что «если мы желаем

[19] См.: Ллойд Джордж. Военные мемуары. М., 1935, т. III, с. 68.
[20] Lord Hankey. The Supreme Command 1914—1918. L., 1961, v. 2, pp. 639, 643, 653.
[21] Gollin A. M. Proconsul in Politics. A study of Milner in opposition and in power. L., 1964, p. 529.
[22] Dignan D. Op. cit., p. 283.

сохранить хорошие отношения с Японией, то должна позволить ей расширить свою экспансию в Китае, который является наиболее подходящим местом для этого». Сам Грей написал на полях меморандума: «Я полностью разделяю это мнение»[23].

Но были и противники политики уступок Японии. К ним принадлежал английский посланник в Пекине Джордан, весьма авторитетная фигура британской дипломатической службы на Дальнем Востоке. В феврале 1916 г. Джордан писал Грею, что политика уступок Японии за счет Китая представляется ему совершенно нереальной, основанной на неверной оценке существующего положения в Китае. Китайцы, писал, он,скорее предпочтут видеть германские концессии возвращенными Германии, чем переданными Японии. «Не должно забывать, — подчеркивал посланник, — что «имущество», которое предполагают делить, является либо китайской собственностью, либо в крайнем случае землей, на которую Китаю принадлежат суверенные права»[24]. Эти возражения вызвали недовольство в Лондоне. И хотя в условиях, когда японская пресса вела яростную кампанию против английского посланника в Китае, Грей не решился сменить 64-летнего дипломата, с Джорданом уже не советовались при заключении соглашения с Японией в феврале 1917 г., и он вообще долгое время не был информирован об этом соглашении.

Курс Грея на сближение с Японией ценой уступок в Китае был продолжен Бальфуром, ставшим с декабря 1916 г. министром иностранных дел Англии, и поддержан британским кабинетом в целом. Последний шаг к достижению англо-японского соглашения по дележу германского «наследства» на Дальнем Востоке был сделан в январе 1917 г. Английское правительство обратилось к Японии с просьбой перебросить флотилию миноносцев на Средиземное море для борьбы с подводными лодками противника и четырех крейсеров в Кейптаун для борьбы с немецкими рейдерами в южной Атлантике. 2 февраля 1917 г. японское правительство согласилось выполнить просьбу Англии, но напомнило, что Грей еще в начале войны давал определенные обещания относительно германских владений на Дальнем Востоке. 5 февраля 1917 г. британский кабинет обсудил эту проблему и пришел к выводу о необходимости пойти на соглашение с Японией. Английские министры соглашались на передачу Японии германских владений на Шаньдуне без особых колебаний, но вопрос о тихоокеанских островах вызывал определенные сомнения[25].

---

[23] Ibid., p. 289.
[24] Ibid., p. 283.
[25] См.: Nish I. Op. cit., pp. 203—207.

Идя на соглашение с Японией по дальневосточным вопросам, правительство Англии, помимо получения дополнительной военной помощи от Японии, преследовало и другие цели. Британский империализм стремился закрепить за собой захваченные германские владения в южной части Тихого океана. И хотя премьер-министр Ллойд Джордж демагогически заявлял о незаинтересованности Англии в приобретении новых колоний, а буржуазная пресса много писала об освободительной миссии британцев и защите ими интересов «цветных» народов, империалистический характер притязаний Великобритании и ее доминионов на тихоокеанские острова южнее экватора не подлежит сомнению. Сделка с Японией должна была «закрепить» права Британской империи на эти острова. Уступки Англии в Китае должны были способствовать защите британской сферы влияния от экспансии японского капитала, а также отвлечь внимание японских дельцов от Юго-Восточной Азии. Эта уступка британского империализма, имевшего определенные интересы в Северном Китае и на Шаньдуне, носила вынужденный характер, обусловленный ослаблением позиций Англии на Дальнем Востоке.

Подписание соглашения с Японией имело также своей целью устранить США от решения вопроса о судьбе бывших германских владений на Дальнем Востоке. Англо-американские отношения к этому времени значительно ухудшились. В Англии ожидали большей помощи от США в войне, возмущались возражениями президента Вильсона против блокады Германии. «К началу 1917 г., — отмечал биограф американского президента, — обе страны, казалось, находились накануне разрыва»[26]. 3 февраля 1917 г. США порвали дипломатические отношения с Германией. Не за горами было прямое вступление США в войну. На Дальнем Востоке складывалась новая ситуация. Вступление США в войну делало бы невозможным решение судьбы германских владений без их участия.

Поэтому правительство Великобритании стремилось урегулировать этот вопрос с Японией до вступления Соединенных Штатов Америки в первую мировую войну. 5 февраля 1917 г. английский кабинет пришел к выводу, что «возможное вступление в войну Соединенных Штатов усиливает необходимость скорейшего решения вопросов относительно Японии, Шаньдуна и оккупированных островов к северу от экватора для того, чтобы избежать переговоров по данной проблеме еще с одной державой»[27]. Еще больше оснований спешить было у японской стороны. Государственный секре-

[26] Link A. S. President Wilson and his English critics. Oxford, 1959, p. 6.
[27] Dignan D. Op. cit., p. 268.

тарь США Лансинг заявил японскому послу 29 января 1917 г., что США «никогда не признавали, что Германия имела специальные интересы в Шаньдуне, и не признают, что Япония владеет каким-нибудь из этих прав в данной провинции Китая»[28].

Англо-японское соглашение относительно Шаньдуна и тихоокеанских островов было оформлено в виде обмена нот. В ноте английского посла в Токио от 16 февраля 1917 г. было заявлено, что правительство Великобритании «поддержит японские притязания по вопросу о распоряжении правами Германии в Шаньдуне и ее островных владениях к к северу от экватора во время мирной конференции, при чем разумеется, что японское правительство при установлении мира будет в таком же духе относиться к притязаниям Великобритании на германские острова к югу от экватора»[29].

В своих нотах в ответ на соответствующий японский меморандум посольство России 20 февраля и посольство Франции 1 марта 1917 г. выразили согласие своих правительств поддержать притязания Японии на мирной конференции. В свою очередь, министр иностранных дел Японии Мотоно 21 февраля 1917 г. информировал английского посла в Токио, что Япония поддержит британские притязания на германские острова к югу от экватора на мирной конференции.

Это соглашение между Англией и Японией представляло собой империалистическую сделку, направленную против интересов народов Дальнего Востока. Наибольшие выгоды от соглашения получила Япония, это была ее дипломатическая победа. Цели, которые ставил японский империализм, вступая в мировую войну, фактически были достигнуты. Получив поддержку Англии и Франции, японские правящие круги надеялись отстоять свои притязания на мирной конференции.

Соглашение, заключенное в феврале 1917 г. с Японией, свидетельствовало об ослаблении роли Англии как дальневосточной державы. Это выразилось в согласии на расширение японской сферы влияния в Китае за счет включения в нее Шаньдунской провинции, очень важной в экономическом и политическом отношении, а также в уступке Японии очень важных в стратегическом отношении островов Тихого океана. Ослабление Англии проявилось и в том, что от Японии потребовали поддержки не всех английских притязаний к Гер-

---

[28] Подробнее о позиции США по дальневосточным проблемам в этот период см.: Григорцевич С. С. Дальневосточная политика империалистических держав в 1906–1917 гг. Томск, 1964.

[29] Гримм Э. Д. (сост.). Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925 гг.). М., 1925, с. 192.

мании на будущей мирной конференции, а лишь требований в отношении тихоокеанских островов южнее экватора, тогда как Англия обязалась поддержать все требования Японии к Германии[30]. Действия английской дипломатии в связи с подготовкой и заключением соглашения с Японией в феврале 1917 г. отражали своекорыстную, империалистическую, враждебную интересам народов Китая и тихоокеанских островов политику британского империализма.

Весной и летом 1917 г. важное место в английской политике в Китае занимала проблема вовлечения этой страны в войну против Германии. Этот вопрос практически ставился почти с самого начала первой мировой войны. Англия и другие страны Антанты выступали за вовлечение Китая в войну. Это дало бы возможность более широко использовать материальные ресурсы этой страны, захватить германскую и австрийскую собственность. Однако решительным противником участия Китая в мировой войне была Япония. Японские правящие круги не устраивала перспектива увидеть Китай в качестве равноправного участника мирной конференции. Проблема участия Китая в войне явилась в определенной форме проявлением англо-японского соперничества. Настаивая на участии Китая в войне, «правящие круги Англии надеялись подобным путем парализовать все возраставшее влияние Японии на Дальнем Востоке и ослабить антибританскую пропаганду, которую вела германская агентура в странах Восточной Азии»[31].

Прогрессивные силы Китая во главе с Сун Ятсеном решительно выступали против вовлечения своей страны в войну. Они справедливо полагали, что этот акт пошел бы только на пользу империалистам и реакционным силам в самом Китае. Внутриполитическая борьба в Китае затянула формальное объявление войны центральным державам. Неизбежное вступление США в мировую войну толкало Японию на путь урегулирования противоречий с ними на Дальнем Востоке. В целях сближения с Соединенными Штатами японское правительство в феврале 1917 г. перестало препятствовать разрыву отношений между Китаем и Германией.

Китай обуславливал свое участие в войне рядом требований. Они сводились к следующему: 1) предоставить гарантированный США заем, 2) приостановить на время войны уплату боксерской контрибуции, 3) разрешить правительству Китая повысить ввозные пошлины на иностранные товары до 12,5% их стоимости, 4) гарантировать Китаю право участия в мирной конференции и конференции по делам

[30] Rothwell V. H. British war aims and peace diplomacy 1914—1918. Oxford, 1971, p. 66.

[31] Григорцевич С. С. Дальневосточная политика..., с. 568.

Дальнего Востока, если последняя будет созвана [32]. Державы Антанты в общем положительно отнеслись к этим условиям, выдвинутым Китаем в качестве платы за свое участие в войне. Лишь Англия выдвинула возражения против повышения ввозных пошлин, что объяснялось преобладающей ролью Британской империи во внешней торговле Китая.

Но в начале марта 1917 г. английское правительство присоединилось к другим державам относительно просимых Китаем гарантий, сняв свои возражения. 14 марта 1917 г. правительство Дуань Цижуя порвало дипломатические отношения с Германией и Австро-Венгрией. Внутриполитические события, борьба клик затянули вступление Китая в войну. Только 14 августа 1917 г. китайское правительство объявило войну Германии и Австро-Венгрии.

В связи с этим Англия и другие державы 8 сентября 1917 г. подписали коллективную ноту, в которой декларировалось их согласие на освобождение Китая на пять лет от выплаты боксерской контрибуции. Кроме того, державы в принципе соглашались на некоторое повышение таможенных пошлин. Эти скромные уступки ничего не меняли в полуколониальном положении Китая, не ослабляли его зависимости от империалистических держав.

Первая мировая война была использована английскими правящими кругами для того, чтобы максимально ослабить позиции Германии на Дальнем Востоке. В предвоенные годы германский империализм сумел значительно укрепить свои экономические и политические позиции в Китае. Из числа европейских держав Германия шла второй вслед за Англией по степени своего экономического влияния в Китае. Сумма германских инвестиций в Китае в 1914 г., по данным К. Ремера, составляла 263,6 млн. американских долларов. Из них деловые вложения составляли 136 млн. долларов, а финансовые обязательства китайского правительства — 127,6 млн. долларов [33]. Германскому капиталу принадлежали железные дороги, шахты, магазины, судоходные компании, электростанции и т. п. Крупнейшее финансовое учреждение Германии на Дальнем Востоке — Немецко-Азиатский банк имел семь отделений в городах Китая. Значительными были позиции немецких капиталистов в цитадели британского влияния — Шанхае. В 1914 г. в этом крупнейшем китайском городе были 202 английские и 102 германские фирмы [34].

Война создала благоприятные условия для нанесения удара по своему конкуренту. Английская блокада серьезно

---

[32] Там же, с. 573.

[33] Remer C. F. Forein Investments in China. N. Y., 1968, pp. 76, 639, 641.

[34] Allen G. C. and Donnithorne. Western enterprise in the Far Eastern economic development. China and Japan. L., 1954, p. 71.

подорвала германскую торговлю в Китае и других районах Дальнего Востока. Союзники захватили германскую собственность в концессиях и на арендованных территориях держав Антанты. Особенно значительной была германская собственность в английских и французских концессиях (после окончания войны эта собственность не была больше возвращена бывшим владельцам). После разрыва дипломатических отношений 14 марта 1917 г. между Китаем и Германией германские сеттльменты в Ханькоу и Тяньцзине перешли под контроль китайских властей, а в августе того же года была официально оформлена передача Китаю этих территорий. Правительством Китая была секвестрована немецкая собственность, находившаяся на территории страны, в ряде случаев это осуществлялось при участии английских консулов (с 1921 г. Китай начал возвращать эту собственность бывшим владельцам). Отказ Китая от ранее заключенных договоров с Германией и Австро-Венгрией привел к ликвидации консульской юрисдикции этих стран. Отныне дела германских граждан с гражданами союзных стран решались консулом соответствующей державы Антанты со всеми вытекающими последствиями.

По заключенным ранее соглашениям было условлено, что доходы от таможенных сборов в Китае вносились в Гонконг-Шанхайский, Немецко-Азиатский и Русско-Азиатский банки. Таможенные пошлины, как известно, являлись основным источником доходов китайской казны. После вступления Китая в войну доля Немецко-Азиатского банка была передана Гонконг-Шанхайскому банку, роль которого в финансовой жизни Китая, таким образом, еще более возросла[35]. Соответствующим образом поступили и с доходами от соляного налога, которые по соглашению о Реорганизационном займе 1913 г. также поступали в иностранные банки.

В целом следует отметить, что Англии досталась большая доля германского «наследства» в Китае, находившегося за пределами Шаньдуна.

Летом 1917 г. обострилась внутриполитическая обстановка в Китае. Шла борьба различных клик и группировок. Клика президента Ли Юаньхуна ориентировалась на Англию и США, клика премьера Дуань Цижуя — на Японию. Назревали массовые народные выступления. В ответ на действия группировки Дуань Цижуя, втянувшей Китай в мировую войну, произошло отделение южных провинций страны. Там было создано правительство «защиты конституции» во главе с выдающимся китайским демократом Сун Ятсеном.

Еще более важные по своим последствиям события происходили в соседней России, где буржуазно-демократическая

[35] После ликвидации в 1926 г. Русско-Азиатского банка этот английский банк стал единственным хранителем таможенных доходов Китая.

революция перерастала в социалистическую революцию. Революционное движение в России и освободительная борьба китайского народа грозили серьезно подорвать позиции империализма на Дальнем Востоке. В этих условиях в целях борьбы против революционного движения происходит определенная консолидация империалистических держав, их некоторое сближение. Япония с ее большой и сильной армией рассматривается империалистами США, Англии и Франции как главная ударная сила в борьбе против социалистической революции в России и освободительного движения народов Дальнего Востока. На этой почве Англия солидаризуется с предложением Японии о поддержке «центрального» правительства Китая в Пекине во главе с японским ставленником Дуань Цижуем.

Эта тенденция затронула и область американо-японских отношений. В начале ноября 1917 г. было подписано соглашение Лансинг — Исии, представлявшее собой временную сделку американского и японского империализма. По этому соглашению США, признав «специальные интересы» Японии в Китае, шли ей на определенные уступки, стремясь использовать Японию в борьбе против прогрессивных сил на Дальнем Востоке. Этот аспект соглашения Лансинг — Исии вполне соответствовал интересам британского империализма.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России коренным образом изменила положение на Дальнем Востоке. Под влиянием Октября развернулось освободительное движение народов Китая, Монголии, Кореи. Начался подъем рабочего и крестьянского движения в Японии. Влияние Октябрьской революции проявилось в Индии и странах Юго-Восточной Азии. Политика Англии в Китае с этого времени приобретает отчетливо выраженный антисоветский характер. Это выражалось в стремлении использовать тогдашнее правительство Китая в борьбе против Советской России и в том, чтобы совместно с другими империалистическими странами не допустить дальнейшего развития революционного и национально-освободительного движения китайского и других народов Азии.

Англия и дальневосточные проблемы на Парижской мирной конференции

Передел мира, произведенный империалистическими державами на Парижской мирной конференции в 1919 г., охватил и Дальний Восток в связи с решением вопроса о тихоокеанских островных владениях Германии и ее арендных правах на Шаньдуне. Решение проблем, относящихся к этому региону, проходило в обстановке ожесточенного японо-американ-

ского соперничества. Но при этом позиция Англии, старейшей колониальной державы, с ее огромным экономическим и политическом влиянием, имела нередко решающее значение при обсуждении проблем Дальнего Востока.

Правда, к концу первой мировой войны, как уже отмечалось, влияние Англии на Дальнем Востоке уменьшилось в связи с укреплением позиций Японии и США в этом регионе и общим ослаблением политической и экономической роли Британской империи в капиталистическом мире. Финансовое положение Великобритании не позволяло содержать крупные военно-морские силы на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана. Представитель министерства финансов на заседании Комитета имперской обороны призывал «полагаться на дипломатию» в деле защиты интересов Британской империи в Восточной Азии[36].

Сложность ситуации состояла и в том, что британские правящие круги оказались на перепутье в проведении своей политики на Дальнем Востоке вообще, в Китае, в частности. Продолжал действовать англо-японский союз: заключенное в феврале 1917 г. англо-японское соглашение относительно раздела германских владений в Китае и на Тихом океане закрепляло курс на совместные действия с Японией. Но расширение экспансии в Китае вызывало серьезные беспокойства, ибо наносило ущерб британским интересам. Раньше всего забили тревогу английские бизнесмены в Китае. Они терпели ущерб от японской экспансии. Убежденным противником сохранения союза с Японией был Джордан и многие другие английские дипломаты, аккредитованные на Дальнем Востоке. Джордан в своих донесениях в Форин Офис в октябре — ноябре 1918 г. подробно аргументировал идею совместных действий Англии и США на Дальнем Востоке. Правительства британских доминионов Канады, Австралии, Новой Зеландии были за сближение с Соединенными Штатами.

На Парижской мирной конференции, начавшей свою работу 18 января 1919 г., обсуждались в числе других и вопросы раздела германских владений в Китае и в бассейне Тихого океана, а также вопрос о равенстве рас, поднятый Японией.

Наиболее заинтересованно английские представители действовали при обсуждении вопроса о разделе бывших германских островных владений на Тихом океане. Как отмечал американский историк У. Льюис, «колониальные» цели Британии на всем протяжении войны были постоянными — захват германских колоний, находящихся вблизи доминионов». Но англо-японскую сделку 1917 г. нельзя было считать гарантированной. Она была заключена за спиной

[36] Dignan D. Op. cit., p. 274.

США, а правительство Соединенных Штатов не собиралось соглашаться с секретными договорами, заключенными без их участия. Имелись и некоторые трудности внутреннего порядка. Большое впечатление в Англии произвела публикация Советским правительством тайных договоров и его призыв покончить с войной без аннексий и контрибуций. В самой Англии ширилось антиколониалистское движение. Известные публицисты Г. Брэйлфорд, Дж. Гобсон, Ю. Морель, Г. Уэллс выступали за установление международного контроля над германскими колониями. Свои статьи они публиковали на страницах «Нью стейтсмен», «Геральд» и других изданий левоинберального и лейбористского толка.

Однако правительство Великобритании последовательно добивалось аннексии бывших германских колоний. Это подтверждается решениями имперского военного кабинета и специальных комитетов, созданных правительством Англии, для решения вопроса о бывших германских колониях в Африке и на Тихом океане. Теперь, после окончания войны, определенные круги Британской империи высказывали недовольство тем, что по англо-японскому соглашению 1917 г. признавалось право Японии на германские острова севернее экватора. М. Хэнки, секретарь военного кабинета, записывал в своем дневнике в декабре 1918 г., что премьер-министр Австралии Юз возражает против передачи Японии островов севернее экватора. «Но мы безвозвратно связаны пактом 1917 г.»[37]. В свою очередь, составители официальной британской истории Парижской мирной конференции сочли необходимым отметить, что соглашение между Англией и Японией в 1917 г. помешало принятию решения, рассматриваемого Австралией как «идеальное», об аннексии всех германских островных владений на Тихом океане Британской империей[38].

Еще до открытия заседаний Парижской мирной конференции выявились резкие расхождения между Великобританией и США по вопросу о германских колониях. В конце декабря 1918 г. состоялась в Лондоне встреча президента Вильсона и Ллойд Джорджа, во время которой британский премьер обосновывал право Южно-Африканского союза на присоединение германской Юго-Западной Африки. В ходе этой беседы Вильсон «по собственной инициативе заявил, что положение Австралии по отношению к тихоокеанским колониям носит несколько иной характер». Ллойд Джордж и Бальфур выдвинули довод о «безопасности» Австралии, но Вильсон отверг его. «В ответ на наше возражение, что мы твердо обещали Японии острова в северной части Тихого океана

[37] Roskill St. Hankey. Man of secrets. L., 1972, v. 2, p. 37.

[38] A History of the peace conference of Paris. Ed. by H. W. Temperley. L., 1924, v. VI, p. 351.

и что невозможно будет отказать Австралии и Новой Зеландии в том же самом, что мы дадим Японии, президент дал понять, что он ни в коей мере не склонен принять договор, заключенный нами с Японией, и сомневается в том, что Япония может быть допущена на эти острова даже в качестве державы мандатария»[39].

Члены британского правительства резко враждебно отнеслись к позиции американского президента. О. Чемберлен рекомендовал разъяснить Вильсону, что «для южной части Тихого океана должна быть применена английская доктрина Монро»[40]. Керзон предлагал, чтобы Ллойд Джордж на мирной конференции действовал в союзе с премьер-министром Франции Клемансо «во всяком случае по некоторым вопросам», если Вильсон будет настаивать на своем. Ллойд Джордж, Бонар Лоу, Бальфур, Черчилль были сторонниками более гибкой политики в отношении США. Из числа участников этого заседания лишь канадский премьер-министр Борден подчеркивал необходимость самого тесного сближения с Соединенными Штатами.

Вскоре после начала работы Парижской мирной конференции на заседаниях Совета десяти развернулась дискуссия о судьбе германских владений на Тихом океане. 27 января японский представитель Макино выдвинул требование относительно передачи Японии германских прав на Шаньдуне и тихоокеанских островов севернее экватора. Обосновывая свои притязания, Макино подчеркнул, что Япония захватила Цзяочжоу и тихоокеанские острова, проконсультировавшись предварительно с правительством Великобритании. В свою очередь китайский представитель потребовал возвращения Китаю арендованной Германией территории на Шаньдуне и Шаньдунской железной дороги, Бальфур предложил рассматривать японские притязания на германские тихоокеанские острова и на германские права в Китае раздельно. Но Макино возражал, указывая, что «захват того и другого является результатом одной кампании»[41].

29 января 1919 г. британская делегация предложила создать мандаты трех категорий для германских колоний и владений Османской империи. Причем мандаты третьей категории, предназначавшиеся для германской Юго-Западной Африки и островов Тихого океана, представляли фактически завуалированную аннексию, ибо указывалось, что эти территории будут управляться «как составная часть территории державы-мандатария»[42]. В ходе дискуссии о разделе герман-

---

[39] Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах, т. 1, с. 168.
[40] Там же, с. 172—173.
[41] Fifield F. H. Op. cit., p. 104.
[42] Tillman S. Anglo-American relations of the Paris peace conference of 1919. Princeton, 1961, p. 94.

ских колоний было, объявлено о содержании секретного англо-японского соглашения 1917 г.

США пришлось уступить и принять предложение Англии, поскольку из пяти держав, участвовавших в работе Совета десяти, четыре были участниками секретного соглашения 1917 г. или присоединились к нему впоследствии. Президент Вильсон объяснял свои первоначальные возражения против британских предложений нежеланием уступить Марианские, Каролинские и Маршалловы острова Японии. Как отмечает американский историк С. Тиллмэн, президент пошел, в конечном счете, на уступку мандата на эти острова японцам по следующим причинам: 1) самое главное — невозможность отказать Японии в мандате, когда подобные мандаты были предоставлены Австралии и Новой Зеландии; 2) Япония уже утвердилась на этих островах и без применения силы ее нельзя было бы оттуда выдворить; 3) несмотря на стратегическую важность тихоокеанских островов, Вильсон был тогда более заинтересован в том, чтобы воспрепятствовать японской экспансии на азиатском материке; 4) Англия и Франция поддержали Японию, ссылаясь на свои обязательства по секретному договору 1917 г.[43].

Дискуссия по проблеме раздела германских дальневосточных владений на Парижской мирной конференции проходила в напряженной обстановке. «Отношения иногда обострялись, — свидетельствовал Ллойд Джордж, — президент Вильсон, как правило, говорил всегда спокойно и вежливо. Но на этот раз он был чрезвычайно раздражен и держал себя заносчиво. В его манере разговаривать с премьерами доминионов чувствовалась угроза»[44]. В конечном счете, британский империализм в этом вопросе добился своей цели. Ллойд Джордж с удовлетворением констатировал в своих мемуарах: «Три из четырех доминионов создали свои маленькие империи в рамках большой империи»[45].

Стремясь добиться благоприятного решения по вопросу о Шаньдуне, японская делегация в феврале 1919 г. внесла предложение включить в устав Лиги наций положение о равенстве рас. Проблема расового равенства непосредственно затрагивала интересы стран Британской империи. Напряженными были отношения по вопросам иммиграции между Индией и «белыми» доминионами, а между ЮАС и Индией по этому вопросу был острейший конфликт. Австралия препятствовала широкой японской иммиграции. Английский историк Я. Ниш отмечал: «Расовое равенство было необсуж-

---

[43] Ibid., p. 100.

[44] Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах, т. 1, с. 462—463.

[45] Там же, с. 472.

даемой проблемой англо-японского союза с момента его создания»[46].

Поднимая проблему равенства рас, правительство Японии стремилось нажить определенный политический капитал в глазах народов Китая и других стран. В 1918—1919 гг. в Японии была организована широкая кампания за расовое равенство. Однако, как показали дальнейшие события, главным было стремление японских правящих кругов оказать давление на Великобританию и ее доминионы с целью получения уступок в других вопросах. Соглашение по «расовой» проблеме было достигнуто в конце апреля одновременно с выгодным для Японии решением шаньдунского вопроса. 28 апреля Бальфур информировал Совет четырех, что японцы готовы не настаивать на расовом равенстве, если будут приняты их требования относительно Шаньдуна[47]. Поскольку возражений не последовало, то в тот же день на пленарном заседании мирной конференции при утверждении Устава Лиги наций Макино произнес чисто «академическую» речь в защиту требования о равенстве рас и поддержал одновременно разработанный под руководством Вильсона проект Устава Лиги наций. Тем не менее в отчете о работе Парижской мирной конференции глава японской делегации Сайондзи прямо обвинил британские доминионы в том, что равенство рас не получило отражения в документах Лиги наций[48].

Среди всех дальневосточных проблем, обсуждавшихся на Парижской мирной конференции, наиболее острыми были дискуссии по Шаньдунской проблеме. Этот вопрос, по определению Г. Никольсона, оказал «крайне тяжелое влияние на весь ход мирной конференции, а из всех поражений президента Вильсона Шаньдунское соглашение было самым позорным»[49]. Обсуждение шаньдунского вопроса на мирной конференции в Париже, особенно политика США по этому вопросу, довольно подробно освещены в исторической литературе. Характеристика же позиции Англии нуждается в некотором уточнении, и понята она может быть лишь на фоне всей дальневосточной политики этой страны в тот период.

Как известно, Германия по договору с Китаем от 6 марта 1898 г. получила в аренду сроком на 99 лет территорию Цзяочжоу на Шаньдунском полуострове с портом Циндао. Германии принадлежали также железная дорога протяжением 240 миль, шахты в полосе этой магистрали и концессия на строительство еще двух железных дорог. Захватив Циндао, территорию Цзяочжоу и Шаньдунскую железную

[46] Nish I. Op. cit., p. 269.
[47] Papers relating to the Forein Relations of the United States, Paris Peace Conference (FRUS PPC), v. 5, p. 317.
[48] Nish I. Op. cit., p. 270, footnote 18.
[49] Никольсон Г. Как делался мир в 1919 г. М., 1945, с. 124—125.

дорогу, японцы в мае 1915 г. принудили правительство Пекина подписать соглашение, в котором говорилось о признании им всего того, о чем Япония и Германия в будущем договорятся между собой по вопросу о Шаньдуне. С 1 октября 1917 г. японские власти учредили свою гражданскую администрацию в Циндао и еще трех городах Шаньдуна, находившихся вне арендованной территории. Наконец, 24 сентября 1918 г. было подписано секретное японо-китайское соглашение (так и не ратифицированное Китаем) относительно японского займа для строительства двух железных дорог, соединявших магистраль Циндао Цзинань с железными дорогами Тяньцзин—Пукоу—Нанкин и Пекин—Ханькоу [50].

Утверждение Японии в Шаньдуне — важной в экономическом и стратегическом отношении провинции Китая не отвечало интересам Великобритании. Мнение деловых кругов было выражено в специальном документе британских торговых палат в Китае. В нем выдвигались следующие требования: вывод японских войск, превращение Циндао в свободный порт под контролем управления морских таможен (где главенствующее положение занимали англичане), создание в Циндао муниципалитета по типу шанхайского, передача суверенитета над Цзяочжоу Китаю с помощью комиссии Лиги наций из представителей США, Англии, Франции, Японии и Китая [51]. Особое значение придавалось проблеме контроля над Шаньдунской железной дорогой. Памятуя, что японцы очень умело использовали Южно-Маньчжурскую железную дорогу для утверждения своего влияния в Маньчжурии, английский посланник в Пекине Джордан подчеркивал: «Будущий статут Циндао-Цзинаньской железной дороги... остается сутью всей ситуации» [52].

После выступления японского и китайского представителей в конце января 1919 г. с изложением своей позиции по вопросу о Шаньдуне, Англия и США настояли на раздельном обсуждении этого вопроса и проблемы тихоокеанских островов. Это нарушило надежды японцев на скорое решение шаньдунского вопроса. Вновь к проблеме Шаньдуна Совет четырех вернулся лишь в апреле 1919 г. 15 апреля президент Вильсон долго беседовал с Бальфуром относительно японо-китайских отношений. Бальфур напомнил президенту, что Англия связана обязательством поддержать Японию в этом вопросе. Об этом же говорил Ллойд Джордж на встрече с китайскими представителями. 18 апреля по предложению

---

[50] The China Year Book, 1921 - 1922. Tientsin, 1921, pp. 660, 664, 689.

[51] Millard Th. The Shantung Case at the conference. Shanghai, 1921, pp. 69—70.

[52] Louis W. R. British Strategy in the Far East, 1919—1939. Oxford, 1971, p. 24.

Ллойд Джорджа Советом четырех было принято решение не возвращать арендованной территории Цзяочжоу Германии[53].

Решающий период обсуждения шаньдунского вопроса приходится на 21—30 апреля 1919 г. К этому времени мирная конференция оказалась в критическом положении: итальянский премьер-министр Орландо демонстративно покинул конференцию из-за вопроса о Фиуме, бельгийские представители угрожали последовать его примеру из-за репарационного вопроса, в Париж прибывала германская делегация для получения текста мирного договора. В этих условиях Япония вновь выдвинула свои требования.

Решение по шаньдунскому вопросу принимали Вильсон, Ллойд Джордж и Клемансо. Последний почти не принимал участия в переговорах. Обсуждение вели Вильсон, выступавший против передачи Японии германских владений на Шаньдуне, и Ллойд Джордж, поддерживавший японские домогательства. Клемансо признавал впоследствии: «Мы, и особенно англичане, действовали жестоко по отношению к Китаю»[54].

На заседании Совета четырех 21 апреля Ллойд Джордж утверждал, что отношение Японии к Цзяочжоу не может быть иным, чем отношение других держав к германским колониям. «Эта территория должна рассматриваться на точно тех же основаниях, что и остальные германские владения», — утверждал британский премьер[55]. На следующий день Ллойд Джордж объяснял согласие Англии на подписание секретного соглашения с Японией в феврале 1917 г. срочной необходимостью получения японской помощи в борьбе с немецкими подводными лодками на Средиземном море. Англия-де теперь не может отказаться от этого соглашения и поэтому поддерживает Японию[56]. Эта позиция главы английского правительства ободрила японских представителей. В отчете о заседании Совета четырех от 22 апреля, направленном министру иностранных дел Японии Утида, японскими представителями было отмечено, что «без сомнения Англия и Франция занимают позицию честного выполнения своих официальных обещаний нам»[57].

23 и 24 апреля этот вопрос обсуждали эксперты США, Англии и Франции, которые высказались за передачу германских прав на Шаньдуне Японии, причем американский эксперт Уильямс оговорил в специальной записке свое осо-

---

[53] Mantoux P. Paris peace conference 1919. Proceedings of the Council of Four (March 24—April 19). Genéve, 1964, pp. 218—219.

[54] Fifield F. Op. cit., p. 241.

[55] FRUS PPC, v. 5, p. 111.

[56] Ibid., p. 139.

[57] Fifield F. Op. cit., p. 251.

бое мнение относительно необходимости ограничения там прав Японии[58].

25 апреля японцы усиливают нажим, чтобы сломить сопротивление президента Вильсона. Макино, шантажируя участников совещания, подчеркивал готовность Японии обсудить проблемы экстерриториальности, сфер влияния в Китае, боксерской задолженности, пребывания иностранных войск в Китае. Он снова угрожал, что Япония не подпишет мирного договора. Ллойд Джордж, призвав рассмотреть условия, на которых Япония в будущем вернет Шаньдун Китаю, подчеркивал, что английское правительство «не может согласиться с тем, чтобы Япония занимала особое положение на Шаньдуне»[59].

Англия сыграла на этой стадии обсуждения шаньдунского вопроса решающую роль. Как отмечает американский историк, «ключевой фигурой на финальной стадии переговоров становится Бальфур»[60]. По поручению Ллойд Джорджа и Вильсона он 26 и 27 апреля долго совещался с Макино и Шидэ. На утреннем заседании Совета четырех 28 апреля состоялось обсуждение итогов этих англо-японских совещаний. Бальфур в своем отчете о встрече с японскими представителями писал, что они «отрицают намерения расширить права, которыми Германия пользовалась на Шаньдуне», и что они намерены «восстановить китайский военный и гражданский контроль на арендованной территории, сохранив только право охраны японскими войсками Шаньдунской железной дороги на протяжении краткого переходного периода». Бальфур утверждал, что японцы «хотят сохранить лишь экономические права, не исключая при этом торговли других держав»[61]. 29 апреля президент Вильсон и Бальфур обсуждали вновь с японскими представителями «детали прав, которыми японцы будут пользоваться на Шаньдуне». При этом Бальфур подчеркнул, что требования Японии, затрагивающие суверенитет Китая, неприемлемы: «Положение Японии должно быть аналогичным положению других держав, имеющих концессию в Китае»[62].

В конечном счете, Япония при поддержке Англии и Франции добилась удовлетворения своих требований. 30 апреля президент Вильсон снял свои возражения против передачи германских прав на Шаньдуне Японии. Согласованная формула гласила: «Политика Японии состоит в том, чтобы вернуть Шаньдунский полуостров в полный суверенитет Китая, сохранив лишь экономические привилегии, предоставленные

[58] Temperley H. Op. cit., v. VI, p. 381.
[59] FRUS PPC, v. 5, p. 246.
[60] Fifield F. Op. cit., p. 263.
[61] Tillman S. Op. cit., p. 338.
[62] FRUS PPC, v. 5, p. 331.

Германии, и право создания сеттльмента в Цицдао на обычных условиях. Владельцы Шаньдунской железной дороги будут использовать специальную полицию только для обеспечения безопасности движения. Она не может быть использована для других целей. Полицейские силы будут состоять из китайцев и тех японских инструкторов, отобранных директорами дороги, которые будут назначены правительством Китая»[63]. Несмотря на некоторые оговорки, эта формулировка отражала существо японских притязаний. Здесь не было зафиксировано срока передачи под суверенитет Китая захваченной японцами территории на Шаньдуне. Это была дипломатическая победа Японии.

Американские мемуаристы и историки, признавая очевидное поражение США в шаньдунском вопросе, относят его в значительной степени за счет Англии, поддерживающей японские притязания. Р. Бейкер записывал в своем дневнике: «Ллойд Джордж был увертлив, как угорь, поддерживая японцев...»[64]. Ф. Фифилд приводит высказывания японских дипломатов, что Бальфур «оказал им бо́льшую помощь, чем они ожидали»[65].

Английские авторы подчеркивают предопределенность, неизбежность поддержки Англией Японии в данном вопросе. Составители официальной британской истории Парижской мирной конференции утверждали: «Шаньдунский вопрос был решен заранее. Он был решен в феврале и марте 1917 г., когда Япония обеспечила обязательства каждого из четырех европейских правительств, что ее требования получат их поддержку»[66]. Современные английские историки, отмечая необходимость для Англии поддержать Японию согласно условиям заключенного договора, пытаются утверждать, что далеко не во всем английская дипломатия поддерживала японские домогательства. Так, Я. Ниш считает победу японцев по шаньдунскому вопросу неполной, поскольку Парижская конференция «не признала договоров Японии с Китаем, заключенных в 1915 и 1918 гг., что японцы определенно хотели»[67]. Он же утверждает, что по всем основным проблемам (Шаньдун, тихоокеанские острова, расовое равенство) позиция Англии была противоположной позиции Японии, «разногласия во мнении были фундаментальными, хотя и не непримиримыми».

В конечном счете, следует отметить, что при обсуждении дальневосточных и тихоокеанских вопросов на Парижской

---

[63] FRUS PPC, v. 5, p. 363; Fifield F. Op. cit., p. 275; Tillman S. Op. cit., p. 340.
[64] Fifield F. Op. cit., p. 291.
[65] Ibid., p. 142.
[66] Temperley H. Op. cit., p. 381.
[67] Nish I. Op. cit., p. 276.

мирной конференции политика английского правительства была направлена на удовлетворение захватнических целей британского империализма. Несмотря на обострение англо-японских противоречий, поддержка действий Японии в шаньдунском вопросе также определялась интересами британского монополистического капитала. Составители официальной публикации английских дипломатических документов подчеркивали, что в 1919 г. англо-японские отношения определялись двумя важными соглашениями: союзным договором, продленным в 1911 г. на очередные десять лет, и соглашением 1917 г. Лояльная позиция Великобритании по отношению к Японии при решении шаньдунского вопроса на Парижской мирной конференции объяснялась тем, что британский империализм еще нуждался в сохранении союза с Японией. Процесс, приведший к расторжению англо-японского союза на Вашингтонской конференции и ориентации на сближение с Соединенными Штатами в дальневосточной политике, был еще не завершен. Японская военщина была нужна правящим кругам Британской империи для проведения антисоветской интервенции, для борьбы с влиянием Октября на Дальнем Востоке, для подавления освободительного движения. Американский публицист, большой знаток дальневосточных проблем Т. Миллард писал в этой связи, что Англия стремилась «стабилизировать Азию». Но «подобная стабилизация может быть обеспечена только путем создания какой-нибудь комбинации с Японией»[68]. Уступки за счет Китая должны были также отвлечь японскую экспансию от британских владений. В меморандуме, представленном кабинету министерством по делам Индии накануне открытия Парижской мирной конференции, подчеркивалось, что Японию «нужно держать подальше от китайских провинций, граничащих с Индией и Тибетом»[69].

Уступки Японии в шаньдунском вопросе, конечно, не означали отказа от противодействия усилению влияния Японии, своего главного соперника в Китае. Негативные последствия расширения японской экспансии в Шаньдуне предполагалось в определенной степени парализовать экономическими методами. В августе 1918 г. правительство Англии поддержало предложение США о создании нового финансового консорциума в Китае. Переговоры банкиров четырех стран велись параллельно с работой Парижской мирной конференции. 12 мая 1919 г. в Париже был подписан проект соглашения о консорциуме. Антияпонская его направленность была бесспорна. Именно этим объясняется упорное сопротивление Японии созданию и деятельности этого консорциума.

[68] Millard Th. Op. cit., p. 60.

[69] Beloff M. Imperial sunset, v. I. Britain's Liberal Empire 1897–1921. L., 1969, p. 283.

Определенные надежды возлагались на экономическую слабость и внутренние трудности Японии. В январе 1919 г. один из руководителей дальневосточного отдела Форин Офис отмечал: «экономический кризис вместе с волнениями рабочих — явление, новое для Японии, должны ослабить японскую конкуренцию и благоприятствовать нашему возвращению на дальневосточные рынки»[70].

Однако эти расчеты и предположения не оправдывались. Японская экономическая и политическая экспансия в Китае усиливалась.

Политика Англии в Китае в 1919—1921 гг.

Как известно, несправедливое решение шаньдунского вопроса на Парижской мирной конференции вызвало огромное возмущение китайского народа и привело к отказу делегации Китая подписать Версальский договор. События в Пекине 4 мая 1919 г., выразившиеся в проведении студенческой демонстрации протеста, привели к возникновению общекитайского «Движения 4 мая», которое носило антиимпериалистический характер. Поэтому «Движение 4 мая» встретило резкое противодействие империалистических держав, выступивших, несмотря на взаимное соперничество, на этот раз совместно. По своему классовому содержанию, целям и лозунгам это движение носило буржуазно-демократический характер. В нем участвовали только городские слои. Рабочий класс был еще слаб и не выдвигал собственных требований.

Итоги и практические результаты самого «Движения 4 мая» были довольно скромными. Но его историческое значение было значительным. Это движение способствовало усилению воздействия идей Октябрьской революции на Китай, способствовало активизации борьбы масс трудящихся. События 4 мая 1919 г. стали важной вехой и в истории рабочего движения в Китае. Уже через год в Китае возникли первые коммунистические группы[71].

На всем протяжении событий в Китае в мае — июне 1919 г. Англия и другие империалистические державы занимали неизменно враждебную позицию. Студенческая демонстрация 4 мая, положившая начало всему движению, не была допущена в посольский квартал, где студенты намеревались вручить протест против передачи Японии территории на Шаньдуне. 6 мая власти Международного сеттльмента в

---

[70] Nish I. Op. cit., p. 278.

[71] См.: Ильюшечкин В. П. «Движение 4 мая» и его историческое значение.— «Движение 4 мая» 1919 г. в Китае (сб. статей). М., 1971, с. 31.

Шанхае (где руководящее положение занимали англичане) одобрили действия полиции по разгону демонстрации, имевшей место во французской концессии, а затем власти Международного сеттльмента выступили с запретом демонстраций на его территории и запретом бойкота японских товаров.

Наряду с представителями империалистических держав в Шанхае против подымающегося освободительного движения китайского народа активно действовал дипломатический корпус в Пекине. 21 мая 1919 г. представители держав потребовали от правительства Китая возмещения «ущерба» от демонстраций в Пекине, Шанхае и других городах Китая. Английский посланник Джордан угрожал «возможными для Китая серьезными последствиями»[72]. Английские газеты, выходившие в Китае, активно развернули кампанию против «Движения 4 мая», угрожая иностранной интервенцией. Беспокойство империалистов вызвал тот факт, что освободительное движение в Китае, имевшее непосредственно после событий 4 мая по преимуществу антияпонскую направленность, постепенно приобретает более широкий антиимпералистический характер.

Однако, несмотря на подъем освободительного движения и усиление японской экспансии, британский империализм к середине 1919 г. в основном сохранил свои позиции в Китае. Об этом с удовлетворением сообщал в Лондон посланник Джордан. Он писал: «...мы сохранили наши интересы в Китае практически в неприкосновенности...». И далее пояснял, что «с полной выгодой была использована благоприятная возможность занять освободившееся место» Германии и теперь «германская торговля и германские помещения большей частью в британских руках». Английские специалисты реорганизовали администрацию соляного налога, который сейчас дает больше дохода, чем таможни. Важно, подчеркивал Джордан, что «соляной налог и таможни находятся в британских руках, их доходы не только обеспечивают все иностранные обязательства Китая, но и являются единственной поддержкой правительства, которое практически не получает ничего из провинций». Далее посланник отмечал, что японская активность направлена на утверждение в Маньчжурии и Монголии, но «остальная часть Китая должна достаться нам и американцам»[73].

Осенью 1919 г. Джордан совершил большую поездку по Китаю. В своем отчете об этом, направленном в Форин Офис, он останавливался на проблемах укрепления и расширения влияния британского капитала и рекомендовал в пер-

[72] См.: Костин Ю. Империалистическое вмешательство в события «4 мая». — Народы Азии и Африки, 1963, № 5, с. 106.

[73] DBFP. I series, v. VI, pp. 733—734. Джордан—Тилли, 1919, 24 сент.

вую очередь активизировать деятельность британских фирм в Ханькоу, который, по его мнению, являлся наиболее перспективным центром коммерческой деятельности во всем Китае. С похвалой отмечалась деятельность Гонконг-Шанхайского банка и фирмы «Джардайн, Мэтисон энд К°», которые, по словам посланника, много сделали, чтобы перехватить германскую торговлю в Китае. Затем он писал о росте национального самосознания китайцев и неизбежности в будущем пересмотра консульской юрисдикции, поскольку «развитие нашей торговли внутри Китая» невозможно в условиях роста антибританских настроений у китайского народа[74].

В ноябре 1919 г. в Шанхае проходила конференция британских торговых палат в Китае. Дискуссия, в которой участвовали британские представители из всех провинций Китая, проходила за закрытыми дверями. В ней участвовал и Джордан. На конференции обсуждался большой круг вопросов: развитие железнодорожной системы в Китае, введение единой валюты, практические меры по постепенной ликвидации экстерриториальности, ликвидация ликина (внутренней пошлины, взимаемой при перевозке товаров из провинции в провинцию) в обмен на повышение импортных пошлин, улучшение телеграфного сообщения, создание «Ассоциации британских торговых палат в Китае и Гонконге» и т. д.

Одна из резолюций была принята по вопросу, не фигурировавшему в повестке дня конференции, и доведена до сведения британского посланника конфиденциально. Это резолюция по шаньдунскому вопросу. В этой резолюции конференция представителей британского делового мира в Китае выразила свое единогласное мнение, что возвращение Китаю порта Циндао и железной дороги Циндао — Цзинань с ее ветвями «существенно необходимо для британских торговых интересов». Конференция через Джордана обращалась к правительству Великобритании с просьбой добиться «равных торговых возможностей для всех наций на Шаньдуне»[75].

В политике Англии в Китае в эти годы шаньдунский вопрос продолжал занимать важное место. Британские деловые круги в Китае, как отмечалось, считали невыгодным для своих экономических интересов утверждение японцев на Шаньдуне. Это мнение всецело разделялось Джорданом, который постоянно выступал против японцев, став для них «персона нон грата». В своих донесениях Джордан отмечал расширение японской экспансии в этой провинции Китая и рекомендовал противодействовать этому английским «коммерческим вторжением» в Шаньдун. «Никакое политическое давление,— писал Джордан,— не будет эффективным, по-

[74] Ibid., p. 849.
[75] Ibid., p. 853.

ка оно не будет подкреплено непосредственными практическими действиями в торговле»[76].

Английское правительство предпринимало дипломатические меры с целью заставить Японию соблюдать политику «открытых дверей» на Шаньдуне. Так, было сделано специальное представление Японии по поводу ущемления интересов ряда английских фирм в Циндао. 13 декабря 1919 г. японскому послу в Лондоне был вручен специальный меморандум Форин Оффис о положении в Циндао и дискриминации там граждан других стран. В нем, в частности, говорилось: «Законные британские интересы в Циндао и на прилегающей к железной дороге территории являются настолько значительными, чтобы их можно было детально перечислить здесь...». Одновременно было сделано аналогичное представление британским послом в Токио японскому министерству иностранных дел. 30 декабря 1919 г. состоялась встреча министра иностранных дел Англии Керзона с японским послом Шинда. Беседа шла о Циндао и положении на Шаньдуне вообще. Керзон отметил, что японцы не выполняют своего обещания относительно заключения соглашения с Китаем о возвращении ему Шаньдуна, хотя они обещали сделать это сразу после ратификации Версальского мирного договора, которая состоялась в Японии в конце октября 1919 г. Керзон изложил претензии британского правительства в связи с монополизацией Японией торговли в Циндао, сославшись при этом на недовольство британского общественного мнения[77].

Особенно опасались в Англии утверждения японцев на Шаньдунской железной дороге. Британские представители при этом ссылались на роль железных дорог в утверждении экономического и политического влияния Японии в Корее и Южной Маньчжурии[78].

Обострение противоречий между Англией и Японией в Китае вело неизбежно к ухудшению отношений между этими странами. Объективно Япония становилась теперь главным конкурентом Англии на Дальнем Востоке. Экономические противоречия, раньше всего проявившиеся и оформившиеся, неуклонно вели к возникновению политических противоречий. И хотя был еще целый ряд проблем, по которым интересы Англии и Японии совпадали (прежде всего, в вопросах антисоветской деятельности и в борьбе с освободительным движением народов Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии), главным было нарастание антагонизма в англо-японских отношениях. Эти противоречия подрывали основу действия англо-японского союза. Правящая верхушка Великобритании цеплялась за сохранение этого союза, но фунда-

[76] Ibid., p. 852.
[77] Ibid., pp. 882, 910.
[78] Louis W. R. British strategy in the Far East, pp. 24—25.

мент его был размыт. Одной из главных причин, приведших к отказу от сохранения англо-японского союза, явилась противоположность британских и японских интересов в Китае. В меморандуме, подготовленном Форин Оффис в начале 1920 г., отмечалось: «Наша популярность в Китае значительно страдает от существования нашего союза с Японией»[79]. С этого времени вопрос об англо-японском союзе вышел на первый план во внешнеполитических дискуссиях, развернувшихся в Великобритании и доминионах.

Предстоявшие переговоры о возобновлении англо-японского союза вызывали серьезное беспокойство в Китае. Олстон, новый английский посланник в Пекине, сообщал, что правительство Китая в специальном секретном меморандуме в адрес британской миссии предупреждало, что если Китай и его территории будут упомянуты в новом англо-японском договоре без согласия китайского правительства, это нанесет огромный удар по престижу и национальной гордости Китая[80]. «Ассоциация британских торговых палат в Китае» передала Олстону для вручения Керзону петицию, в которой высказывала свое мнение по поводу перспектив существования союза с Японией. В ней, в частности, говорилось, что «цели, определенные в преамбуле англо-японского договора, не были достигнуты» и поэтому возобновление его не представляется необходимым. Выдвигались требования возвращения Китаю Южно-Маньчжурской железной дороги, признания суверенитета Китая над Циндао и Шаньдунской железной дорогой, гарантирования равных возможностей для всех держав. В случае, если правительству Великобритании не удастся добиться от Японии гарантий выполнения этого, то продолжение англо-японского союза будет противоречить интересам британской торговли в Китае, ибо создаст впечатление о поддержке Англией той политики, которую сейчас проводит Япония в Китае[81].

Важное место во взаимоотношениях Англии и Китая в эти годы занимала проблема Тибета. Еще летом 1914 г. в г. Симла (Индия) долгое время велись переговоры представителей Англии, Тибета и Китая. В ходе этих переговоров Англия добивалась превращения Тибета в свой протекторат, выдвинув проект разделения Тибета на внешний и внутренний. Китайские власти стремились установить свой суверенитет над этой территорией, являвшейся некогда независимым государством[82].

[79] DBFP, I series, v. VI, pp. 1016—1022.

[80] Ibid., v. XIV, p. 28. Олстон—Керзону, 1920 21 мая.

[81] Ibid., b. XIV, pp. 21—22. Олстон—Керзону, 1920 4 мая и 4 июня.

[82] См.: Остриков П. И. Империалистическая политика Англии в Китае в 1900—1914 гг. М., 1978, с. 203—212; Леонтьев В. П. Иностранная экспансия в Тибете в 1888—1919 гг. М., 1956; Willoughby W. Foreign Rights and Interests in China Baltimore, 1927, v. I, p. 464.

Летом 1918 г. при посредничестве британского консульского агента была установлена временная китайско-тибетская граница. Правительство Пекина не утвердило этого соглашения, но фактически оно продолжало действовать. Старый англо-китайский спор о Тибете теперь был осложнен новыми обстоятельствами. Британский империализм стремился отныне утвердить свое влияние в Тибете, выдвигая в качестве предлога идею о том, чтобы использовать его в борьбе против Советского государства, для воздействия на монголов и бурят, населявших территории от «Гималаев до далеких границ Сибири»[83]. Как писал Ч. Белл, служивший ряд лет британским представителем в Тибете, Бутане и Сиккиме, «в Тибете мы имеем идеальный барьер против большевистского влияния»[84].

Новым обстоятельством было и стремление Японии с максимальной выгодой для себя использовать затруднения Англии в Китае в связи с тибетским вопросом. Японцы развернули активную деятельность в Пекине, подталкивая китайское правительство к неуступчивости. Закулисная деятельность японской дипломатии сопровождалась антибританской кампанией в прессе. В донесении Джордана относительно хода англо-тибетских переговоров по Тибету сообщалось: «Японские газеты публикуют самые сенсационные отчеты о наших требованиях для того, чтобы отвлечь внимание от шаньдунского вопроса»[85].

Весной 1919 г., как пишет Ч. Белл, правительство Китая предложило Англии возобновить переговоры, прерванные в Симле. Китаем были внесены новые предложения, по которым часть территории Тибета включалась в состав провинции Сычуань, остальная часть — составляла бы автономный Тибет с правом Китая посылать своих эмиссаров в Лхасу. Власти Тибета отвергли эти предложения Китая. Вскоре сами китайские представители «временно» отказались от проведения переговоров с Англией по тибетскому вопросу[86].

Лишь 13 августа 1919 г. состоялась встреча представителей Китая и Англии на переговорах относительно Тибета. Обсуждался вопрос о границе между Тибетом и Китаем. Представитель Англии на переговорах, посланник Джордан отказался от выдвинутой ранее идеи разделения Тибета на «внешний» и «внутренний», включив последний частью в Китай, частью — в собственно Тибет. Китайский представитель предложил, однако, отложить переговоры, ссылаясь на возможность волнений в пограничных с Тибетом провинциях,

---

[83] Bell Ch. Tibet. Past and Present. Oxford, 1924, p. 191.
[84] Ibid., p. 191.
[85] DBFP, 1 series, v. VI, p. 598, footnote 1.
[86] Bell Ch. Op. cit., p. 173.

подобных тем, что имели место по вопросу о Шаньдуне. Джордан настаивал на продолжении переговоров. После угроз и требований со стороны британского посланника представитель Китая сообщил, что «некая держава очень стремится переместить народное возмущение в Китае с вопроса о Цицдао на вопрос о Тибете». В донесении Керзону относительно хода этих переговоров Джордан так комментировал это японское вмешательство: «По моему мнению, действия японского правительства, поручающего своему посланнику вмешаться в тибето-китайские переговоры, являются кульминацией попыток Японии бросить вызов положению Англии в Азии». Вмешательство Японии в переговоры относительно Тибета, писал Джордан, показывает, что она «не только добивается преобладания в Китае, но домогается решающего голоса в делах Центральной Азии» [87].

В свою очередь, британское посольство в Токио сообщало Керзону, что японская пресса снова обсуждает тибетский вопрос, возобновление англо-китайских переговоров расценивается как победа английской дипломатии, которая и так уж выиграла слишком много в результате мирных договоров. Одним из таких успехов считают соглашение Англии с Персией, которой японские газеты выражают огромную симпатию как азиатской державе. «Оба вопроса, персидский и тибетский, часто освещаются японской прессой вместе» [88].

В таких условиях в конце августа 1919 г. министр иностранных дел Англии Керзон выразил протест против вмешательства Японии в переговоры между Великобританией и Китаем относительно Тибета. В беседе с японским послом Шинда в Лондоне он отметил антибританскую позицию японского посланника в Пекине Обата и антибританские выступления японской прессы. Затем Керзон встретился с китайским посланником и выразил ему резкое недовольство английского правительства отказом Китая продолжать переговоры по Тибету. Керзон угрожал, что в таком случае Англия не сможет «отстаивать» интересы Китая по шаньдунскому вопросу [89].

Вмешательство японцев в ход англо-китайских переговоров по Тибету продолжало серьезно беспокоить Лондон. Переговоры продвигались медленно. Решение тибетского вопроса в выгодном для англичан духе затягивалось. В Китае росло возмущение притязаниями Англии на решающее влияние в делах Тибета. Из провинций шли телеграммы с требо-

---

[87] DBFP. I series, v. VI, pp. 693—695. Джордан—Керзону, 1919, 28 авг.
[88] Ibid., p. 695, footnote 6. Олстон—Керзону, 1919, 17 окт.
[89] Ibid., pp. 702—704.

ванием отказа от переговоров с Англией. Губернатор провинции Юннань угрожал послать войска в Тибет. Все это очень нервировало английских представителей, которые все объясняли происками японцев. Джордан писал Керзону: «Совершенно очевидно, что недавняя пропаганда, хотя и приостановленная сейчас, эффективно сделала свое дело, смешав воедино тибетский и шаньдунский вопросы»[90].

Британское правительство продолжало настаивать на завершении переговоров по Тибету. Керзон предупреждал китайского посланника, что затягивание переговоров лишит Китай поддержки Англии в его борьбе за возвращение Шаньдуна. Керзон инструктировал Джордана: «Предупредите китайцев о риске, которым чревато создание опасной ситуации на китайско-тибетской границе, к которой правительство Индии не сможет относиться с безразличием»[91].

В конце 1919 — начале 1920 гг. тибетская проблема продолжала оставаться одной из важнейших в переписке Форин Оффис и британской миссии в Пекине. 20 ноября 1919 г. Джордан докладывал Керзону: «Я сделал все, что было в моих силах, чтобы принудить китайское правительство возобновить переговоры по вопросу о Тибете»[92]. Давление на Китай оказывалось и в Лондоне. 26 ноября 1919 г. Керзон сообщал Джордану, что он снова вызывал китайского посланника и резко требовал возобновления переговоров по Тибету[93]. Китайское правительство, со своей стороны, отвергало попытки Англии «вмешиваться в спор между Китаем и Тибетом, который является внутренним делом Китая»[94].

Тем временем в Тибете сочли невозможным «продолжать затяжное, неравное соперничество с Китаем» и согласились принять в Лхасе китайскую миссию. По словам Ч. Белла, «это показывало... что Тибет поворачивал от Англии к Китаю»[95]. В середине января 1920 г. китайская миссия прибыла в Лхасу. Китайцы настаивали, чтобы тибетские представители прибыли в Пекин и там вели переговоры о заключении китайско-тибетского соглашения. Не получив ясного ответа, в апреле 1920 г. китайская миссия покинула Лхасу, но там продолжала оставаться британская миссия во главе с Ч. Беллом.

Добиваясь уступок от Китая в вопросе о Тибете, англичане расширяли круг своих обещаний. В январе 1920 г. Джордан говорил китайскому министру иностранных дел, что

---

[90] Ibid., p. 782. Джордан — Керзону, 1919, 17 окт.
[91] Ibid., p. 819. Керзон—Джордану, 1919, 4 нояб.
[92] Ibid., p. 846. Джордан—Керзону, 1919, 20 нояб.
[93] Ibid., p. 859.
[94] Ibid., p. 863. Джордан—Керзону, 1919, 4 дек.
[95] Bell Ch. Op. cit., p. 174.

пока тибетский вопрос остается неурегулированным, Китай не может рассчитывать на помощь Великобритании как в вопросе о Маньчжурии, так и в вопросе о Шаньдуне[96]. Шаньдунский вопрос вообще становился разменной монетой в дипломатической борьбе империалистических держав. Каждая из держав предлагала свою поддержку Китаю в этом вопросе, если Китай пойдет на уступки в каком-то другом, выгодном для данной державы, вопросе.

В конечном счете, на данном этапе переговоры о Тибете не были доведены до конца, и проблема эта в англо-китайских отношениях продолжала оставаться открытой.

Британские представители в Китае с первых дней победы Октябрьской революции в России вели враждебную антисоветскую деятельность. Прежде всего они стремились воспрепятствовать установлению нормальных дружеских отношений между Советской страной и Китаем. Решение этой задачи облегчалось ярым антисоветизмом пекинского правительства.

Советское правительство неизменно и настойчиво прилагало усилия к установлению контактов и дружеских связей с Китаем. Советская страна заявила об отказе от всех особых прав и привилегий царской России в Китае, предложила пересмотреть неравноправные договоры и построить отношения между двумя странами на основах полного равенства[97]. Однако Пекинское правительство не шло на нормализацию отношений с Советской Россией. 27 декабря 1917 г. оно запретило ввоз продовольствия в РСФСР, а 11 января 1918 г. была закрыта китайская граница и приостановлена всякая отправка грузов. В конце марта 1918 г. был отозван китайский посланник из Петрограда. Китай принял участие в антисоветской интервенции, правительство Пекина разрешало использовать китайскую территорию как базу антисоветской деятельности бандам Семенова и другим контрреволюционерам.

25 июля 1919 г. Советское правительство обратилось к правительствам Южного и Северного Китая с декларацией, в которой выражалась готовность договориться о ликвидации актов несправедливости, совершенных царизмом в отношении китайского народа. Правительство РСФСР заявляло о своем отказе от причитавшейся России доли «боксерской» контрибуции и предлагало установить официальные отношения[98]. Пекинское правительство не ответило на это обращение. В ответе Южного правительства Китая, возглавляемого Сун Ятсеном, говорилось, что «весь китайский народ проник-

[96] DBFP, 1 ser., v. VI, p. 947. Джордан—Керзону, 1920, 20 янв.

[97] См.: История внешней политики СССР. Под ред. А. А. Громыко, Б. Н. Пономарева. Т. I (1917—1945). М., 1976, с. 152.

[98] Там же, с. 153.

нут исключительной благодарностью» за это обращение к китайскому народу.

Созданная в апреле 1920 г. Дальневосточная республика настойчиво добивалась установления нормальных дипломатических отношений с своим соседом — Китаем, налаживания экономических связей. В августе 1920 г. в Пекине начались, после долгих проволочек с китайской стороны, переговоры специальной миссии ДВР во главе с И. Л. Юриным [99]. Хотя эти переговоры не привели к установлению официальных отношений, правительство Китая согласилось не признавать далее миссии и консульств царского правительства и положило начало отношениям де-факто между Китаем и ДВР. 27 сентября 1920 г. правительство РСФСР вновь повторило свои условия нормализации отношений между двумя странами. Но пребывание делегации РСФСР в Пекине в декабре 1921 г. не привело к достижению соглашения.

Первые контакты между Советской страной и Китаем привлекли пристальное внимание английских дипломатических представителей в Китае. Они внимательно наблюдали за деятельностью миссии ДВР во главе с И. Л. Юриным, собирая информацию о ней из всех источников. Британский поверенный в делах в Пекине несколько раз запрашивал министерство иностранных дел Китая относительно характера и целей миссии Юрина [100]. 23 сентября 1920 г. сообщение о миссии Юрина было опубликовано в «Таймс».

В связи с решением правительства Китая прекратить отношения с «миссией» князя Кудашева французское правительство, настроенное особенно непримиримо к Советской стране, предложило, чтобы русская государственная собственность в Китае и концессии перешли под контроль дипломатического корпуса. Позиция британского правительства по этому вопросу была выражена Керзоном, который следующим образом инструктировал своего поверенного в делах в Пекине: распоряжение концессией — дело самого правительства Китая, но нужно указать китайскому правительству, что в случае взятия им концессий под свое управление британские интересы в них должны быть сохранены. При этом следовало «неофициально» предупредить китайские власти, что предложения большевиков, обращенные к Китаю, носят пропагандистский характер и «направлены на возбуждение споров между иностранными державами» [101].

В течение ряда лет объектом борьбы империалистических держав была Китайская Восточная железная дорога. Хотя

---

[99] См.: Казанин М. И. Записки секретаря миссии. М., 1963; Персиц М. А. Дальневосточная республика и Китай. М., 1962.

[100] DBFP, 1 series, v. XIV, p. 121.

[101] Ibid., p. 125.

британский империализм открыто не выступал с притязаниями на установление своего контроля над этой магистралью, политика правительства Великобритании по вопросу о судьбе КВЖД носила постоянно враждебный по отношению к Советской стране характер.

Экспансия японского империализма в Китае в годы первой мировой войны вызывала серьезное беспокойство у других империалистических держав. Созданный до войны международный банковский консорциум, в котором после выхода из него США и Германии, а затем и России, оставались Англия, Франция и Япония, не смог воспрепятствовать экспансии японского капитала. Первая мировая война резко ослабила возможности Англии и Франции участвовать в предоставлении займов и других финансовых операциях в Китае [102]. Японские банки, действуя зачастую в обход консорциума, смогли, как было отмечено выше, навязать китайскому правительству ряд кабальных займов. С этим не могли примириться американские монополии, которые активно стремились укрепить свое положение в Китае и занять доминирующее положение в его финансировании. Начиная с 1916 г., американские банкиры активизируют свои операции в Китае. Ряд американских банков и компаний «Ли, Хиггинсон энд К°», «Американ интернейшнл корпорейшн», «Симс энд Кэри», «Континентальный и Коммерческий трест и Страховой банк» подписали соглашения с правительством Китая о предоставлении займов, в том числе на строительство 1500 миль железнодорожных линий. Натиск американского капитала не в меньшей степени, чем японского, тревожит Лондон и Париж. Уже в декабре 1916 г. банковские группы, входившие в состав консорциума, выразили пожелание о возвращении американской группы в консорциум. 30 января 1917 г. на конференции в Лондоне представители английской, французской, японской и русской групп рассмотрели вопрос о дополнительном выпуске Реорганизационного займа. Была принята резолюция, приглашающая американскую финансовую группу вернуться в консорциум [103].

Правительство Англии выступало за привлечение США к деятельности консорциума в Китае. Это объяснялось стремлением создать противовес Японии в консорциуме, с одной стороны, и ограничить в какой-то степени самостоятельность и независимость действий американских банкиров, с другой. 21 августа 1917 г. британский поверенный в делах выразил

[102] О создании и первых годах деятельности международного консорциума см.: Григорцевич С. С. Дальневосточная политика империалистических держав в 1908—1917 гг. Томск, 1964, с. 310—320; Остриков П. И. Империалистическая политика Англии в Китае в 1900—1914 гг. М., 1978, с. 170—179.

[103] FRUS, 1917, p. 128.

государственному секретарю США Лансингу озабоченность, что Япония одна предоставляет займы Китаю, и предложил, чтобы США и Англия совместно выступили против этого [104]. 9 сентября 1917 г. в меморандуме британского посольства в Вашингтоне было сообщено госдепартаменту, что Великобритания готова сотрудничать с Соединенными Штатами в Китае [105]. Дипломатическая активность Англии была связана с тем, что Китай обратился с просьбой о большом займе, в 20 млн. ф. ст. «для денежной реформы» и Япония выразила готовность предоставить половину требуемой суммы. Англия настаивала на участии США, поскольку в противном случае весь заем попадет в руки японцев со всеми вытекающими из этого последствиями. В меморандуме британского посольства от 3 октября 1917 г. подчеркивалось: «Сотрудничество американской финансовой группы, которая возьмет на себя часть проектируемого займа, и участие в оставшейся части займа британской финансовой группы... обеспечит американскому и британскому правительствам голос в разработке денежной реформы и в контроле над всем проектом» [106]. Подобное мнение высказывалось и американскими представителями в Китае. Посланник в Пекине Рейнш писал Лансингу: «Представители английской и французской финансовых групп чрезвычайно обеспокоены перспективами займа для денежной реформы... Все дело практически переходит в руки японцев, которые теперь возглавляют консорциум, и это обеспечит им, в конечном счете, контроль над Китаем». Если консорциум откажет в этом займе Китаю, Япония сможет предоставить его самостоятельно [107].

В ноябре 1917 г. правительство США пересматривает свое отношение к деятельности консорциума в Китае. Берется курс на воссоздание американской финансовой группы и ее участие в финансовых операциях в этой стране. В июне 1918 г. президент Вильсон дал свое согласие на участие американской финансовой группы в консорциуме в Китае. 10 июля Лансинг сообщил об этом британскому послу лорду Рединту.

Но сразу же выявились серьезные англо-американские противоречия по данному вопросу. Английское правительство настаивало на сохранении права английских банков, не входивших в консорциум, предоставлять Китаю займы для «промышленных» целей. Однако против этого решительно выступало правительство Соединенных Штатов Америки. 26 июля и. о. госсекретаря Полк заявил британскому послу Рединту, что промышленные займы Китаю должны предоставляться,

[104] Ibid., pp. 136—137.
[105] Ibid., p. 139.
[106] Ibid., p. 145.
[107] Ibid., Рейнш—Лансингу, 1917, 11 окт.

как и займы на административные нужды, в рамках консорциума [108].

Точка зрения английского правительства была обстоятельно изложена Бальфуром в августе того же 1918 г. американскому послу Пейджу. Вначале речь шла о промышленных займах Китаю. Бальфур напомнил послу, что на конференции в Париже 26 сентября 1913 г. представители английской, французской, германской, японской и русской групп банкиров решили внести изменения в условия первоначального соглашения о 6-стороннем консорциуме 1912 г., исключив из его сферы промышленные и железнодорожные займы. Правительство Англии, учитывая желание Японии и просьбы не входивших в консорциум английских банков, согласилось с этим. В настоящее время, продолжал Бальфур, единственным займом, находящимся на рассмотрении консорциума, является предполагаемый выпуск второго или дополнительного Реорганизационного займа для денежной реформы в Китае. В счет этого займа Япония уже выдала китайскому правительству два аванса. Американская финансовая группа может объединиться с английской, французской и японской финансовыми группами в реализации этого займа. Если же правительство США будет настаивать на включении «промышленных» займов в консорциум, то это предположение требует тщательного изучения и консультаций с заинтересованными британскими финансовыми кругами, прежде чем правительство Великобритании сможет принять решение.

Затем Бальфур в связи с замечанием Лансинга о том, что США будут возражать против займов, условия которых нарушают «суверенитет» Китая, подчеркнул, что это не должно распространяться на «иностранный контроль за сбором доходов, предназначенных для обеспечения займа», таких как доходы морских таможен и соляной налог [109]. Известно, что эти источники доходов китайского правительства уже давно находились под контролем Великобритании. Правительство Англии не желало отказываться от этой привилегии.

На данном этапе обсуждения проблемы консорциума английские правящие круги полагали, что им удастся добиться включения американской финансовой группы в старый консорциум со всеми его соглашениями и договоренностями, достигнутыми после выхода из него США. Но очень скоро американское правительство внесло ясность в этот вопрос, определив четко свою позицию.

8 октября 1918 г. Лансинг назвал список из 31 американского банка, вошедших в состав финансовой группы США.

[108] FRUS, 1918, p. 180. Рединг—Полку, 1918, 20 июля; Полк Рединту, 1918, 26 июля.

[109] Ibid., p. 189—190. Бальфур — Пейджу, 1918, 14 авг.

Американское правительство при этом подчеркивало, что речь шла не о присоединении финансовой группы США к существующему консорциуму, а о создании нового «международного объединения», включающего финансовые учреждения США, Англии, Японии и Франции, с целью «предоставления финансовой помощи Китаю». Поясняя смысл этих действий правительства США, Лансинг в письме послу в Токио Моррису отмечал, что хотя американское правительство не имеет в виду какой-либо конкретный заем, а лишь общий подход к будущим займам, американской финансовой группе рекомендовано «присоединиться к дополнительному Реорганизационному займу для денежной реформы» и взять на себя в этом и будущих займах долю английской и французской финансовых групп. Государственный секретарь США подчеркивал, что «промышленные займы так же, как и займы на административные цели, должны быть включены в сферу действия нового объединения». В одном пункте, однако, США соглашались с мнением английского правительства, а именно, что упоминание о необходимости соблюдения «суверенитета» Китая не должно распространяться на «иностранный контроль над сбором доходов» [110].

Трудное финансовое положение Англии ослабляло возможности экспансии британского капитала в Китае, затрудняло выступление на равных с американцами и японцами. 17 марта 1919 г. Керзон в меморандуме, направленном американскому посольству в Лондоне, констатировал, что значительная финансовая помощь Китаю со стороны Англии в настоящее время невозможна. Поэтому «любые займы Китаю в ближайшем будущем должны быть очень умеренными по своим размерам, и доля британской группы должна быть разделена американской группой совместно с японской группой». Хотя американский план, включающий в сферу действия консорциума промышленные и административные займы, противоречит политике правительства Великобритании, оно решило отказаться от своей прежней позиции и поддержать участие британской группы в консорциуме на условиях, предлагаемых США. Однако английское правительство может обещать поддержку лишь «финансовой» стороне этих займов для промышленных целей и не может брать на себя обязательства, связанные с «технической» стороной реализации этих займов (инженерные работы, снабжение материалами и пр.) [111].

Создание британской финансовой группы весной 1919 г. проходило в обстановке взаимных распрей и конкурентной борьбы среди финансовых монополий Великобритании. Возглавляемая Гонконг-Шанхайским банком, британская финан-

[110] Ibid., pp. 195—197. Лансинг—Моррису, 1918, 8 окт.
[111] FRUS, 1919, v. I, p. 427. Керзон—поверенному США, 1919, 17 марта.

совая группа, участвовавшая в консорциуме, включала в себя следующие банки: «Бэринг», «Чартерд бэнк», «Шредер энд К⁰», «Парре бэнк» и «Лондон каунти энд Вестминстер бэнк». Дополнительно Гонконг-Шанхайский банк предлагал включить в состав группы банк Ротшильда и «Бритиш трейд корпорейшн». Но недовольство выражал целый ряд британских банков и фирм, имевших интересы на Востоке и считавших себя обделенными при создании старого консорциума. Они оказывали давление на правительство, требуя его поддержки. В письме министерства иностранных дел Англии, адресованного Гонконг-Шанхайскому банку, констатировалось наличие «большого расхождения между правительством и британской финансовой группой» по вопросу состава этой группы. Пожелание о включении в состав группы, участвующей в консорциуме, высказали «Ллойд бэнк», «Браун, Шипли энд К⁰», «Истерн бэнк», «М. Сэмюел энд К⁰», «К. Бирч, Крисп энд К⁰». Со своей стороны Форин Оффис подчеркивал, что «некоторые трудности, возникшие при формировании британской группы, могли быть разрешены включением четырех других ведущих клиринговых банков: «Ллойд бэнк», «Лондон джойнт сити энд мидленд бэнк», «Барклайс бэнк», «Нейшнл провиншиел бэнк»[112]. В своем ответном письме глава Гонконг-Шанхайского банка Аддис утверждал, что уже существующая финансовая группа с ее 1200 отделениями в Великобритании и Британской империи является достаточно представительной и не нуждается в дальнейшем расширении[113].

12 мая 1919 г. в Париже было подписано соглашение о принципах деятельности нового консорциума. Оно, в частности, относило к сфере деятельности консорциума все займы, исключая соглашения по тем промышленным предприятиям (в том числе железным дорогам), относительно которых «был достигнут значительный прогресс» в их осуществлении[114]. Это компромиссная формулировка сглаживала имевшиеся противоречия, давая возможность английской, французской и японской группам сохранить в основном свои достигнутые позиции, а американской группе — играть соответствующую роль при заключении всех новых финансовых соглашений с Китаем. Но сами противоречия сохранялись и очень скоро проявили себя.

18 июня 1919 г. японское правительство выдвинуло свои оговорки относительно исключения из сферы действия консорциума Южной Маньчжурии и восточной части Внутренней

[112] British State papers. Correspondence respecting the new financial consortium in China. Miscellaneous N 9 (1921), Cmd 1214, L., 1921, p. 18 (в дальнейшем: Correspondence...).
[113] Ibid., p. 25.
[114] FRUS, 1919, v. 1, p. 435.

Монголии. Это было неприемлемо для США и Англии, ибо закрепляло преобладание Японии в этих районах Китая. Споры по этому вопросу затянулись на долгие месяцы. В меморандуме японскому послу от 1 сентября 1919 г. Керзон указывал, что если в отношении Южной Маньчжурии, где имеются принадлежащие японскому капиталу железные дороги и промышленные предприятия, оговорка относительно их исключения из консорциума имеет основание, то иное дело восточная Внутренняя Монголия. Здесь никаких работ японской стороной не велось, и все ограничивается лишь предоставлением Японии права на строительство ряда железнодорожных линий. Англия не может признать за Японией права на владение «исключительными интересами» на этой огромной территории, «южные границы которой практически окружают Пекин и вторгаются в провинцию Чжили». Все это несовместимо с сохранением независимости и территориальной целостности Китая, что Япония обязалась соблюдать [115]. Эта «забота» англичан о территориальной целостности Китая вызвала саркастическое замечание представителя японской финансовой группы Одагири о том, признает ли Форин Оффис включение Тибета в сферу действия консорциума или нет.

В ответ на эти действия японской стороны 16 сентября 1919 г. США предложили Англии и Франции создать 3-сторонний консорциум, зарезервировав для Японии место, если она пожелает вступить в консорциум, отказавшись от своих оговорок. Французское правительство выразило готовность пойти на это, но только в крайнем случае. Английское правительство было настроено более скептически относительно возможности создания этой комбинации. Для Англии было невыгодно окончательно рвать с Японией и оставаться один на один с США в сфере экономического соперничества в Китае. Форин Оффис выдвинуло три варианта решения вопроса об участии Японии в консорциуме: 1) исключить Японию из консорциума, 2) продолжать давление на Японию с целью заставить ее взять назад свои оговорки относительно Южной Маньчжурии и восточной Внутренней Монголии, 3) модифицировать эти оговорки, как это предлагается Англией. Первые два варианта на руку Японии, освобождают ее от контроля других держав — членов консорциума (в первом случае) либо затягивают решение проблемы бесплодным обсуждением (во втором). Форин Оффис за третий вариант — признание ограничения действия консорциума в Южной Маньчжурии и отклонение японских притязаний в отношении восточной части Внутренней Монголии [116]. Это мнение английского правительства относительно признания части

[115] Ibid., pp. 503–504. Девис—Лансингу, 1919, 25 нояб.
[116] Ibid., pp. 491—492. Девис—Лансингу, 1919, 2 окт.

японских оговорок и отклонения другой части было выражено в меморандуме, врученном послу Японии 20 ноября 1919 г.

Отстаивая свою позицию в отношении Маньчжурии и Монголии, японское правительство, как это им практиковалось уже неоднократно, пыталось использовать миф о «советской угрозе». В меморандуме, направленном британскому правительству, правительство Японии утверждало, что развитие событий в России и Сибири оказывает «неблагоприятное воздействие» на положение на Дальнем Востоке и создает угрозу безопасности Японии. Южная Маньчжурия и Монголия являются «воротами», через которые большевизм сможет угрожать Японии[117]. Подобная идея содержалась и в другом меморандуме японского правительства от 3 апреля 1920 г. Выступая против включения в сферу действия консорциума железной дороги Таонаньфу — Жэхе, японское правительство утверждало, что эта железная дорога проектировалась по стратегическим соображениям, «для обороны Китая и Японии от иностранного вторжения по направлению от Урги»[118].

Эти «аргументы» японцев, направленные на сохранение их сферы влияния в Китае, на этот раз не произвели большого впечатления. Позиция США оставалась непримиримой. Но отношение британского правительства было более уклончивым. По мнению Форин Оффис, было бы нежелательным оставить Японию вне консорциума. Само воздействие на Японию, дабы изменить ее отношение к деятельности консорциума в Маньчжурии и Внутренней Монголии, следовало оказывать через посредство финансовых групп ,а не по дипломатическим каналам. Американский посол в Лондоне Девис, резюмируя отношение Англии к данной проблеме, писал: «Британская позиция в этом случае аналогична позиции по вопросу о продлении англо-японского союза. В обоих случаях англичане считают, что лучше сотрудничать с японцами, как союзниками, чем враждовать с ними»[119].

В марте — апреле 1920 г. в Японии находился представитель американской финансовой группы Т. Ламонт, доверенное лицо Дж. Моргана. Он вел переговоры с японскими банкирами, стремясь найти компромиссную формулировку в связи с нежеланием японской стороны распространить действие консорциума на Южную Маньчжурию и восточную часть Внутренней Монголии. Ламонт получил инструкции из Нью-Йорка принудить японцев к соглашению, используя угрозу аннулирования приглашения Японии для вступления в консорциум[120]. Предложенные Ламонтом компромиссные фор-

[117] FRUS, 1920, v. 1, p. 516. Поверенный в Лондоне — Полку, 1920, 20 марта.

[118] Ibid., p. 525.

[119] Ibid., pp. 531—532. Девис—Полку, 1920, 26 апр.

[120] Ibid., pp. 533—634. Полк — поверенному в Пекине, 1920, 22 апр.

мулировки были поддержаны Англией. Форин Оффис в меморандуме от 28 апреля 1920 г. выразило согласие с предложениями, сделанными Ламонтом [121].

11 мая 1920 г. состоялся обмен письмами между Ламонтом и японской финансовой группой. В этих письмах фиксировалась следующая договоренность по спорным проблемам: ЮМЖД с ее ветвями и шахтами не входили в сферу деятельности международного финансового консорциума, ряд железных дорог, строительство которых предполагалось японцами в Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии (Чаньчунь—Таонань, Чанчунь — Гирин и другие, всего семь железнодорожных линий), также были вне рамок консорциума. Но железная дорога Таонань — Жахэ и железнодорожная линия, соединяющая эту магистраль с портом на море, были включены в сферу действия консорциума [122].

Эта договоренность открывала путь к завершению переговоров о создании международного консорциума. Летом 1920 г. шло согласование основных документов консорциума. 28 сентября 1920 г. правительству Китая была вручена коллективная нота держав относительно завершения создания нового международного финансового консорциума. Само соглашение о создании консорциума было подписано 15 октября 1920 г. Затем 23 ноября 1920 г. представители финансовых групп, входивших в консорциум, встретились с китайским министром финансов и изложили план деятельности консорциума, в частности, по строительству железных дорог. Были названы условия, необходимые для получения Китаем новых займов, включавшие в себя признание Китаем своих обязательств Германии по железнодорожным займам (они теперь перешли к Моргану) и гарантий по новым железнодорожным займам [123].

Наконец, 13 января 1921 г. посланники четырех держав в Пекине информировали китайское правительство, что соглашение о консорциуме одобрено на совещании финансовых групп в Нью-Йорке и считается вступившим в силу.

Однако консорциум империалистических держав не смог приступить к практической деятельности. Он оказался мертворожденным. Слишком остры были противоречия между участниками соглашения, формальные компромиссные сделки ничего, собственно, не меняли и не могли снять остроты этого соперничества, особенно между Америкой и Японией. Существенное значение имело и то обстоятельство, что возросшее чувство национального самосознания и усиление освободительного движения в Китае, влияние социалисти-

---

[121] Correspondance..., p. 43.
[122] FRUS, 1920, v. I, pp. 556—557.
[123] Field F. V. American participation in the China consortiums. Chicago, 1931, pp. 167—168.

ческой внешней политики, проводимой Советской Россией, чрезвычайно затрудняли возврат к прошлым методам эксплуатации китайского народа. Характерно, что Китай не ответил на нотификацию держав от 13 января 1921 г. относительно вступления в силу соглашения о консорциуме.

События, связанные с созданием нового консорциума, и в целом взаимоотношения империалистических держав по проблемам политики в отношении Китая показали резкое возрастание роли США и Японии. Их противоречия и взаимная борьба нередко имели определяющее значение при решении того или иного вопроса. В этих условиях перед правящими кругами Великобритании встала важная и ответственная задача определения основной ориентации в своей дальневосточной политике с учетом всех изменений, происшедших в Восточной Азии после окончания мировой войны и победы Октябрьской социалистической революции в России. С кем идти дальше на Дальнем Востоке, с Америкой или с Японией? Необходимо было безотлагательно найти ответ на этот вопрос.

Глава третья

ВОПРОС О ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ВОЗОБНОВЛЕНИИ АНГЛО-ЯПОНСКОГО СОЮЗА В 1919—1921 ГГ.

Обострение англо-японских противоречий

Международное положение Великобритании после завершения работы Парижской мирной конференции продолжало оставаться достаточно сложным. С одной стороны, ослабление Германии, ликвидация ее военно-морского флота, крушение германской колониальной империи усилили положение британского империализма в капиталистическом мире. Но одновременно возросла экономическая мощь и политическое могущество США, выступивших в качестве претендента на мировую гегемонию. Англо-американские противоречия обостряются во многих районах мира.

Правящие круги Великобритании стремились использовать победу над Германией и ее союзниками для того, чтобы сохранить и укрепить свое господство над громадной колониальной империей, что ведет к активизации британской империалистической политики во всех частях света. Англия продолжала оставаться активным участником антисоветской интервенции. Это участие требовало больших расходов, вело к обострению внутренней напряженности в связи с нежеланием английского народа участвовать в борьбе против социалистической революции в России. Несмотря на заключение Версальского мирного договора, стабилизация в Европе достигнута не была. Здесь на первый план выходят англо-французские противоречия в связи с борьбой за гегемонию в этом районе мира. Лишь заключение Локарнских соглашений в 1925 г. в какой-то степени знаменовало собой достижение политической стабилизации капиталистической Европы. Накануне Вашингтонской конференции до этого было еще далеко.

Под влиянием победы Великой Октябрьской социалистической революции разваливалась колониальная система империализма. Освободительное движение охватывало обширные британские колониальные владения. Особенно критическим стало к концу 1920 г. положение в Ирландии. Английское правительство, будучи не в состоянии силой сломить

сопротивление ирландского народа, было вынуждено пойти на переговоры с ирландскими лидерами, и в декабре 1921 г. было подписано соглашение, предоставлявшее Ирландии статут доминиона. Ольстер остался в составе Великобритании. Это вело к сохранению напряженности в отношениях Англии и Ирландии.

Бурно развивались события в английских колониях на Ближнем Востоке и в Индии. На арабских территориях, принадлежавших Англии, как отмечает современный исследователь А. Климэн, «атмосфера кризиса была превалирующей на протяжении всего 1920 и начала 1921 гг.»[1]. Назначенный в январе 1921 г. министром колоний У. Черчилль лишь путем некоторых уступок арабской верхушке и сложного маневрирования пытался сохранить британские позиции в этом районе мира.

Падает влияние Англии в сопредельных с Советской страной государствах — Турции, Иране, Афганистане. Выступая в июле 1921 г. в палате лордов министр иностранных дел Англии Керзон говорил, что смотрит на создавшееся в Персии положение «с чувством разочарования и почти отчаяния»[2]. Основную причину ослабления позиций Великобритании в Азии правящие круги этой страны видели в «интригах» Москвы. Антисоветизм продолжал оставаться важнейшей частью внешнеполитического курса британского империализма.

Внутриполитическое положение Англии продолжало оставаться предельно напряженным. В 1921 г. развернулся экономический кризис, серьезно поразивший хозяйственную жизнь страны. Количество безработных выросло с 690 тыс. чел. в декабре 1920 г. до 2,2 млн. чел. в июне 1921 г.[3]. Резко сократилось промышленное производство и внешняя торговля. Обострилась классовая борьба. Усиливались левые тенденции в английском рабочем движении. Росло влияние компартии.

Внутри правительственной коалиции шла борьба консерваторов и либералов. Яростную кампанию против правительства Ллойд Джорджа вела пресса Нортклиффа. Против премьера интриговали его собственные министры: Черчилль, Керзон, Биркенхед. В одном из писем, направленном находившемуся во Франции лидеру консерваторов Бонар Лоу, Ллойд Джордж так характеризовал политическую обстановку тех дней: «Кризисы, сменяющие друг друга как тени облаков,— шахтеры, безработица, репарации, Силезия и, как всегда, Ирландия»[4].

---

[1] Kliеman A. S. Foundations of British Policy in the Arab World: the Cairo Conference of 1921. Baltimore, 1970, p. 237.

[2] Вестник НКИД, 1921, № 7—8.

[3] Macfarlane L. J. British politics 1918—1964. L., 1965, p. 12.

[4] Lord Beaverbrook. The Decline and Fall of Lloyd George. N. Y., 1963, p. 264.

Все эти факторы оказывали определенное воздействие на подход правительства Великобритании к решению дальневосточных проблем, которые были тесно связаны с вопросами взаимоотношений с Японией и Соединенными Штатами Америки. Первая мировая война, как отмечалось выше, оказала значительное влияние на положение стран дальневосточного региона. Война содействовала развитию капиталистических отношений в Китае. Выросла местная буржуазия, шел процесс формирования рабочего класса Китая. Все это содействовало развитию освободительного движения и подрывало позиции империализма. Активизировали свою деятельность в Китае американские и японские монополии.

После окончания первой мировой войны значительно изменились внутриимперские отношения: возросла роль британских доминионов в формировании общеимперской политики. Премьер-министры доминионов в 1917 г. вошли в состав вновь созданного имперского военного кабинета. Тогда же было признано, что вопросы внутриимперских отношений будут рассмотрены на специальной имперской конференции после окончания мировой войны. В 1918—1919 гг. Канада неоднократно настаивала в Лондоне на своем праве установить прямые дипломатические отношения с США. На Парижской мирной конференции в 1919 г. доминионы впервые получили право быть самостоятельно представленными на правах малой державы. В состав имперской делегации, кроме Ллойд Джорджа, Бонар Лоу, Бальфура и Барнса, для участия в заседаниях конференции включались поочередно премьер-министры доминионов. Эти изменения политического положения доминионов были связаны с прогрессом в промышленном развитии этих территорий, усилением позиций местной буржуазии.

В решении дальневосточных и тихоокеанских проблем были заинтересованы Австралия, Канада, Новая Зеландия. Без учета мнения правительств этих доминионов английские правящие круги уже не могли определять своей политики в отношении Японии и Соединенных Штатов, хотя, очевидно, и не следует преувеличивать степень влияния властей доминионов на решения правительства Великобритании. В конечном счете, эти решения отражали прежде всего интересы монополистической буржуазии метрополии.

В таких условиях британским правящим кругам пришлось решать проблемы разработки основ своей стратегии и политики на Дальнем Востоке. В течение многих предшествующих лет осью британской дальневосточной политики была опора на Японию, связанную с Англией союзными отношениями. Заключенный в 1902 г. англо-японский союз был вначале направлен против царской России, затем он сыграл определенную роль в антигерманской политике Англии. После

окончания первой мировой войны и разгрома Германии англо-японский союз объективно стал приобретать антиамериканский характер. Союз с Англией сыграл важную роль в развитии внешней политики Японии. Опираясь на союз с Англией, Япония смогла укрепить свои позиции на Дальнем Востоке, что вело к обострению как англо-японских, так и американо-японских отношений и отрицательно сказывалось на взаимоотношениях Англии с Соединенными Штатами Америки.

Период от подписания Версальского мирного договора в июне 1919 г. до начала работы Вашингтонской конференции в ноябре 1921 г. был ознаменован в Англии довольно широким обсуждением проблем, связанных с разработкой основ британской дальневосточной политики. Суть споров и дискуссий в правительственных кругах Великобритании и в доминионах сводилась к выбору — с Америкой или с Японией идти совместно в проведении курса дальневосточной политики. Это обсуждение велось на страницах английской буржуазной прессы, на заседаниях парламента, на проходившей летом 1921 г. имперской конференции. Английская буржуазная пресса, особенно консервативного направления, политические деятели, представители делового мира были едины в стремлении обеспечить сохранение позиций Британии на Дальнем Востоке, сохранить то, что было захвачено в течение многих десятилетий и что теперь подрывалось освободительной борьбой народов Восточной Азии и конкуренцией империалистических соперников. Разногласия проявлялись при определении путей и методов достижения этой главной цели.

На первый план в это время выходит вопрос о судьбе англо-японского союза, срок действия которого истекал летом 1921 г. Британские правящие круги придавали этой проблеме очень важное значение. Опасения в связи с ростом военно-морской мощи Японии и усилением ее экспансии в Китае вызывали стремление улучшить отношения с Соединенными Штатами, найти какую-то альтернативу англо-японскому союзу. Первоначально была сделана попытка ограничить японскую экспансию определенными рамками, приемлемыми для британского империализма. С этой целью в июле 1919 г., вскоре после завершения выработки Версальского мирного договора, в Лондоне по инициативе Керзона состоялись несколько его бесед с японским послом Шинда. Обсуждались вопросы политики держав в Китае. Керзон настаивал на выполнении Японией ее обещания вернуть Шаньдун Китаю. Он возражал против «экономических прав» Японии в Шаньдуне, предлагал «интернационализировать» политику держав в отношении китайских железных дорог, подчеркнув, что новая обстановка, сложившаяся на Дальнем

Востоке, делает «экономический империализм» неприемлемым [5].

Попытки английского правительства ограничить экспансию Японии в Китае путем дипломатического давления не имели успеха. В начале 1920 г. в Форин Оффис приходят к выводу о невозможности возобновления англо-японского союза в его прежней форме. Тогда же английская пресса начинает обсуждать вопрос о созыве конференции держав для выработки соглашения относительно сфер политического влияния на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана [6].

К числу противников возобновления союза с Японией относились прежде всего те круги английской буржуазии, которые были связаны с предпринимательской деятельностью на Дальнем Востоке и которые особенно страдали от японской конкуренции. Торгово-промышленные круги, оперировавшие в Китае, были настроены резко антияпонски. Показательной в этом отношении была петиция, направленная в министерство иностранных дел Англии президентом «Чайна Ассошиэйшн», весьма влиятельной среди британских банкиров и судовладельцев организации, в которой говорилось о сильном недовольстве в Китае англо-японским союзом и необходимости его аннулирования [7]. Корреспондент «Морнинг пост» сообщал из Тяньцзина: «Великобритания, связанная своим союзом с Японией, за последние десять лет была лишена возможности независимо говорить и действовать» [8]. Подобного рода высказывания публиковались многими английскими газетами, особенно выходившими в Китае.

Английская колония в Китае была напугана натиском японского капитала. В 1919 г. в Китае действовало 4878 японских фирм. Из 21 иностранного банка, оперировавших в это время в Китае, шесть банков были японские, а три — английские. Из 25 иностранных радиостанций, имевшихся в стране, три контролировались Англией, а десять — Японией. Япония имела в Китае 39 консульств, Англия — значительно меньше. В 1919 г. импорт Китая из Англии и стран Британской империи (включая Гонконг), составил 274,5 млн. хугуанских таэлей, импорт из Японии (включая Корею) составил 256,3 млн. таэлей [9].

Британские торговые палаты имелись в 19 городах Китая. В 1920 г. на ежегодной конференции Ассоциации британских торговых палат была принята резолюция, требовавшая защиты интересов британских подданных в Китае. В частности, выдвигалось следующее положение: обеспечение в полном

[5] Louis W. R. British strategy..., pp. 26, 30.
[6] Бюллетень НКИД, 1920, № 22.
[7] The Times, 8.VIII.1921.
[8] Morning Post, 17.VIII.1920.
[9] The China Year Book, 1921—1922. Tientsin, 1921, pp. 30, 317—318, 506, 961—967, 1017—1022.

объеме договорных прав британских граждан, проживающих и занимающихся предпринимательской деятельностью в Китае, и противодействие любым попыткам покушения на эти права. Ассоциация британских торговых палат приветствовала образование нового консорциума в Китае и предлагала привлечь к участию в его деятельности представителей китайского капитала, чтобы ослабить критику в его адрес со стороны китайцев [10].

Антияпонские настроения были доминирующими у большинства англичан, проживающих на Дальнем Востоке. Известный философ Бертран Рассел, совершивший в те годы поездку по Дальнему Востоку, в интервью газете «Дейли геральд» саркастически заметил, что встретил на Дальнем Востоке лишь одного англичанина, который выступал за возобновление союза с Японией, да и тот был личным другом премьер-министра Ллойд Джорджа [11]. Английские газеты отмечали, что откровенно агрессивная политика Японии компрометирует ее союзника Великобританию и может вызвать сближение Китая с Соединенными Штатами. Против сохранения англо-японского союза резко выступала Канада, ибо существование этого союза вело к ухудшению англо-американских и канадско-американских отношений. Газета «Глоб», выходившая в Торонто, в декабре 1920 г., опубликовала ряд материалов, направленных против возобновления союза Англии с Японией. В канадском парламенте в марте — апреле 1921 г. неоднократно имели место выступления против этого союза. С апреля 1921 г. канадская пресса развернула широкую кампанию против сохранения англо-японского союза [12].

Более осторожной была позиция дальневосточных доминионов — Австралии и Новой Зеландии. Пресса этих стран была полна антияпонских высказываний. Но руководители правительств Австралии и Новой Зеландии полагали, что Япония, будучи союзником Великобритании, менее опасна, чем Япония, находящаяся вне союза. Из двух зол выбирали меньшее, полагая, что в случае военного конфликта с Японией правительство Великобритании вряд ли сможет оказать реальную помощь своим тихоокеанским доминионам.

Поскольку судьба англо-японского союза во многом определяла широкий комплекс проблем, связанных с взаимоотношениями между Англией и США, политикой Англии в Китае, то решение этого вопроса интересовало наиболее влиятельные круги британского монополистического капитала. Известно, что в составе британской финансовой группы, вошедшей в новый финансовый консорциум в Китае, кроме

[10] Ibid., pp. 971—974.

[11] Daily Herald, 29.VII.1921.

[12] Brebner J. B. Canada, the Anglo-Japanese Alliance and the Washington Conference. — Political Science Quarterly, 1935, March, v. 50, N 1, p. 49.

Гонконг-Шанхайского банка были такие крупнейшие финансовые монополии страны, как банки Ротшильда, Шредера, Бэринга, Вестминстерский. За годы мировой войны и в послевоенные годы сложились и упрочились их тесные связи с американскими банками.

Деловые круги и правительство США недвусмысленно высказывались против сохранения англо-японского союза, видя в нем угрозу американскому влиянию в Восточной Азии и в бассейне Тихого океана. Японо-американские противоречия с каждым годом приобретали все более острый характер. Развертывалась гонка военно-морских вооружений. Ликвидация англо-японского союза становилась задачей номер один для американской дипломатии, которая активно стремилась вмешаться в решение этого вопроса. В апреле 1920 г. заместитель госсекретаря США по дальневосточным делам Д. Макмэррей в специальном меморандуме требовал, чтобы английская сторона дала доказательства, что союз с Японией не направлен против США. Приход к власти в США администрации республиканской партии ужесточил позицию американского правительства в этом вопросе. В начале июня 1921 г. новый государственный секретарь США Юз предупредил английского посла О. Геддеса, что возобновление англо-японского союзного договора будет «гибельным» для взаимоотношений США и Великобритании [13]. 23 июня Юз снова говорил Геддесу, что англо-японский союз является «единственным источником трудностей на Дальнем Востоке» [14].

Таким было мнение не только правительства США. Антибританские настроения были в то время широко распространены среди американской общественности. Резко критиковалась не только политика Англии в отношении Японии, но и позиция ее по ирландскому вопросу, ее европейская политика и т. д. Находившийся в США в конце 1920 г. английский газетный магнат лорд Нортклифф писал редактору «Таймс»: «Вся обстановка Вашингтона и настроение американской прессы характеризуются подозрительностью к Великобритании» [15].

Нортклифф через принадлежавшие ему газеты «Дейли мейл» (выходившую тогда самым большим в Англии тиражом), «Таймс», «Дейли миррор», «Ивнинг ньюс» и др. начал кампанию против возобновления союза с Японией и за сближение с США. В этих целях он использовал и свое немалое личное влияние. В июле 1921 г. Нортклифф отправился в кругосветное путешествие. Первой страной на его пути были

---

[13] Klein I. Whitehall, Washington and the Anglo-Japanese Alliance, 1919—1921. — Pacific Historical Review, v. XLI, N 4, 1972 Nov., p. 468.

[14] FRUS, 1921, v. 2, p. 315.

[15] Pound R., Hamsworth G. Northcliff L., 1959, pp. 779—780.

Соединенные Штаты. По указанию Керзона, являвшегося объектом постоянных нападок со стороны «Таймс» и других газет Нортклиффа, английские официальные представители в Вашингтоне бойкотировали визит британского газетного короля. Тем не менее, Нортклифф был принят президентом США Гардингом.

Сопровождавший Нортклиффа в поездке по США главный редактор «Таймс» Г. Стид беседовал с государственным секретарем Юзом и японским послом в США Сидехарой. Последнего он убеждал в необходимости трансформации англо-японского союза в более широкое соглашение с участием США. Вернувшись во второй половине сентября 1921 г. в Лондон, Г. Стид информировал о своих беседах в США адмиралтейство, Форин Оффис и Бальфура, которого предполагалось назначить главой английской делегации на конференции по разоружению и дальневосточным делам в Вашингтоне. По мнению Стида, выраженном им в конфиденциальном меморандуме, «Япония должна знать, что агрессия с ее стороны может заставить все говорящие по-английски нации объединиться против нее»[16].

Из США и Канады Нортклифф направился в Австралию и Новую Зеландию. Его приветствовали премьер-министры обоих доминионов, с которыми он обсуждал вопросы дальневосточной политики. Антияпонские выступления были характерны для его речей и бесед в этих странах. Выступая в Мельбурне, он говорил, упрекая австралийцев: «Я изумлен вашим безразличием к событиям в мире, и особенно в Азии»[17]. Посетив по дороге Борнео, Филиппины и Гонконг, Нортклифф в октябре 1921 г. прибыл в Японию. Во время его визита в Токио террористами был убит японский премьер-министр Хара. Опасались за жизнь Нортклиффа из-за его антияпонских высказываний. После Японии Нортклифф посетил Корею и Китай. Обстановка в Пекине понравилась британскому газетному магнату. Он писал, что этот город для него — «первое место, где он встретил англичан и американцев, которые не стремились уехать домой»[18]. Затем последовало посещение Индии, Цейлона и Ближнего Востока.

Поездка на Дальний Восток еще более укрепила антияпонские настроения Нортклиффа. 16 ноября 1921 г. он направил указание главному редактору «Таймс», чтобы газета выступала за немедленное прекращение действия англо-японского союзного договора и способствовала установлению англо-американского единства[19]. В соответствии с этими указаниями Г. Стид «подготавливал» корреспонденции из

[16] Steed H. W. Through thirty years 1892—1922. L., 1925, v. 2, p. 371.
[17] Pound R., Harmsworth G. Op. cit., p. 809.
[18] Ibid., p. 815.
[19] Ibidem.

Вашингтона, где к этому времени начала свою работу Вашингтонская конференция, а также редакционные статьи, появлявшиеся на страницах газеты.

В Англии широко высказывалось мнение, что прекращение союза с Японией улучшит не только отношения с Америкой, но и с Китаем. Прогрессирующее падение английского престижа в Китае в связи с постоянной поддержкой агрессивных действий Японии начинало вызывать серьезное беспокойство. Журнал «Эйшиэтик ревью» подчеркивал: «Англо-китайские отношения не могут больше приноситься в жертву на алтарь англо-японского союза»[20]. Нужно было отмежеваться от действий японцев в Китае, представить Англию как страну, проводящую благожелательную в отношении Китая политику.

Стремление к сохранению и укреплению позиций в Китае за счет ослабления там японского влияния довольно отчетливо выражалось в большой статье под заглавием «Китай и Запад», опубликованной в январском номере влиятельного консервативного журнала за 1921 г. В этой статье подчеркивалось, что главная опасность для Китая — это Япония с ее агрессивной политикой. Будущий характер отношений между Китаем и Западом зависит от того, получит ли первый помощь и руководство со стороны западных стран. Запад должен «помочь» Китаю избавиться от японского засилья и стать «современным» государством. Для этого предлагалось ликвидировать иностранные экстерриториальные права в Китае, назначить по рекомендации Лиги наций опытных иностранных советников для контроля над китайскими финансами, армией и полицией, а также для участия в рассмотрении дел иностранцев в китайских судах. Иностранные советники должны были осуществлять верховный контроль над получением и расходованием Китаем иностранных займов. При этом автор статьи прямо ссылался на деятельность Роберта Харта, который несколько десятков лет возглавлял китайские морские таможни, обеспечивая проникновение британского капитала в Китай. Ввиду слабости центрального правительства Китая автор статьи предлагал назначать иностранных советников непосредственно во все китайские провинции. Провинциальные власти и иностранные советники должны были бы обеспечивать полную свободу для размещения иностранных займов, если они будут необходимы и будут обеспечены соответствующей гарантией[21]. Как видно, предлагаемая программа действий предусматривала сохранение полуколониального положения Китая с заменой японского влияния на «западное».

---

[20] The Asiatic Review, 1921, July, p. 383.

[21] The Nineteenth Century and After, 1921, January, pp. 66—68.

Говоря о противниках продолжения союза с Японией в Англии, следует упомянуть, что к их числу относились и многие видные английские дипломаты, особенно служившие на Дальнем Востоке. Бывший посол Англии в Японии Грин, посланники в Китае Джордан и, затем, Олстон были убежденными противниками этого союза. Посол в США Геддес в апреле 1920 г. предупреждал Керзона, что отказ от ликвидации англо-японского союза стимулирует антибританские настроения в США[22]. В Форин Оффис была сформулирована идея разработки трехстороннего соглашения (Англия — США — Япония), которое бы заменило англо-японский союз. 28 февраля 1920 г. Форин Оффис подготовило меморандум «О влиянии союза с Японией на внешние отношения». В нем, в частности, отмечалось, что «...определенное трехстороннее взаимопонимание на Дальнем Востоке, к которому Франция также могла подключиться, было бы наилучшим выходом...»[23].

Однако значительным влиянием в Великобритании продолжали пользоваться и сторонники сохранения союза с Японией. Это были некоторые группировки финансовой олигархии, верхушка консервативной партии, та часть делового мира Англии и Британской империи, которая непосредственно не затрагивалась японской конкуренцией. Обосновывая идею сохранения англо-японского союза, его сторонники подчеркивали, что Япония в течение двадцати лет была «верным» союзником Англии, защищая ее интересы на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана. Отмечалось при этом, что Япония «вне союза» будет опаснее для Англии и доминионов. Указывалось на возможность сближения Японии с Францией или Германией, если англо-японский союз прекратит свое существование. Сторонники сохранения англо-японского союза явно рассчитывали на использование Японии в борьбе против национально-освободительного движения и против Советской России.

Англия, как известно, была первой из числа крупных держав, ставших на путь установления отношений с Советской страной. Англо-советские переговоры о заключении торгового договора начались 31 мая 1920 г. Но только в середине ноября того же года правящими кругами Англии было принято решение довести до конца переговоры с Л. Б. Красиным. Торговое соглашение между РСФСР и Великобританией было подписано 16 марта 1921 г., оно означало фактическое признание Советского правительства. Это привело к тому, что весной и летом 1921 г. в Англии реакционными кругами вновь была поднята волна антисоветской

---

[22] Klein I. Op. cit., p. 470.
[23] Ibid., p. 474.

пропаганды. В буржуазных газетах выдвигалось требование разрыва торгового соглашения с Советской Россией.

В этих условиях твердолобые консерваторы считали полезными для себя действия японской военщины на советском Дальнем Востоке. В Англии разрабатывались планы переброски войск Врангеля на советскую территорию на Дальнем Востоке. Британская разведывательная служба считала наиболее предпочтительным вариант вторжения в Восточную Сибирь по сравнению с другими вариантами войны против Советской России[24]. В связи с меркуловским переворотом во Владивостоке в мае 1921 г. консервативная «Морнинг пост» писала об «укреплении японского барьера против большевизма»[25].

Позиция коалиционного правительства Ллойд Джорджа в отношении сохранения союза с Японией в 1920—1921 гг. была колеблющейся[26]. В составе кабинета были и сторонники, и противники этого союза. К числу первых относились Керзон, Черчилль, Бальфур, О. Чемберлен. Для Керзона союз с Японией был важен прежде всего с точки зрения «баланса сил» в Азии, как противовес Советской России. Аналогичным был подход и других министров-консерваторов. Наиболее последовательным противником сохранения англо-японского союза в составе правительства был морской министр лорд Ли. Разногласия и колебания, характерные для правительственных кругов Лондона по этой проблеме, объяснялись ее сложностью и неизбежностью далеко идущих последствий принятия того или иного решения. Приходилось учитывать не только проблемы борьбы против Советской России или безопасности Австралии и Новой Зеландии, но и проблемы Индии, Бирмы, Сингапура, Гонконга, Малайи, британской Новой Гвинеи. Британским руководителям было очевидно, что за вопросом о продлении или прекращении действия англо-японского союза стоит более важная проблема ориентации всей дальневосточной политики Британской империи.

Британским министерством иностранных дел был создан специальный комитет, который занимался изучением вопроса о целесообразности сохранения союза с Японией. В его состав входили В. Тиррелл, помощник заместителя министра иностранных дел; К. Грин, бывший посол в Японии; Дж. Джордан, бывший посланник в Китае; В. Уэллесли, глава дальневосточного отдела Форин Оффис. В конце января 1921 г. этим комитетом экспертов был представлен доклад, в котором давался ответ на два вопроса: 1) должен ли

[24] Daily Herald, 1921, 6.VI.

[25] Morning Post, 1921, 9.VII.

[26] См.: Навлицкая Г. Б. Расторжение англо-японского союза и договор четырех держав (1921 г.). Краткие сообщения Института народов Азии, т. 64, М., 1963.

возобновляться союз с Японией, если да, то на каких условиях? и 2) какой политики должно придерживаться правительство на Дальнем Востоке в будущем?

Составители доклада подчеркивали, что, разрабатывая свои рекомендации, они исходили из основных принципов британской дальневосточной политики. К их числу они относили следующее: поддержание мира, безопасности британских владений и интересов в этой части мира, сохранение независимости и целостности Китая, равные возможности для всех в торговле и коммерции. Отмечалось также, что были рассмотрены отношения Великобритании с Соединенными Штатами «в той степени, в какой они могут быть затронуты нашей политикой на Дальнем Востоке». По мнению составителей доклада, наиболее важной проблемой положения на Дальнем Востоке была политика Японии в отношении Китая.

Характеризуя положение Китая и Японии, их взаимоотношения, они писали, что Китай — скорее континент, чем страна, с огромными природными ресурсами, которые прельщают более обделенное соседнее государство — Японию. Слабое развитие путей сообщения, традиционное тяготение к независимости провинций — все это обусловливает постоянное бессилие центрального правительства Китая. «Потенциально сильный, но политически слабый Китай, по нашему мнению, если не получит иностранной помощи, будет оставаться величайшим соблазном для японской захватнической политики». Что касается Японии, то авторы доклада отмечали общие черты в ее развитии с развитием Германской империи. «Поэтому мы не удивлены, обнаружив, что японцы проявляют такие же агрессивные тенденции на Дальнем Востоке, как немцы накануне мировой войны». Экспансионизм японской дальневосточной политики, по их мнению, определялся экономическими обстоятельствами — индустриальным развитием государства с бедными природными ресурсами и быстрорастущим населением. Отметив основные этапы экспансионистской политики Японии в Китае, авторы доклада заключали: «...японские амбиции идут дальше и нацелены на гегемонию на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана».

Из всего этого английские дипломаты делали вывод о том, что проводимый Японией внешнеполитический курс находится в противоречии с «принципами» британской дальневосточной политики. Отвечая на предположение, что отказ от англо-японского союза устранит всякие ограничения на пути японской экспансии, авторы отмечали, что этот союз никогда не был эффективным тормозом японской захватнической политики. В докладе выражалось опасение, что возобновление союза Англии с Японией может вызвать взрыв недовольства со стороны китайского народа. Недавние события показали, каким грозным оружием является бойкот японской торговли.

«Наше преобладающее положение в Китае основано на торговле и поэтому что-либо подобное бойкоту британских товаров повлечет за собой серьезнейшие последствия для британских интересов на Дальнем Востоке и принесет выгоду только нашим конкурентам в торговле».

Переходя к конкретным рекомендациям, авторы доклада отмечали огромную важность того или иного решения вопроса о судьбе англо-японского союза и констатировали: «Если кардинальным принципом нашей внешней политики в будущем явится сохранение теснейших отношений с Соединенными Штатами и обеспечение их сердечного сотрудничества в поддержании мира в любой части света, то возобновление союза с Японией в его нынешнем виде может создать непреодолимое препятствие в реализации этой цели». В конечном итоге давалась рекомендация взамен англо-японского союза создать трехстороннюю «антанту» в составе Англии, США и Японии, что, по мнению экспертов—авторов доклада, могло получить воплощение в декларации об общих принципах политики этих держав. Для того, чтобы подобные принципы могли быть осуществлены, «мы должны полагаться на теснейшее сотрудничество с США, именно с США, а не с Японией», поскольку «англо-американские отношения составляют главенствующий фактор», с точки зрения мировой политики. Если же в силу каких-то обстоятельств не удастся достигнуть соглашения с Японией при участии Америки, то в качестве альтернативы необходимо заключить соглашение только с Японией, но сформулированное так, чтобы не исключить «эвентуальное участие в нем Соединенных Штатов Америки»[27].

Идея создания тройственного пакта взамен существовавшего англо-японского союза, рекомендованная экспертами Форин Оффис, получила поддержку и в доминионах. Боясь открыто рвать с Японией, правительства доминионов надеялись использовать мощь США для своей защиты. В декабре 1920 г. премьер-министр Австралии Юз говорил, что австралийцам нужно не просто возобновление союза с Японией как вынужденной меры против возможной японской агрессии, но возобновление его в такой форме, которая будет «приемлема для Британии, для Америки, для Японии и для нас самих»[28]. Аналогичные мнения высказывались правительствами и прессой Канады и Новой Зеландии.

Правительство Великобритании, не предрешая пока вопроса окончательно, решило провести определенный зондаж в этом направлении. В апреле 1921 г. имели место переговоры первого лорда адмиралтейства лорда Ли с А. Оксом, из-

[27] DBFP, I series, v. XIV, pp. 222—227.

[28] Vinson J. Ch. The Imperial conference and the Anglo-Japanese Alliance. — Pacific Historical Review, v. XXXI, N 3, 1962 Aug., p. 258.

дателем «Нью-Йорк таймс» и доверенным лицом президента Гардинга. Оба затем встретились с премьер-министром Ллойд Джорджем. В ходе этих бесед английские государственные деятели подтвердили свою готовность к взаимопониманию с США на основе паритета британского и американского флотов [29].

В конце мая 1921 г. глава пресс-отдела Форин Оффис У. Уилерт информировал госдепартамент о планах включения Соединенных Штатов в дипломатическую комбинацию совместно с Англией и Японией. Но за океаном эта идея в то время была встречена «холодно» [30].

Тем не менее в создавшихся условиях, когда все более очевидной становилась необходимость пересмотра некоторых аспектов британской политики на Дальнем Востоке, правящие круги Великобритании все более склоняются к мысли использовать США как противовес Японии. В этих целях возникла идея созвать международную конференцию, посвященную обсуждению проблем Дальнего Востока. Идея эта имела британское происхождение. Но в это же время в США пришедшее к власти республиканское правительство президента Гардинга выступило с инициативой проведения международной конференции под лозунгом борьбы за сокращение морских вооружений. Американский империализм связывал с подобной конференцией далеко идущие планы реванша за неудачи, которые потерпел президент Вильсон на Парижской мирной конференции.

Имперская конференция 1921 г.

Важной вехой в разработке основной стратегической линии британской дальневосточной политики стала имперская конференция, заседавшая с 20 июня по 5 августа 1921 г. в Лондоне. Здесь открыто и непосредственно столкнулись сторонники и противники сохранения союза с Японией. На заседаниях конференции, где были представлены премьер-министры доминионов и члены британского кабинета, и вокруг нее развернулась острая политическая борьба, которая во многом определила позицию Великобритании на последовавшей затем Вашингтонской конференции.

Накануне имперской конференции, 30 мая 1921 г., на заседании британского кабинета состоялось обсуждение вопроса о возможности продления англо-японского союза. На этом заседании министр иностранных дел Керзон изложил аргументы «за» и «против» возобновления союза с Япо-

[29] Northedge F. S. The Troubled Giant. Britain among the great powers 1916—1939. L., 1966, p. 279.
[30] Vinson V. Ch. Op. cit., p. 260.

нией. По его мнению, против сохранения союза Англии и Японии были следующие факторы: исчезла основная причина, вызвавшая к жизни этот союз — быть противовесом России; союз с Японией вызывает раздражение в США; сохранение англо-японского союза ведет к ухудшению отношений Англии с Китаем; поощряется японская агрессивная политика, которой Англия ради собственных интересов должна противодействовать.

За сохранение англо-японского союза, как считал Керзон, было следующее: это союз за долгие годы своего действия доказал свою полезность для Великобритании; он может служить гарантией против возможного сближения политики Германии и России на Дальнем Востоке; сохранение союза дает возможность оказывать некоторое влияние на японскую внешнюю политику; благодаря наличию англо-японского союза Великобритания освобождена от необходимости строительства больших морских и военных баз на Дальнем Востоке; важное значение имеет и то, что Япония стремится к возобновлению союза с Англией и крайне в этом заинтересована [31].

Министр иностранных дел Англии отклонил рекомендации комитета экспертов своего ведомства, посчитав их неубедительными. По мнению Керзона, англо-японский союз должен быть возобновлен в модифицированной форме и на более краткий срок, 4—5 лет. США и Китай должны быть информированы о том, что союз не направлен против них. Керзон считал маловероятным участие США в союзе вместе с Англией и Японией, но не исключал возможности этого в последующем.

При обсуждении этого вопроса министр колоний Черчилль высказался за проведение конференции по дальневосточным вопросам и за выработку трехстороннего соглашения. По его словам, англо-японский союз следовало возобновить, но как временную меру. Бальфур поддержал предложение о продлении англо-японского союза, хотя и подчеркивал, что главная проблема Дальнего Востока — это Китай. Премьер-министр Ллойд Джордж поддержал идею созыва тихоокеанской конференции, предварительно поставив в известность Японию, что на этой конференции Англия будет рассматривать ее как своего союзника. С этим согласились остальные участники заседания. Кроме того, было решено сократить срок действия возобновленного англо-японского союза с десяти лет на более короткий срок и изменить его условия так, чтобы они не противоречили уставу Лиги наций и не раздражали американцев. Для этого следовало провести предварительные переговоры с США и Китаем [32].

[31] Nish I. Op. cit., pp. 328—329.
[32] Nish I. Op. cit., p. 330; Klein I. Op. cit., pp. 475—476.

Эта программа действий, намеченная британским кабинетом, не устраивала ни США, выступавшие за полную ликвидацию англо-японского союза, ни Японию, для которой этот союз был нужен для противоборства с Соединенными Штатами Америки.

20 июня 1921 г. открылась имперская конференция. В своей вступительной речи Ллойд Джордж говорил, имея в виду выдвигавшиеся правительством США проекты сокращения морских вооружений: «Мы не можем забывать, что само существование Соединенного королевства и Империи невозможны без морской мощи»[33]. Он говорил о необходимости сотрудничества с США и о том, что расовому разделению нет места в международных отношениях. Затем с обзором международных событий выступил Керзон. В его выступлении, а также в речах Черчилля, Бальфура, О. Чемберлена, Биркенхеда давалась высокая оценка англо-японскому союзу, говорилось о необходимости сохранения хороших отношений с Японией.

Проблемы политики на Дальнем Востоке и прежде всего отношений с Японией стали основными на имперской конференции 1921 г. В их обсуждении впервые широкое участие принимали представители британских доминионов. 28 июня на заседании выступил Керзон с анализом истории англо-японского союза. Он отметил, что в тексте англо-японского договора, заключенного 13 июля 1911 г., имеется специальная статья, которая исключает возможность вовлечения Англии в войну против США. Анализируя аргументы за и против продолжения союза с Японией, министр иностранных дел поставил дилемму — безопасность и расовые отношения. Если Англия продолжит союзные отношения с Японией, то это вызовет негативную реакцию в США и приведет к гонке морских вооружений, чреватой опасными последствиями для безопасности Британии и ее экономики. Но если англо-японский союз будет ликвидирован, то будет нарушен прогресс в межрасовых отношениях[34].

Керзон видел три возможных варианта решения проблемы: 1) возобновление англо-японского союза, но в модифицированной форме, с приведением союзного договора в соответствие с уставом Лиги наций; 2) превращение англо-японского союза в тройственное соглашение с участием США (что Керзон считал маловероятным из-за позиции американского сената); 3) возобновление англо-японского союза после консультаций с США и Китаем и, вероятно, после конференции тихоокеанских держав[35]. В любом случае, под-

---

[33] The Times, 21.VI.1921.
[34] Louis W. British strategy in the Far East, p. 60.
[35] Ibid., p. 61.

черкивал Керзон, разрыв с Японией был бы опасен для Великобритании и доминионов.

Бальфур в целом поддержал выступление Керзона. Он говорил: «Америка постоянно переводит корабли на Тихий океан... Если мы не будем иметь Японию на своей стороне, то через несколько лет будем второстепенной или третьестепенной державой на Тихом океане». Бальфур утверждал, что до создания мощной военно-морской базы в Сингапуре британский флот на Тихом океане вообще будет бесполезен, ибо он не имеет базы снабжения и свободы маневрирования. Он же говорил и о том, как совместить англо-японский союз с принципами Лиги наций. Статья 21 устава Лиги наций подтверждала возможность существования таких региональных соглашений, как доктрина Монро. Бальфур и предлагал, чтобы англо-японский союз был трансформирован в тихоокеанскую доктрину Монро, возможно, с участием Соединенных Штатов Америки.

В первые дни работы имперской конференции все выступавшие поддерживали идею сохранения союза Англии с Японией. В Лондоне собрались те же люди, которые два года назад участвовали в разработке Версальского мирного договора, — Ллойд Джордж, Керзон, Бальфур, Черчилль, Смэтс, Юз, Массей. Единственным новым лицом в этом кругу был премьер-министр Канады Мейген. Премьер-министр Австралии и премьер-министр Новой Зеландии считали, что союзный договор с Японией дает возможность воздействовать на японскую внешнюю политику в благоприятном для британских интересов направлении. Правда, в Австралии и Новой Зеландии были приняты законы против японской иммиграции. Идея «белой» Австралии была официальной доктриной правительства этой страны. Но правящие круги этих доминионов считали, что лучше иметь Японию союзником, чем открытым противником. Страх перед растущей мощью Японии, ее усиливавшейся агрессивностью толкал правительства Австралии и Новой Зеландии к сохранению англо-японского союза.

Однако диссонансом прозвучало выступление канадского премьер-министра Мейгена, который резко выступил против сохранения союза с Японией. Он говорил, что основания для существования этого союза отошли в прошлое, что англо-японский союз противоречит уставу Лиги наций и, главное, что США и Китай будут рассматривать возобновление союза Англии с Японией как явно враждебный акт. По мнению канадского премьер-министра, хорошие отношения с Соединенными Штатами являются краеугольным камнем внешней политики Британской империи. Мейген повторил свое предложение, высказанное еще в феврале 1921 г. о созыве кон-

ференции по тихоокеанским проблемам с участием США, Японии, Китая и Британской империи[36].

Выступление Мейгена получило поддержку представителя Южно-Африканского Союза Смэтса и некоторых членов английского правительства. Подобный подход к решению проблемы англо-японских отношений поддерживался значительной частью буржуазной прессы Англии. В редакционной статье «Таймс» подчеркивалось, что единственный путь для Англии — это соглашение с Америкой и Японией об ограничении морских вооружений и будущем Тихого океана[37]. Через несколько дней та же газета писала, что идея замены англо-японского союза соглашением об ограничении вооружений на Тихом океане между США, Великобританией и Японией «находит растущую поддержку в Америке, Англии и британских доминионах»[38].

Позиция, занятая правительствами ряда доминионов, сыграла в дальнейшем определенную роль в принятии английскими правящими кругами решения отказаться от сохранения англо-японского союзного договора. Однако не следует преувеличивать, как это иногда делают буржуазные историки, степень разногласий между участниками имперской конференции 1921 г. по вопросу о союзе с Японией. Не следует также преувеличивать и степень влияния доминионов на выработку правительством Великобритании внешнеполитических решений.

Выступление канадского премьера вызвало среди участников конференции оживленные споры. Против него выступил премьер-министр Австралии Юз. Мнение Юза сводилось к тому, чтобы возобновить союз с Японией и не позволять Соединенным Штатам диктовать свои условия странам Британской империи. Юз и вслед за ним Массей, ссылаясь на географическое положение своих стран, требовали сохранять союзнические отношения с Японией.

Выявившееся расхождение в мнениях среди участников имперской конференции привело к тому, что 30 июня Ллойд Джордж созвал специальное заседание правительства, на котором было принято решение выступить с инициативой «всесторонних и откровенных» переговоров с США и Японией для достижения соглашения «удовлетворяющего» все стороны[39]. В тот же день, выступая на заседании имперской конференции, Ллойд Джордж говорил, что не следует «отталкивать Японию», так как в качестве союзника ее легче будет держать под контролем. Британский премьер выражал опасения, что разрыв англо-японского союза поведет к уста-

[36] Brebner J. Op. cit., p. 53.
[37] The Times, 23.VI.1921.
[38] The Times, 11.VII.1921.
[39] Nish I. Op. cit., p. 336.

новлению американского господства в Восточной Азии. При этом он заметил: «...мы не должны позволить Китаю остаться полностью на попечении Америки. Давайте не позволим Соединенным Штатам создать впечатление в Китае, будто они его единственные друзья»[40].

Затем выступил лорд-канцлер Биркенхед, который сообщил, что, по мнению юристов, обращение Англии и Японии в Лигу наций по вопросу о союзе, сделанное в прошлом году, не означает денонсации этого союза. Дебаты на имперской конференции по вопросу о союзе с Японией были приостановлены по просьбе Керзона на несколько дней, необходимых ему, чтобы связатся с заинтересованными странами.

Японское правительство, крайне заинтересованное в продлении союза с Англией, с беспокойством следило за тем, что происходило в Лондоне. Когда в начале июля стало известно, что большинство участников конференции высказывается за сохранение англо-японского союза, министр иностранных дел Утида записал в своем дневнике: «Британия наконец-то вернулась к нашему образу мыслей»[41].

В конечном счете, имперская конференция поддержала идею созыва международной конференции по дальневосточным и тихоокеанским проблемам. Излагая содержание принятого решения, Керзон сообщал Элиоту, британскому послу в Токио, следующее: имперская конференция одобрила «предложение о проведении конференции основных заинтересованных держав по тихоокеанскому вопросу с тем, чтобы достичь согласованного решения. Наша идея состоит в том, чтобы предложить американскому правительству созвать в ближайшем будущем международную конференцию, возможно, в Америке или в другом месте, на который были бы представлены США, Япония, Великобритания, Китай и непосредственно заинтересованные британские доминионы»[42].

Японский посол был первым из представителей держав, кого 4 июля информировал Керзон об этом решении имперской конференции. На следующий день, 5 июля, состоялась беседа Керзона с американским послом, во время которой британский министр предложил, чтобы инициатива созыва конференции по тихоокеанским проблемам исходила от президента США[43]. Правда, как пишет английский историк Я. Ниш, в правительственных кругах Лондона очень беспокоились, чтобы не отдать в руки американцев реальный контроль над подготовкой и проведением конференции по тихоокеанским делам[44]. Так, очевидно, и было. Но, не желая

---

[40] Louis W. British strategy in the Far East, pp. 73, 76.
[41] Nish I. Op. cit., p. 340.
[42] DBFP, I series, v. XIV, p. 332. Керзон—Элиоту, 1921, 8 июля.
[43] FRUS, 1921, v. I, p. 19.
[44] Nish I. Op. cit., p. 343.

раздражать США, учитывая их намерение созвать конференцию по сокращению морских вооружений, англичане сделали этот формальный жест. Ставка делалась на то, что в ходе практической подготовки и проведении подобной конференции британской дипломатии удастся сохранить ведущую роль в своих руках.

В этих английских предложениях, относящихся к началу июля 1921 г., обращает на себя внимание несколько обстоятельств. Прежде всего, намечаемый состав участников конференции обеспечивал большинство за англо-японским блоком. США, в лучшем случае, могли рассчитывать только на Китай. Наконец, проведение данной конференции предполагалось отдельно от конференции по ограничению вооружений, которую готовили американцы. Об этом прямо писал Керзон в конфеденциальном меморандуме от 24 июля 1921 г.: «...мы не имели в виду соединение такой конференции с конференцией по более широкой проблеме разоружения»[45].

Первая половина июля 1921 г. была ознаменована оживленным обменом мнениям между Лондоном и Вашингтоном. Эта дипломатическая переписка свидетельствует о наличии серьезных разногласий, которые имелись относительно характера предстоящей конференции и условий ее проведения. 9 июля государственный секретарь США Юз довел до сведения английского кабинета, что тихоокеанские и дальневосточные проблемы могли быть обсуждены в рамках конференции по сокращению вооружений, проведение которой намечалось в Вашингтоне[46].

11 июля 1921 г. было опубликовано официальное приглашение президента США Гардинга ряду держав участвовать в конференции по разоружению. В нем говорилось, что вопрос ограничения вооружений тесно связан с тихоокеанскими и дальневосточными проблемами. Английское правительство сразу же заявило о принятии этого приглашения.

11 июля, выступая в палате общин, Ллойд Джордж заявил, что в соответствии с условиями англо-японский союзный договор может быть денонсирован лишь через двенадцать месяцев после того, как одна из сторон сделает заявление об этом[47]. Таким образом, несмотря на истечение 13 июля 1921 г. 10-летнего срока действия этого договора, правительство Англии от него не отказывалось. На данном этапе верх одержали сторонники сохранения англо-японского союза.

Разногласия между правительствами Великобритании и США проявились прежде всего по вопросу организации конференции и составе ее участников. Как отмечал Керзон, британское правительство считало, что обсуждение тихоокеан-

[45] DBFP, I series, v. XIV, p. 345.
[46] FRUS, 1921, v. I, p. 23.
[47] The Times, 12 VII 1921.

ских и дальневосточных вопросов «является совершенно необходимой прелюдией к конференции по разоружению, и если оно не состоится или если оно не завершится принятием определенных решений, то сама конференция по разоружению будет обречена на неудачу»[48]. Поэтому 11 июля в беседе с американским послом британский министр иностранных дел предлагал в первую очередь организовать конференцию по тихоокеанским и дальневосточным делам, а лишь затем и отдельно провести вторую конференцию, посвященную ограничению вооружений. Английское правительство при этом предлагало провести конференцию по тихоокеанским и дальневосточным вопросам в Лондоне и не позднее 15 августа 1921 г. При этом Керзон ссылался на присутствие в Лондоне на имперской конференции премьер-министров доминионов. Конференция же по вопросам сокращения вооружений могла иметь место в Вашингтоне, как и предлагало правительство Соединенных Штатов[49].

Английские правящие круги на этом этапе подготовки конференции хотели добиться выделения интересующих их прежде всего вопросов, относящихся к положению на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана, и провести их обсуждение в Лондоне, обеспечив с помощью доминионов и заинтересованной в союзе с Англией Японии угодный им характер принятых на этой конференции решений. Великобритания хотела сохранить за собой преобладающее влияние при решении именно этих вопросов, непосредственно затрагивавших ее жизненные интересы. По проблемам сокращения вооружений, где, по мнению английской дипломатии, вряд ли можно было прийти к кардинальным решениям, инициативу можно было уступить Соединенным Штатам.

В этих целях Форин Оффис начинает маневрировать. Как объяснял потом Керзон, правительство Англии «поняло» американское приглашение от 11 июля следующим образом: 1) что конференция по разоружению должна состояться в Вашингтоне с участием союзных и ассоциированных держав; 2) что этой конференции по разоружению должна предшествовать тихоокеанская конференция с участием США, Японии, Китая и Британской империи; 3) что эти конференции должны состояться в различное время и в разных местах, но тихоокеанская конференция должна состояться первой[50].

Подобное толкование американского предложения, конечно, не соответствовало действительности, но было в интересах Англии. В Лондоне прекрасно понимали, что американские правящие круги намереваются использовать созывае-

[48] DBFP, 1 series, v. XIV, p. 346. Меморандум Керзона от 24 июля 1921 г.
[49] FRUS, 1921, v. 1, p. 26.
[50] DBFP, 1 series, v. XIV, p. 370.

мую конференцию для укрепления международных позиций США и пытались не допустить этого. Правительство США ясно и решительно выступило против английского предложения. 13 июля государственный секретарь Юз сообщил в Лондон, что американское правительство считает невозможным созыв конференции до 15 августа 1921 г. Отклонялся и Лондон как место проведения конференции по дальневосточным вопросам. Государственный секретарь ссылался при этом на американское общественное мнение, которое якобы может увидеть в этом забвение первоочередности проблем сокращения вооружений. Юз также считал, что Лондон не может стать местом проведения конференции из-за союзнических отношений, существовавших между Англией и Японией. Государственный секретарь подчеркивал, что конференция должна состояться в Вашингтоне, хотя дальневосточные проблемы могли бы стоять на первом месте в повестке ее заседаний [51].

Британское правительство считало, что его подход к организации конференции по дальневосточным и тихоокеанским вопросам получит поддержку в Токио. Но согласованной позиции выработать не удалось. В ответе Японии на предложение США, объявленном 13 июля 1921 г., говорилось, что японское правительство принимает предложение президента Гарнинга об участии в конференции по разоружению, но не может пока выразить своего отношения к вопросу о тихоокеанской конференции [52]. 15 июля в Лондоне японский посол Хаяси обстоятельно обсуждал с Керзоном сложившуюся ситуацию. В Вашингтоне 17 июля Юз уверял японского посла Сидехару, что Соединенные Штаты на этой конференции будут беспристрастными в споре между Китаем и Японией. 26 июля 1921 г. японское правительство согласилось принять участие в обсуждении дальневосточных проблем на международной конференции. Я. Ниш отмечал, что Англия и Япония, принимая американское приглашение на конференцию в Вашингтоне, не проконсультировались между собой[53]. Английское предложение о проведении предварительной конференции в Лондоне было Японией игнорировано.

Выступая на имперской конференции 26 июля, Ллойд Джордж с раздражением говорил: «Положение испорчено японцами полностью из-за недостатка взаимопонимания между нами... Когда мы действовали совместно с японцами, мы были в состоянии настаивать на вещах, которые наилучшим образом устраивали нас... Но мы больше не можем сражаться за две конференции» [54]. Вину за неудачу дипло-

[51] FRUS, 1921, v. I, pp. 26—28
[52] Nish I. Op. cit., p. 345.
[53] Ibid., p. 346.
[54] Ibid., p. 347.

матической акции, предпринятой Великобританией, премьер-министр возлагал на Японию, но вопреки его утверждению, английская дипломатия продолжала борьбу за наиболее благоприятные условия проведения дальневосточной конференции. Но при этом Англия уже не могла практически опираться на поддержку Японии. Как писал Я. Ниш, «японцы потеряли доверие к Британии и полагали, что наилучшим для них было достичь прямой договоренности с Юзом, если необходимо, то за спиной Британии»[55]. Англо-японский союз, хотя и было объявлено о его формальном продолжении, дал серьезную трещину.

Выдвигая предложение о созыве международной конференции, правительство США всячески подчеркивало приоритет проблем сокращения вооружений над дальневосточными и иными проблемами. В данном случае американская дипломатия рассчитывала воздействовать на другие державы и в определенной степени претендовать на роль руководителя. Это отнюдь не означало отсутствие заинтересованности у правящих кругов США в пересмотре положения, сложившегося на Дальнем Востоке. Проблемы Дальнего Востока и Тихого океана имели для Соединенных Штатов первостепенное значение. 13 июля 1921 г. в письме американскому послу в Лондоне Харви государственный секретарь Юз следующим образом объяснял позицию своего правительства: «Наша точка зрения сводится к тому, что в дополнение к сокращению вооружений конференция должна обсудить все тихоокеанские и дальневосточные проблемы, имеющие международное значение, например, такие, как политика «открытых дверей», равенство торговых возможностей, целостность Китая, целостность России и практическая реализация этих принципов, а также статус бывших германских владений на Тихом океане, кабельная связь и радиосвязь, торговля наркотиками и другие международные проблемы Дальнего Востока»[56]. Таким образом, цели американского империализма, как они формулировались здесь Юзом, были достаточно широкими. США намечали пересмотр политики держав в Китае, решений Парижской мирной конференции относительно германских островных владений на Тихом океане, обсуждение японской интервенции на советском Дальнем Востоке и т. д.

Это прекрасно понимали в Лондоне. Выступая на заседании имперской конференции 26 июля, Керзон говорил: «Америка питает громадный интерес к Китаю. Она желает освободить его от «опасных объятий» Японии, но не в инте-

[55] Ibid., p. 348.
[56] FRUS, 1921, v. 1, p. 32.

ресах самого Китая, а для того, чтобы получить для себя в будущем определенные торговые и иные выгоды»[57].

Свою дипломатическую активность по подготовке наиболее благоприятных условий для обсуждения дальневосточных проблем британское руководство подкрепляло энергичной кампанией в прессе. Газеты Великобритании и доминионов дружно отстаивали идею проведения предварительной дальневосточной конференции наиболее заинтересованных держав. «Таймс» в редакционной статье от 21 июля подчеркивала, что естественным и обоснованным является желание премьер-министров доминионов провести в Лондоне предварительную конференцию по тихоокеанским вопросам, поскольку они собрались здесь на имперскую конференцию. После возвращения их в свои доминионы вряд ли возможной будет их поездка в США поздней осенью. 25 июля «Таймс» писала о реальной возможности проведения предварительных переговоров в Лондоне на протяжении августа месяца. 27 июля та же газета информировала своих читателей о «слухах», что Канада может стать местом предварительных переговоров[58]. Но эти маневры не принесли успеха.

Государственный секретарь США Юз решительно отверг идею проведения отдельной предварительной конференции по дальневосточным и тихоокеанским вопросам, хотя и не отрицал возможности предварительного обмена мнениями. 27 июля 1921 г. английский посол в Вашингтоне Геддес в беседе с Юзом отметил наличие расхождения в подходе Великобритании и Соединенных Штатов к планируемой конференции. Настойчивость английских государственных деятелей в этом вопросе объяснялась тем, что Великобритания не желала давать США возможность ослабить международные позиции британского империализма путем пересмотра Версальского мирного договора и других соглашений. Соединенные Штаты, со своей стороны, не хотели оставаться в одиночестве против единого фронта Англии с ее доминионами и Японией, который неизбежно сложился бы на такой «предварительной» конференции, ибо к числу «наиболее заинтересованных» держав Форин Оффис не относило Францию, Италию, Голландию, Бельгию, на которые США при определенных условиях могли бы рассчитывать. К тому же проведение «предварительной» конференции самым серьезным образом обесценивало бы проведение основной конференции, поскольку остальные государства были бы уверены, что важнейшие решения, по существу, уже приняты за их спиной.

---

[57] DBFP, 1 series, v. XIV, p. 381. Меморандум Лэмпсона от 18 июля 1921 г.

[58] The Times, 21.VII, 25.VII, 27.VII.1921.

Как пишет У. Льюис, в период переговоров о возможности проведения «предварительной» конференции Керзон столкнулся с тем, что информация американского посла в Лондоне Харви, журналиста по профессии, и английского посла в Вашингтоне Геддеса часто была противоположной. Из бесед с Харви Керзон вынес впечатление, что США не будут возражать против «предварительной» конференции. Но 29 июля Форин Оффис убедилось, что Соединенные Штаты против нее[59].

Встретив отказ американского правительства в вопросе проведения дальневосточной конференции в Лондоне, британские руководители выдвинули предложение о проведении предварительного «этапа» конференции. На заседании имперской конференции было высказано мнение о целесообразности поездки в Вашингтон представителей Британской империи (включая представителей доминионов) для предварительных переговоров о повестке работы будущей конференции. Теперь вместо двух конференций предполагалась одна, но состоящая из двух этапов. Керзон говорил американскому послу, что Великобритания готова не считать решения этого предварительного этапа конференции окончательными до их утверждения на Вашингтонской конференции[60]. Проведение «предварительного этапа» мыслилось в таком составе: США, Япония, Китай и Британская империя, включая доминионы. Время проведения — вторая половина августа 1921 г.

Натолкнувшись на упорное сопротивление США, английское правительство было вынуждено отступить. 2 августа 1921 г. Геддес сообщил государственному секретарю США, что Великобритания больше не настаивает на проведении предварительной конференции. В тот же день Керзон известил американского посла, что английское правительство не возражает против предложенной США даты открытия заседаний конференции в Вашингтоне 11 ноября 1921 г. Со своей стороны, американское правительство приветствовало включение представителей доминионов в состав участников конференции[61].

Наконец, после неудачи с «предварительной» конференцией правительство Англии попыталось добиться согласия США на проведение «предварительных консультаций» заинтересованных держав. В беседе с американским послом Керзон предрекал полную неудачу конференции без предварительного обмена мнениями. Он подчеркивал, что без предварительной договоренности конференция в Вашингтоне

---

[59] Louis W. British strategy in the Far East, p. 85.
[60] DBFP, I series, v. XIV, p. 347.
[61] FRUS, 1921, v. I, p. 50.

продлится многие месяцы, и поэтому английские государственные деятели высшего ранга не смогут в ней участвовать[62].

Дипломатический демарш правительства активно поддерживался британской прессой. В редакционной статье «Таймс» отмечалось: «Мы приняли американскую точку зрения относительно предварительной конференции не только потому, что США были инициаторами конференции и поэтому могли решать вопрос о порядке ее проведения, но и потому, что предполагалось, что будут иметь место неофициальные консультации между всеми заинтересованными державами». Вопрос о проведении предварительной конференции теперь снят с повестки дня,— продолжала газета,— но остается возможность для предварительных консультаций. «Таймс» выступала за негласный секретный характер этих консультаций, поскольку они «столь деликатного характера, что любое ненужное вмешательство извне поставит под угрозу их успешное завершение»[63]. Однако правительство США отвергло и предложение о проведении предварительных консультаций.

На протяжении всего периода обмена мнений между правительствами Англии и США относительно созыва конференции в Вашингтоне английская сторона настойчиво стремилась сузить состав участников этой конференции и ее повестку дня. Английское правительство критически оценивало предложенный США состав участников конференции как слишком широкий. Чем шире состав участников, тем «длиннее будут дискуссии и более сомнительны результаты», — утверждал Керзон. Англия была решительно против участия Советской России и Дальневосточной республики в работе конференции и стремилась всячески ограничить число держав, которые могли выступить на конференции на стороне США.

Серьезные возражения британской дипломатии вызвала предложенная американцами повестка работы конференции. В середине июля правительство США неофициально довело до сведения английского правительства предполагаемый перечень вопросов, подлежащих обсуждению на конференции. США предлагали обсудить следующие вопросы: 1) «открытые двери» или свобода торговых отношений в Китае, 2) территориальная целостность и административная независимость Китая, 3) Шаньдун, 4) сферы интересов и арендованные территории, 5) вопрос о Сибири с целью выявления основных принципов, применяемых и к России в Азии и к Китаю[64].

По мнению Керзона, обсуждение этих проблем повлечет за собой выдвижение массы спорных вопросов, конференция

[62] DBFP, 1 series, v. XIV, p. 360.
[63] The Times, 22.VIII.1921.
[64] DBFP, 1 series, v. XIV, p. 348.

затянется на очень долгий срок, «захлебнется в разговорах». Британский министр иностранных дел считал, что конференция должна была разработать общие принципы в отношении Дальнего Востока и бассейна Тихого океана. Это было бы возможно в форме гарантии статус-кво в этом районе мира. Недовольство Керзона вызывали сообщения американских газет о том, что на конференции в Вашингтоне будут подвергнуты «полному и свободному» обсуждению все проблемы, относящиеся к положению на Дальнем Востоке[65].

Британские империалисты, стремясь играть руководящую роль в подготовке и проведении конференции, исходили из некоей особой роли Великобритании как фактора дальневосточной политики. «Таймс» утверждала: «... Британские интересы в Китае не только торговые. Они взаимосвязаны с огромными политическими интересами британских доминионов в бассейне Тихого океана, и они являются важным фактором в наших отношениях и с Америкой, и с Японией». По мнению «Таймс», союз с Японией и дружественные отношения с Соединенными Штатами вообще ставят Великобританию в особое положение как возможного посредника в спорах между этими странами[66]. Эта тенденция проявлялась в деятельности английской дипломатии на всех этапах подготовки Вашингтонской конференции.

19 июля 1921 г. в беседе с американским послом Керзон выдвинул следующую программу работы конференции: 1) «открытые двери» в торговле с Китаем, 2) Шаньдун и вопросы, относящиеся к нему, 3) территориальная целостность Китая, 4) арендованные территории в бассейне и вблизи Тихого океана. Ряд других проблем, по мнению английского правительства, не подлежал обсуждению на Вашингтонской конференции: 1) опиум, 2) иммиграция, 3) германские владения на Тихом океане, 4) целостность России, т. е. вопрос о японской интервенции на советском Дальнем Востоке[67].

Предлагаемый вариант программы работы Вашингтонской конференции соответствовал британским интересам и в известной степени японским пожеланиям. Так, в интересах Японии было предложение исключить обсуждение вопроса о Сибири. Японские войска продолжали оставаться на территории советского Дальнего Востока. Определенные круги в Англии полагали, что само решение дальневосточной проблемы лежит в том, чтобы направить японскую экспансию в Сибирь и Монголию, предоставив Китай влиянию «западных» стран[68].

[65] DBFP, 1 series, v. XIV, p. 348; Louis W. British strategy in the Far East, p. 93.
[66] The Times, 22.VIII.1921.
[67] FRUS, 1921, v. I, p. 37.
[68] The Nineteenth Century and After, 1921, October, pp. 567—569.

В Лондоне хорошо понимали, что вопрос об англо-японском союзе неизбежно возникнет в ходе дискуссий на Вашингтонской конференции. 26 июля на заседании имперской конференции эта проблема была затронута рядом выступавших: должен ли англо-японский союз быть предметом обсуждения держав, участниц Вашингтонской конференции. Бальфур утверждал, и его мнение было поддержано, что англо-японский союзный договор касается лишь двух держав и поэтому не подлежит непосредственному обсуждению на конференции [69].

Вопросы, намеченные Керзоном в качестве программы работы Вашингтонской конференции, в общем были одобрены государственным секретарем Юзом, который согласился не включать в повестку конференции опиумный вопрос и вопрос об иммиграции. Проблема японской иммиграции, как известно, давно осложняла американо-японские отношения. Но Юз считал необходимым обсуждение вопроса о Сибири. Американское правительство с подозрением относилось к деятельности Японии в этом районе Азии. Правящие круги США сами стремились добиться укрепления своего влияния на обширных пространствах советского Дальнего Востока. Здесь интересы Японии и Соединенных Штатов сталкивались, несмотря на их общую ненависть к социализму.

Что касается бывших германских островных владений на Тихом океане, то некоторые из этих проблем могли быть урегулированы, по мнению государственного секретаря США, до начала работы Вашингтонской конференции. Но, подчеркивал руководитель внешнеполитического ведомства Соединенных Штатов, если эти вопросы не будут урегулированы до начала работы конференции, их следует обсудить на самой конференции [70].

В сентябре 1921 г. правительство Соединенных Штатов официально предложило включить в повестку дня работы Вашингтонской конференции, помимо проблемы сокращения вооружений, вопросы, относящиеся к Китаю, Сибири и мандатным островам (если вопрос об этих островах не будет ранее урегулирован). Несколько позже, отвечая на запрос японского правительства, государственный секретарь США Юз подчеркнул, что американское правительство предполагает «самое широкое» обсуждение вопросов, относящихся к Дальнему Востоку [71].

Подобные намерения американского правительства не могли не вызвать беспокойства в Токио и Лондоне. Британ-

---

[69] DBFP, I series, v. XIV, p. 381.
[70] FRUS, 1921, v. 1, p. 38.
[71] Ibid., pp. 67—68.

ский посол в Вашингтоне Геддес вновь в беседе с Юзом стал настаивать на необходимости проведения предварительного обсуждения дальневосточных проблем, без чего, по его словам, нельзя будет вообще обсуждать проблему сокращения морских вооружений. С целью давления на правительство США Геддес по поручению Форин Оффис предложил обсудить на Вашингтонской конференции вопрос о размерах пошлин, взимаемых на Панамском канале. Но все это было решительно отвергнуто государственным секретарем США. Юз был настроен непримиримо. Он говорил британскому послу: «Пришло время, когда любезность и сердечность, постоянно выражаемые на обедах и других торжественных случаях по поводу дружественного сотрудничества Англии и США, должны быть превращены в нечто более определенное»[72]. Соединенные Штаты недвусмысленно требовали от Англии уступок.

Английская пресса вплоть до начала работы Вашингтонской конференции вела кампанию за сужение программы ее работы. В редакционной статье «Таймс», озаглавленной «Повестка Вашингтонской конференции», отмечалось, что полный успех конференции, на что очень надеются американцы, будет возможен лишь при наличии «ограниченной и четкой» повестки дня. Обсуждение поставленных вопросов должно вестись так, чтобы не допустить раскола среди участников конференции и ее срыва. Газета подчеркивала: цель конференции состоит в достижении такого соглашения по вопросам тихоокеанской политики, которое сделает возможным принятие соглашения по ограничению вооружений[73]. Намек, содержавшийся здесь, также был весьма понятным. Не в интересах США было допустить срыв конференции. Лозунг разоружения, под которым выступали США, мог остаться нереализованным, если не будут учитываться интересы Великобритании и ее союзников.

В конечном счете, английскому правительству пришлось уступить давлению Вашингтона и пойти на принятие предложений американской стороны относительно состава, срока, места и времени проведения и повестки дня намеченной конференции. Но это было тактическое отступление. Британский империализм не намеревался поступиться своими интересами на Дальнем Востоке: решительная борьба должна была развернуться на самой Вашингтонской конференции и за ее кулисами.

Летом и осенью 1921 г. британские правящие круги вели активную подготовку к проведению Вашингтонской конференции. Форин Оффис готовилось к обсуждению дальневосточных вопросов, а Комитет имперской обороны изучал

[72] Ibid., p. 73.
[73] The Times, 22.IX.1921.

баланс морских сил на Тихом океане, перспективы сохранения морской мощи Великобритании в этой части света. Первое заседание Комитета имперской обороны в связи с подготовкой к Вашингтонской конференции состоялось 14 октября, второе — 21 октября 1921 г. Исходя из экономических трудностей Великобритании и невозможности продолжения гонки морских вооружений, Комитет имперской обороны поддержал предложение адмиралтейства добиваться на конференции «ограничения численности линейных кораблей послеютландской конструкции». В решении было также записано, что «наилучшей основой для ограничения морских вооружений было бы фиксирование определенного количества линейных кораблей», находящихся в распоряжении каждой из великих держав[74].

Неудачи британской дипломатии в попытках осуществить свои планы по созыву конференции сказались на составе делегации Великобритании. Первоначально предполагалось, что английскую делегацию на Вашингтонской конференции возглавит премьер-министр Ллойд Джордж. Однако по мере того, как выяснялось, что США не идут на уступки и стремятся сохранить в своих руках контроль над работой конференции, менялась и позиция правящих кругов Великобритании по этому вопросу. Еще в середине октября английские газеты писали, что Ллойд Джордж поедет на открытие конференции, но 9 ноября 1921 г. посол Геддес официально уведомил государственного секретаря США, что премьер-министр ввиду занятости внутренними делами страны не будет присутствовать на Вашингтонской конференции[75].

Этим актом британские руководители стремились принизить значение предстоящей конференции. Они в определенном смысле ставили ее ниже Парижской мирной конференции, где делегации возглавлялись главами правительств.

Вопрос о составе английской делегации оживленно обсуждался на страницах британской прессы. Резкие возражения вызывала кандидатура министра иностранных дел лорда Керзона, который по мнению многих газет, недостаточно гибок и ловок для участия в конференции со столь сложной программой. Особенно резко против Керзона выступала пресса Нортклиффа, который лично враждебно относился к премьер-министру Ллойд Джорджу и его министру иностранных дел. Обсуждалась кандидатура Грея, бывшего министра иностранных дел. Однако кандидатура Грея, как впрочем и кандидатура Керзона, подвергалась резким нападкам в американской прессе. Американские газеты напоминали, что в свое время президент Вильсон отказался принять Грея, что быв-

[74] Louis W. British strategy in the Far East, p. 96.
[75] The Times, 10.IX.1921.

ший британский министр допускал антиамериканские высказывания. В Лондоне понимали, что отрицательное отношение американской прессы осложнит и без того трудное положение руководителя делегации Великобритании.

В конечном счете, выбор был остановлен на А. Бальфуре, опытном государственном деятеле. Бальфура хорошо знали в правительственных кругах Соединенных Штатов Америки. В 1917 г. он возглавлял важную миссию, посетившую США. Благожелательно относилась к нему и американская пресса. При участии Бальфура в 1902 г. был заключен англо-японский союз. Это могло облегчить в какой-то степени английскому правительству маневрирование по вопросу об англо-японском союзе, который неизбежно должен был всплыть на Вашингтонской конференции. Во всяком случае, японцы не могли бы упрекать Бальфура за предвзятость, если бы пришлось отказываться от этого союза. Английские буржуазные газеты в общем дружно одобрили назначение Бальфура руководителем британской делегации на Вашингтонской конференции. Газеты отмечали консерватизм Бальфура, видели в нем представителя традиционной британской дипломатии. Отмечалось, что он участвовал еще в Берлинском конгрессе 1878 г., где встречался с Бисмарком, Горчаковым, Ваддингтоном, что он был близко знаком с Гладстоном [76].

Буржуазные мемуаристы и историки довольно благосклонно характеризуют его деятельность на Вашингтонской конференции. Отмечают его большой опыт и значительную самостоятельность. У. Льюис писал: «Его физический облик гармонировал с манерой поведения — высокий, чуть сутуловатый седовласый английский аристократ. Он казался тем, кем он и был: последним премьер-министром викторианской эпохи» [77].

Формально Ллойд Джордж считался главой британской делегации, состав которой был оглашен им 18 октября 1921 г. В прессе вплоть до отъезда делегации в Вашингтон циркулировали слухи о возможном присутствии премьера на конференции. Но вопрос был уже предрешен. Выступая в палате общин 18 октября, Ллойд Джордж подчеркнул, что ни один из премьер-министров британских доминионов не счел необходимым поехать на Вашингтонскую конференцию [78]. Этот факт также подтверждал стремление английских правящих кругов в определенной степени преуменьшить значение начинавшей свою работу конференции в Вашингтоне.

Напутствуя британскую делегацию, направлявшуюся в Вашингтон, консервативная газета «Морнинг пост», писала, что на предстоящей конференции Великобритания, учи-

[76] The Times, 2.IX.1921.
[77] Louis W. British strategy in the Far East, p. 98.
[78] The Times, 19.X.1921.

тывая ее дружеские отношения с Японией и возможность воздействия на политику этой страны, должна занять «ключевую позицию». С удовлетворением газета отмечала, что «так называемое разоружение займет только второе место на конференции, а ее главная цель будет состоять в достижении соглашения по политическим вопросам»[79].

В этом и состояла основная цель правящих кругов Великобритании на Вашингтонской конференции — достичь договоренности с другими империалистическими странами относительно политики на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана, прежде всего в смысле гарантии статус-кво. Разоружение с самого начала мыслилось британскими империалистами как дань времени и пацифизму, как дымовая завеса, долженствующая прикрыть несправедливый империалистический характер решений, которые должна была принять Вашингтонская конференция, ибо в действительности ни одна из империалистических стран не помышляла всерьез о подлинном разоружении.

Несмотря на уступки перед нажимом американского правительства по вопросам подготовки и организации конференции в Вашингтоне, британская дипломатия не теряла надежды на успех.

---

[79] Morning Post, 21.X.1921.

Глава четвертая

АНГЛИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ПРОБЛЕМ НА ВАШИНГТОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (ноябрь 1921 — февраль 1922 гг.)

Ликвидация англо-японского союза и заключение договора четырех держав

Вашингтонская конференция явилась важной вехой в истории международных отношений в период между первой и второй мировыми войнами. Здесь было завершено создание Версальско-Вашингтонской системы послевоенного устройства мира. Вашингтонские решения генетически связаны с Версальским мирным договором и в то же время являлись в определенном смысле пересмотром Версаля (и не только в вопросе о Шаньдуне) [1]. В данной главе рассматриваются проблемы политики британского империализма в связи с работой Вашингтонской конференции: судьба англо-японского союза (реализованного, в конечном счете, в форме договора четырех держав), политика в Китае в связи с расширением там экспансии Японии и США и ростом освободительного движения (договор девяти держав) и ограничение морских вооружений (договор пяти держав) [2].

Правящие круги Великобритании, как отмечалось выше, настойчиво выступали за предварительное рассмотрение дальневосточных проблем. Эта концепция поддерживалась Англией и в период Вашингтонской конференции. «...Соглашение относительно будущего Тихого океана и Дальнего Востока является условием, предшествующим успешному ограничению вооружений», — писал влиятельный консервативный журнал в самый разгар дискуссий на Ва-

[1] В своей статье Е. Н. Попова верно подчеркивает, что нельзя рассматривать Вашингтонскую систему как локальную дальневосточную, как простой «довесок» к Версальской системе. См.: Попова Е. Н. Вашингтонская конференция 1921—1922 гг. в оценке советских историков. — Американский ежегодник. М., 1971, с. 168.

[2] Вопрос о сокращении морских вооружений, связанный, безусловно, с проблемами дальневосточной политики, в целом имел глобальный характер и поэтому не рассматривается в настоящей монографии. Подробнее об этом см.: Иванов Л. Н. Морская политика и дипломатия империалистических держав (между первой и второй мировыми войнами). М., 1964; Солонцов З. М. Дипломатическая борьба США за господство на море и противоречия империалистических держав (1918—1945 гг.). М., 1962; Sprout H. and M. Toward a new order of sea power. Princeton, 1943; Bywater H. Sea—power in the Pacific. N. Y., 1970.

шингтонской конференции[3]. Хотя правительство США отвергло идею двух конференций и идею предварительного обсуждения дальневосточных вопросов в узком кругу «заинтересованных» держав, практически на Вашингтонской конференции порядок обсуждения вопросов шел в такой последовательности: вначале был разработан и согласован договор четырех держав, заменивший англо-японский союз, а затем договор девяти держав относительно политики в Китае и договор пяти держав о сокращении морских вооружений.

Вашингтонская конференция открылась 12 ноября 1921 г. речью президента США Гардинга. Присутствовали делегации девяти держав. К участию в работе Вашингтонской конференции не были приглашены Советская Россия и Дальневосточная республика. Это с самого начала предопределило характер решений конференции как империалистической сделки, направленной против Советской страны и национально-освободительного движения.

Делегация Британской империи прибыла в столицу США 10 ноября перед самым открытием конференции. Японская делегация прибыла значительно раньше, 2 ноября. Глава британской делегации Бальфур явно стремился избежать встречи с японскими представителями до начала работы конференции, дабы не раздражать американцев. В состав делегации, кроме него, входили первый лорд адмиралтейства Ли и британский посол в США Геддес, а также представители доминионов и Индии[4]. Делегацию сопровождали 35 советников и экспертов, в том числе опытные дипломаты Дж. Джордан, М. Лэмпсон, Ф. Эштон-Гуэткин и другие. Центральной фигурой делегации был Бальфур, опытный государственный деятель, хотя и занимавший теперь в составе британского кабинета номинальный пост лорда-председателя Совета[5]. Его назначение на пост руководителя во многом объяснялось тем, что он был «персона грата» для американцев[6].

Секретарем британской делегации был М. Хэнки, доверенное лицо премьер-министра Ллойд Джорджа. Важную

---

[3] The Nineteenth Century and After. 1921 Dec., pp. 934–935.

[4] Правительства доминионов не получили отдельного приглашения США на Вашингтонскую конференцию. В отличие от Парижской мирной конференции, где доминионы были представлены на правах малых государств, на Вашингтонской конференции представители доминионов были включены в состав единой делегации Британской империи. Такая позиция правительства США вызвала возмущение в доминионах.

[5] Бальфуру было уже 74 года, до поездки на Вашингтонскую конференцию он возглавлял британскую делегацию на сессии Лиги наций в Женеве. Политическая деятельность Бальфура продолжалась около 50 лет. Биограф характеризует его как «умного и тонкого тактика» (Zebel S. Balfour. A political biography, Camb. (Mass.). 1973, p. VI).

[6] Daily Telegraph, 8.X.1921.

роль играл известный журналист и издатель лорд Риддел, также близкий британскому премьеру. Он не был официально связан с британской делегацией, но через него распространялась выгодная для английской дипломатии информация для прессы. Хэнки и Риддел имели уже опыт работы на Парижской мирной конференции, и этот опыт был использован во время работы Вашингтонской конференции.

В целом британская делегация была достаточно хорошо подготовлена к предстоящим дискуссиям. Бальфур, долгие годы возглавляя Комитет имперской обороны, вполне ориентировался в военно-политических проблемах, касающихся положения Британской империи. Плавание через Атлантику на конференцию было использовано им для интенсивного изучения информации о положении на Дальнем Востоке. К этому следует добавить, что британская делегация не имела особенно жестких инструкций, и поэтому глава делегации пользовался известной самостоятельностью.

Официально работа Вашингтонской конференции шла на пленарных заседаниях. Их было всего семь, последнее пленарное заседание состоялось 6 февраля 1922 г. Кроме того, работали Комитет по разоружению в составе пяти держав (США, Япония, Британская империя, Франция и Италия), и Комитет по тихоокеанским и дальневосточным вопросам в составе девяти держав (вышеуказанные страны плюс Китай, Бельгия, Нидерланды и Португалия).

Вопрос об англо-японском союзе формально не значился в повестке Вашингтонской конференции. Однако без решения вопроса об англо-японском союзе было практически невозможно обсуждение других проблем, стоявших на конференции. Японская газета «Нити-нити» писала 3 декабря 1921 г., что «краеугольным камнем тихоокеанского и дальневосточного вопросов является судьба англо-японского союза и проблема укреплений на тихоокеанских островах. Если договоренность между Японией, Америкой и Англией по этим вопросам будет достигнута, то проблема разоружений не должна вызвать много трудностей...»[7]. Поэтому не случайно, что договор четырех держав, заменивший собой англо-японский союз, был первым договором, заключенным на Вашингтонской конференции.

Как уже отмечалось в третьей главе, вопрос об англо-японском союзе после окончания первой мировой войны стал одним из важнейших в англо-японских и англо-американских отношениях. Против этого союза выступали Соединенные Штаты, видевшие в нем угрозу для своих позиций на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана. Давление США сказывалось прежде всего на позиции Канады. Острое столкновение мнений имело место на импер-

[7] FRUS, 1922, v. 1, p. 83.

ской конференции 1921 г. Однако до Вашингтонской конференции положений дел с англо-японским союзом продолжало оставаться «неопределенным».

В официальном коммюнике после окончания имперской конференции говорилось: 1) союз не расторгнут прошлогодней нотификацией в Лигу наций, 2) Лиге наций сделано заявление о том, что процедура осуществления устава Лиги наций будет иметь преимущество перед процедурой выполнения англо-японского союзного договора. При этом подчеркивалась важность сотрудничества с США, сохранения хороших отношений с Японией и необходимость соблюдения принципа «открытых дверей» в Китае[8].

Но было очевидным, что правительство США не согласится на сохранение англо-японского союза. Речь могла вестись лишь о том, чтобы заменить его какой-то другой дипломатической комбинацией. 11 ноября 1921 г., накануне открытия конференции, состоялась встреча Бальфура с государственным секретарем Юзом. Глава британской делегации передал Юзу проект трехстороннего соглашения с оговоркой, что проект этот «неофициальный и является плодом его личных размышлений»[9]. Этот проект не был согласован с японской стороной, но он предусматривал сохранение в завуалированной форме основ англо-японского союза.

Проект, предлагаемый Бальфуром, предусматривал заключение «договора» между Англией, Японией и США. Сам термин договор сразу же вызвал возражения Юза, и Бальфуру пришлось заменить его термином «соглашение». В статье первой констатировалось, что каждая из договаривающихся сторон будет взаимно уважать свои права и будет консультироваться с другими участниками соглашения относительно совместных мер защиты в случае, если какой-либо из них будут угрожать враждебные действия со стороны иной державы. Суть английского проекта заключалось в его второй статье, содержащей следующее положение: «Если в будущем территориальные права любой договаривающейся стороны подвергнутся угрозе со стороны третьей державы или комбинации держав, две из договаривающихся держав могут в целях самозащиты вступить в военное соглашение друг с другом при условии, чтобы подобное военное соглашение носило чисто оборонительный характер и чтобы оно было сообщено третьей стороне»[10]. Этот пункт проекта Бальфура практически предусматривал возможность сохранения союзнических отношений между Англией и Японией в рамках общего трехстороннего соглашения.

---

[8] Лемин И. М. Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно. 1919—1925. М., 1947, с. 287.

[9] Nish I. Op. cit., p. 370.

[10] FRUS, 1922, v. I, p. 3.

Британская сторона понимала, что шансов на принятие американцами этого проекта было мало. Смысл английского предложения состоял в том, чтобы продемонстрировать готовность Великобритании к сотрудничеству с США при сохранении хороших отношений с Японией. В связи с выдвижением Бальфуром этого проекта соглашения трех держав М. Хэнки сообщал Ллойд Джорджу: «В качестве дипломатического вступления этот проект абсолютно неоценим. Статья, предусматривающая возможность возобновления англо-японского союза, если изменятся обстоятельства, убеждает японцев в нашем доверии к ним и в том, что мы не бросаем их. Остальная часть проекта показывает американцам, что мы готовы пойти достаточно далеко, чтобы обеспечить их дружбу и сотрудничество» [11].

Аналогичную мысль высказал Бальфур. Японские документы зафиксировали следующие слова Бальфура: «Ясно, что Америка не заключит союза, который возлагал бы на нее серьезные обязательства. Поэтому соглашение следует составить в форме, приемлемой для Америки, и одновременно в случае, если в будущем возникнет необходимость, сохранить за собой свободу действий в целях возрождения англо-японского союза между Японией и Англией» [12].

Юз и Бальфур договорились о доверительном обсуждении этого проекта между английскими и американскими представителями. Но японская делегация очень скоро была осведомлена о нем. Секретарю делегации Японии Сабури было поручено выяснить все у англичан. Начались беседы Сабури и Хэнки. 23 ноября состоялась встреча Бальфура с главным японским делегатом Като, и британский проект соглашения был передан японцам. Бальфур при этом вновь подчеркнул, что предложенный им проект соглашения трех держав не является официально одобренным английским правительством.

Положение Японии в данной ситуации было сложным. Японо-американские противоречия обострялись с каждым годом. Именно этим определялось враждебное отношение США к продлению срока действия англо-японского союза. В Японии опасались возможности англо-американского сговора за своей спиной. Поэтому японская делегация, осознавая, что для США будет совершенно неприемлемо соглашение, предусматривающее возможность военного союза Англии и Японии, выдвинула свой проект. Этот проект, пока не имевший также официального одобрения со стороны японского правительства, был 28 ноября 1921 г. с ведома

[11] Jones Th. Whitehall Diary, p. 182.

[12] Цит. по: Навлицкая Г. Б. Расторжение англо-японского союза и договор четырех держав. — Краткие сообщения Института народов Азии. М., 1963, т. 64, с. 84.

англичан передан Юзу. С этого времени переговоры по данному вопросу велись за кулисами Вашингтонской конференции между Юзом, Бальфуром и Като.

Проектом, выдвинутым японской делегацией (его автором был японский посол в Вашингтоне Сидехара) предусматривалось: 1. Если в будущем территориальные права или жизненные интересы какой-либо из договаривающихся сторон в районе Тихого океана и Дальнего Востока подвергнутся угрозе либо со стороны третьей державы, либо поворотом событий, который может произойти в этом районе, то высокие договаривающиеся стороны вступят друг с другом в контакт, полный и откровенный для достижения взаимопонимания относительно принятия эффективных мер... 2. Если в делах, затрагивающих вышеупомянутые районы, возникнут разногласия между двумя договаривающимися сторонами, то они по взаимной договоренности приглашают третью договаривающуюся сторону для совместного обсуждения спорной проблемы... 3. Настоящее соглашение заменит договор о союзе, находящийся до сих пор в силе между Великобританией и Японией [13].

Проект, разработанный Сидехарой, существенно отличался от того, что предложила английская делегация. Япония искала modus vivendi с Соединенными Штатами и поэтому шла навстречу пожеланиям американцев. В данном случае предусматривалась ликвидация англо-японского союза и замена его предлагаемым трехсторонним соглашением. Однако при этом в проекте японцев содержалась формулировка о «жизненных интересах» и весьма расширительно толковалась сфера действия договора — Дальний Восток (естественно, включая Китай) и бассейн Тихого океана.

30 ноября Юз заявил, что японский проект может быть базой для соглашения, но предложил включить Францию в число участников данного соглашения. Это был неожиданный ход. Осенью 1921 г. резко обострились англо-французские отношения. Министр иностранных дел Англии Керзон активно выступал против стремления Франции к европейской гегемонии. 27 ноября он прислал Бальфуру телеграмму, в которой утверждал, что политика Франции ведет к новой войне в Европе [14]. Государственный секретарь США Юз позднее разъяснил смысл своего предложения следующим образом: «С Францией было бы четыре голоса, а не три, и никто не мог бы сказать, что Англия и Япония могли объединиться против нас» [15].

---

[13] FRUS, 1922, v. 1, p. 4.

[14] Louis W. British strategy in the Far East, p. 102.

[15] Sprout H. and M. Op. cit., p. 174. Это обстоятельство отмечалось в свое время в советской прессе. «Франция, определенно ориентирующаяся на Соединенные Штаты, включена в состав союза как лишний голос, уси-

Японская делегация возражала против включения в проектируемое соглашение Франции. Однако она не получила поддержки Бальфура, который не стал возражать против американского предложения. Как свидетельствовал японский источник, «позиция Бальфура была чрезвычайно твердой, он не считался с нашими пожеланиями»[16]. Вообще глава британской делегации на протяжении всей работы Вашингтонской конференции стремился играть роль посредника между японцами и американцами. Во многом это ему удавалось.

Включив Францию в число участников проектируемого соглашения, Соединенные Штаты и другие участники выступили против дальнейшего его расширения. Так, была отклонена просьба Италии относительно ее участия в данном соглашении.

Проект соглашения теперь уже четырех держав вызвал еще одно возражение со стороны США. Юз считал, что соглашение должно распространяться лишь на тихоокеанские острова, поскольку в отношении Китая предполагалось заключение особого договора. Поэтому отвергалось стремление Японии распространить действие соглашения на азиатский контингент, что предполагалось в обсуждаемом проекте. 7 декабря 1921 г. государственный секретарь США представил свой проект соглашения четырех держав, составленный исходя из первоначальных предположений Японии. 8 и 9 декабря этот проект обсуждался представителями четырех держав.

8 декабря во время встречи Юза, Бальфура, Като, Сидехара и французского представителя Вивиани развернулась дискуссия по вопросу, включаются ли острова собственно Японии в сферу действия договора 4-х держав или нет. Сидехара от имени японской делегации выступил против включения островов собственно Японии в сферу действия договора на том основании, что территории других держав — участников соглашения не входят в сферу его действия. Ему возражал Бальфур, утверждавший, что Британская империя заинтересована в том, чтобы Австралия и Новая Зеландия входили в сферу действия соглашения. Исключение японских островов сделает это невозможным для британских островов-доминионов. Глава британской делегации пытался использовать жупел советской «угрозы». Он восклицал: «Если Японии будет угрожать Россия..., то Япония не сможет апеллировать к этому соглашению, если ее острова не войдут в сферу его действия»[17]. Споры по этому вопросу затянулись

ливающий Соединенные Штаты в «Союзе четырех». — Известия, 1921, 18 дек.

[16] Навлицкая Г. Б. Указ. соч., с. 86.

[17] FRUS, 1922, v. 1, pp. 16—18.

надолго. Лишь к концу работы Вашингтонской конференции был согласован документ, констатировавший, что действие договора четырех держав не распространяется на острова собственно Японии.

Договор четырех держав, заменивший собой англо-японский союзный договор, был подписан 13 декабря. Он состоял из четырех статей. В статье первой отмечалось, что договаривающиеся стороны «соглашаются уважать в своих взаимоотношениях право каждой из них на свои островные владения и островные территории в районе Тихого океана». Если между сторонами возникнет спор, «происходящий из какого-либо тихоокеанского вопроса и касающийся их указанных выше прав», то он будет передан на конференцию договаривающихся держав «для его рассмотрения и урегулирования».

Статья вторая предусматривала: «Если указанные выше права подвергаются опасности в силу наступательных действий какой-либо другой державы, высокие договаривающиеся стороны войдут во взаимный, полный и откровенный обмен мнениями для того, чтобы достигнуть соглашения о наиболее действительных мерах, долженствующих быть принятыми, каждой в отдельности или всеми совместно, в связи с требованиями создавшегося положения».

Статья третья устанавливала десятилетний срок действия договора с правом продления срока его действия, если какая-либо из держав не уведомит за двенадцать месяцев о прекращении его действия. Наконец, четвертая статья декларировала, что после вступления в силу данного договора «потеряет силу соглашение между Великобританией и Японией, заключенное в Лондоне 13 июля 1911 г.»[18].

Таково было содержание договора четырех держав, являвшегося по выражению американского сенатора Хитчкока, «ключевым договором всей Вашингтонской системы»[19]. Договор четырех держав, вступивший в силу после обмена ратификационными грамотами с 17 августа 1923 г., сопровождался рядом оговорок со стороны его участников. Так, правительство США сделало оговорку, что хотя договор «будет применяться к островам Тихого океана, находящимся в состоянии мандата», это не означает признания Соединенными Штатами этих мандатов.

---

[18] Вашингтонская конференция по ограничению вооружений и тихоокеанским и дальневосточным вопросам. М., 1924, с. 72—73.

[19] Vinson J. The Parchment Peace. Athens, 1955, p. 183. «Ключевое» значение договора четырех держав во всей системе вашингтонских соглашений отмечают советские историки. Об этом писала Е. И. Попова. Она отмечала: «Неопределенный по фразеологии, тщательно маскирующий свое подлинное значение, наиболее конкретный лишь в одном пункте — в расторжении англо-японского союза, не применявшийся в дальнейшей практике, этот договор не был понят многими исследователями Вашингтонской системы». См.: Американский ежегодник. 1971, М., 1971, с. 168.

6 февраля 1922 г. было подписано дополнение к договору четырех держав. В нем говорилось, что «понятие островные владения и основные территории», употребляемые в названном трактате, включает, что касается Японии, лишь Карафуто (т. е. южную часть острова Сахалина), Формозу (Тайвань), Пескадоры и острова, на которые Япония получила мандат»[20].

4 и 6 февраля были сделаны заявления правительствам Португалии и Нидерландов о том, что участники соглашения будут уважать права этих держав, «связанные с их островными владениями в районе Тихого океана»[21].

Договор четырех держав, заменивший собой англо-японский союзный договор, во многом от него отличался. Прежде всего, сфера действия договора четырех была значительно уже, чем сфера действия англо-японского договора, который обеспечивал интересы обеих держав во всей Восточной Азии. В новом договоре речь шла лишь об островных владениях и островных территориях. Далее, если англо-японский союз предусматривал применение силы против противника, то договор четырех держав представлял собой «консультативное» соглашение. По мнению английского историка Я. Ниша, основная слабость договора четырех держав состояла в том, что он не предусматривал применение силы в каких-либо совместных действиях. Предложение Юза о привлечении Франции к договору, по мнению Я. Ниша, было сделано, чтобы еще более его ослабить[22].

Наконец, в тексте договора четырех отсутствовало упоминание о Китае, имевшееся в тексте англо-японского договора 1911 г. Это объяснялось рядом обстоятельств. Проблемы, связанные с согласованием общей политики империалистических держав в отношении Китая, еще продолжали оставаться предметом дискуссий на самой конференции. Правительство Китая неоднократно заявляло в связи с планами продления англо-японского союза, что не может согласиться на упоминание Китая в тексте любого договора, участником которого он не будет являться. Империалистические державы, подписавшие договор четырех, не желали видеть Китай его участником.

Значение договора четырех держав для каждого из его участников можно понять, лишь проанализировав договор об ограничении морских вооружений (договор пяти держав). Согласно положениям одной из статей этого договора США, Британская империя и Япония соглашались сохранить статус-кво и отказывались от возведения новых укреплений и создания новых баз на ряде своих владений на Тихом

[20] Вашингтонская конференция по ограничению вооружений..., с. 74—75.
[21] Там же, с. 76.
[22] Nish I. Op. cit., p. 370.

океане. США не могли укреплять Гуам, Филиппины, Алеутские острова; Англия — Гонконг и островные владения восточнее меридиана 110° восточной долготы, за исключением островных владений, прилегающих к побережью Канады, Австралии и ее территорий и Новой Зеландии; Япония — Тайвань, Пескадоры, Курильские острова, Бонин и некоторые другие[23].

В достигнутом компромиссе предпочтительней была позиция Японии, имевшей достаточно широкую сеть баз для своего флота. США, нуждаясь в согласии Японии на установление соответствующего соотношения тоннажа линейного флота, пошли на определенную уступку, отказавшись от развития военно-морских баз на своих островах в западной части Тихого океана. Более сложным было положение Англии. Британские военно-морские силы на Дальнем Востоке к этому времени были весьма незначительны. Англия имела там 5-ю флотилию легких крейсеров и 12 подводных лодок, Австралия имела два легких крейсера, два корвета и шесть эсминцев, Канада — один легкий крейсер и два эсминца, Новая Зеландия — один легкий крейсер[24].

Экономические трудности, переживаемые Великобританией после окончания мировой войны, делали невозможным сколько-нибудь значительное увеличение военно-морских сил в бассейне Тихого океана. Англия не имела разветвленной сети баз в этой части мира. Стратегическое значение Гонконга в случае войны с Японией было сравнительно ограниченным. За пределами установленного ограничения оставался Сингапур, который отныне стал рассматриваться как основной опорный пункт британского флота в Юго-Восточной Азии. Правда, военно-морская база в Сингапуре только начала создаваться.

В таких условиях ликвидация англо-японского союза подталкивала Англию к сближению с Соединенными Штатами. Основной причиной, приведшей к концу англо-японский союз, было изменение соотношения сил в империалистическом лагере. Великобритания отныне была вынуждена более, чем когда-либо прежде, считаться с интересами США.

---

[23] Вашингтонская конференция по ограничению вооружений..., с. 50. При разработке этой статьи договора пяти держав британский представитель предложил запретить строительство новых укреплений в зоне, ограниченной с севера 30° северной широты и с юга — экватором, с запада и востока — 110° и 180° восточной долготы. «Это включало почти все японские островные владения, большинство американских и лишь несколько английских островов». (Sprout H. and M. Op. cit., p. 244). Это вызвало возражения Японии. Като заявил, что японское правительство «не может согласиться с британским предложением относительно укреплений на Тихом океане». Английское предложение было отклонено (FRUS, 1922, v. 1, p. 246).

[24] Bywater H. Sea-power in the Pacific. N. Y., 1970, pp. 23—25.

Курс на улучшение отношений с Соединенными Штатами, по мнению английского правительства, должен был укрепить позиции Великобритании на международной арене. В июле 1921 г. Ллойд Джордж говорил: «Мы стремимся сотрудничать с великой Республикой во всех районах мира...» [25]. Эта позиция отвечала интересам широких кругов британской империалистической буржуазии. Ведущие органы британской прессы активно поддерживали этот курс. 16 ноября 1921 г. в разгар работы Вашингтонской конференции владелец «Таймс» Нортклифф телеграфировал главному редактору этой газеты: «Установление англо-американского единства — главная цель британской политики, поскольку от его достижения зависит все будущее Дальнего Востока. «Таймс» должна срочно и энергично защищать аннулирование англо-японского союза» [26].

Более деликатной для британских политиков была проблема сохранения хороших отношений с Японией. Отказ от союза с Японией, по мнению английских руководителей, надо было осуществить так, чтобы не превратить ее в открытого противника Британской империи. Ставить под удар Австралию, Новую Зеландию, Малайю и другие свои территории Лондон не собирался. Слабость военно-морских сил на Тихом океане, практическая невозможность получения поддержки от США превращали дипломатию в основное орудие защиты британских имперских интересов на Дальнем Востоке. Ликвидация англо-японского союза должна была произойти в такой форме, которая оказалась бы приемлемой для правящих кругов Японии, не вызвала бы враждебных чувств по отношению к Англии. Это и удалось сделать в виде договора четырех держав. 12 декабря 1921 г., накануне подписания этого договора, Хэнки писал Ллойд Джорджу: «Мы чувствуем, что одна из важнейших задач, ради решения которых мы приехали в Вашингтон, теперь успешно выполнена...» [27].

В Японии весть о ликвидации союза с Англией была встречена весьма сдержанно. В официальных правительственных заявлениях этому событию было уделено сравнительно небольшое внимание. Обстоятельства, связанные с расторжением англо-японского союза, дали возможность японскому дипломату заявить своему британскому коллеге: «Во всяком случае вы устроили союзу блестящие похороны» [28].

В Великобритании и доминионах договор четырех держав был встречен благожелательно. В. Льюис отмечает, что с британской точки зрения, тихоокеанское соглашение было

[25] Vinson J. The Parchment Peace. Athens, 1955, p. 104.
[26] The History of «The Times», v. IV, part II. N. Y., 1952, p. 617.
[27] Jones Th. Op. cit., p. 182.
[28] Лемин И. М. Указ. соч., с. 294.

достаточно удовлетворительным»[29]. Английские газеты различных направлений приветствовали заключение договора четырех держав и замену им союзного договора с Японией. Характерно, что в силу этих обстоятельств договор четырех держав получил определенную оппозицию в сенате США, тогда как другие договоры, заключенные на Вашингтонской конференции, были ратифицированы без особых дебатов. Против утверждения договора четырех держав выступил сенатор Бора, выдвинувший ранее самою идею созыва конференции по сокращению морских вооружений. Противник договора, сенатор Рид говорил, что договор четырех держав является «продуктом британской дипломатии и японского коварства»[30].

Хотя сенат США ратифицировал договор в марте 1922 г. 67 голосами против 27, подписание его президентом задерживалось. Англия и Япония проявили инициативу в ускорении вступления в силу договора четырех. Англия ратифицировала этот договор 4 августа 1922 г., Япония — 5 августа. Обмен ратификационными грамотами состоялся 17 августа 1923 г.

Таким образом, ликвидация англо-японского союза, осуществленная на Вашингтонской конференции в декабре 1921 г., была обусловлена рядом причин, связанных с взаимоотношениями Англии с США и Японией. Посол в Токио Элиот заметил, что англо-японский союз «фактически умер до прекращения его действия по договору четырех»[31]. Тем не менее стремление рассматривать Японию как своего наиболее надежного партнера сохранялось в дальневосточной политике Великобритании еще многие годы. Прекращение действия англо-японского союза в то время не отразилось существенно на взаимоотношениях между этими державами. Основой продолжавшегося сотрудничества Японии и Англии на Дальнем Востоке был антисоветизм и борьба против растущего освободительного движения народов Восточной Азии. Именно на этой почве складывался альянс империалистических государств, несмотря на раздиравшие их экономические и политические противоречия. Как справедливо отмечал советский историк А. Л. Гальперин, «господство англо-японского союза, продолжавшееся около 20 лет... было заменено объединенным фронтом крупнейших империалистических государств...»[32].

Глубокая оценка характера и значения договора четырех держав, заключенного на Вашингтонской конференции, была дана В. И. Лениным. Он отмечал: «...союз 4-х держав (Англии, Соединенных Штатов, Франции и Японии), заключен-

[29] Louis W. British strategy in the Far East, p. 105.
[30] Vinson J. Op. cit., p. 210.
[31] Nish I. Op. cit., p. 392.
[32] Гальперин А. Л. Англо-японский союз. М., 1947, с. 370.

ный на Вашингтонской конференции, во-1-х, архинепрочен, как и все империалистские союзы; во-2-х, враждебен всем остальным народам»[33].

Позиция Англии по вопросу о политике империалистических держав в Китае

К началу работы Вашингтонской конференции в политике Великобритании в отношении Китая заметны были две тенденции. Определенные круги правящего лагеря понимали силу развертывавшегося в Китае национально-освободительного движения и опасались идти напролом. Они, учитывая в некоторой степени огромные изменения в мире после победы Великой Октябрьской социалистической революции в России, были готовы согласиться на некоторые уступки при сохранении основ преобладающего положения британского капитала в Китае. Другие, консервативные круги считали, что создание единого республиканского Китая явится угрозой для британского влияния на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. Они были готовы решительно бороться с освободительным движением, отстаивая сохранение раздробленного, слабого Китая.

На Вашингтонской конференции обе эти тенденции нашли отражение в политике английского правительства и практической деятельности британской дипломатии. Преобладающей, однако, была вторая тенденция, что находило свое выражение в блокировании с Японией по основным проблемам китайской политики. В то же время английская делегация стремилась захватить инициативу по урегулированию «китайской проблемы» в свои руки и договориться с Соединенными Штатами о согласованных действиях, направленных на ослабление позиций Японии в Китае.

11 ноября 1921 г. Бальфур вручил государственному секретарю Юзу проект соглашения держав в отношении Китая. В письме Ллойд Джорджу Бальфур отмечал, что «этот проект, хотя и исходит из признания существующего положения и договоров, основывается на желательности замены международного соперничества в Китае системой международного сотрудничества».

Английский проект состоял из шести небольших статей. В преамбуле говорилось о необходимости сохранения независимости и целостности Китая, равных возможностей для торговли и промышленности всех наций. При нарушении этих принципов державы, участники соглашения, должны вступить между собой в переговоры относительно принятия

[33] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 77.

мер по защите своих прав. Далее формулировалось обязательство держав не применять вооруженную силу при защите своих интересов в Восточной Азии без предварительных консультаций с другими участниками данного соглашения. Предусматривалось, что все контракты и соглашения по финансовым вопросам между державами и центральным или местными правительствами Китая должны быть доведены до сведения участников соглашения. Наконец, в проекте Бальфура рекомендовалось проводить периодические встречи представителей держав для обсуждения хода выполнения этого соглашения и отказа от сепаратных действий в Китае[34].

Как видно из этого, английский проект соглашения держав о политике в отношении Китая не предусматривал практически никаких изменений в полуколониальном положении этой страны. Он не затрагивал наиболее важные вопросы взаимоотношений империалистических государств и Китая. Единственно, что, по мнению Бальфура, нуждалось в срочном урегулировании — проблема Шаньдуна, где, основываясь на решениях Парижской мирной конференции, Япония продолжала укреплять свое господствующее положение. Бальфур предлагал решить эту проблему в самом начале работы конференции и рекомендовал совместное английское и американское посредничество на японо-китайских переговорах.

Первое заседание Комитета по дальневосточным и тихоокеанским вопросам состоялось 16 ноября. Повестка заседаний Комитета, представленная США, включала, кроме вопроса о политике держав в Китае, вопросы о политике Японии в Сибири, мандатных островах на Тихом океане и другие. Американцам пришлось отказаться от обсуждения ряда интересовавших их проблем, относящихся к положению на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана, из-за противодействия Англии и Японии.

Особенно настороженно к предполагавшемуся обсуждению дальневосточных проблем относились в правящих кругах Японии. Японское правительство опасалось совместных англо-американских действий, направленных на подрыв позиций Японии в Восточной Азии. Само согласие Японии на участие в Вашингтонской конференции было получено только после ряда неофициальных встреч Юза с японским послом Сидехара. Японское правительство было готово в случае необходимости выдвинуть на обсуждение Вашингтонской конференции проблемы статуса Филиппин и Гаваев, доктрины Монро и нейтрализации Панамского канала, ликвидации экономических барьеров в Индии, Индо-Китае, голландской

[34] DBFP, I series, v. XIV, pp. 468—470.

Индии, расового равенства. Поэтому государственный секретарь США отверг предложение дальневосточного отдела госдепартамента обсудить на конференции, кроме Шаньдуна и Сибири, вопрос о японских сферах влияния в южной Маньчжурии и восточной части Внутренней Монголии. Идти на открытый конфликт с Японией, ставя под угрозу успех конференции, Соединенные Штаты не могли.

Обсуждение «китайского вопроса» на Вашингтонской конференции шло в обстановке нарастания антиимпериалистического движения в Китае. В борьбу включался рабочий класс Китая, усиливалось влияние идей Октября на демократическую общественность страны. Созданное на юге Китая правительство гоминдана во главе с Сун Ятсеном укрепляло свое влияние, привлекая на свою сторону все новых сторонников. Хотя правительство Сун Ятсена не было представлено на Вашингтонской конференции, сам факт его существования вызывал опасения империалистических держав. Делегация Пекинского правительства явно была неравноправным участником Вашингтонской конференции, что вызывало возмущение у китайского народа.

Социалистическая внешняя политика Советской России, растущее освободительное движение в Китае — все это заставляло империалистические державы (хотя бы на словах) отмежеваться от откровенно экспансионистского курса политики в отношении Китая, от политики раздела его на сферы влияния. Англия одной из первых формально декларировала свой отказ от политики сфер влияния в Китае и провозгласила переход к политике международного сотрудничества.

На первом заседании Комитета по дальневосточным и тихоокеанским вопросам китайская делегация предложила программу из десяти пунктов как основу для обсуждения вопросов, касающихся Китая:

1. Державы обязуются уважать и сохранять территориальную целостность и политическую и административную независимость Китайской республики. Китай, со своей стороны, готов дать обязательство не отчуждать и не сдавать в аренду какой-либо части своей территории или побережья какой-нибудь державе.

2. Китай готов принять так называемый принцип открытых дверей и равных возможностей в торговле и промышленности для всех наций, имеющих с ним договорные отношения, и претворять этот принцип во всех без исключения частях Китайской республики.

3. В целях укрепления взаимного доверия и поддержания мира на Тихом океане и на Дальнем Востоке державы соглашаются не заключать между собой договора или соглашения, непосредственно затрагивающего Китай и всеобщий

мир в этих районах, без предварительного уведомления Китая и предоставления ему права участвовать в нем.

4. Все специальные права, привилегии, иммунитеты или обязательства, вне зависимости от их характера или происхождения, на которые предъявляет права любая из держав в Китае или относительно Китая, должны быть объявлены, а подобные требования к Китаю, не объявленные подобным образом, должны считаться не имеющими силы. Права, привилегии, иммунитеты и обязательства должны быть изучены с целью определения их масштабов и законности, если законность будет подтверждена, приведены в соответствие друг с другом и с принципами, провозглашенными данной конференцией.

5. Немедленно или как скоро позволят обстоятельства должны быть сняты ограничения свободы действий Китая в политической, юридической и административных областях.

6. Целесообразные и определенные сроки должны быть установлены в отношении существующих обязательств Китая, которые не имеют ограниченного срока.

7. В перечислении мер, гарантирующих специальные права или привилегии, устанавливается принцип, что такая гарантия должна быть дана с согласия гарантирующих.

8. Права Китая как нейтрального государства должны полностью уважаться в будущих войнах, в которых он не будет участвовать.

9. Должны быть предусмотрены мероприятия для мирного разрешения международных конфликтов на Тихом океане и на Дальнем Востоке.

10. Предусмотреть созыв в будущем периодических конференций для обсуждения международных вопросов, касающихся Тихого океана и Дальнего Востока, которые служили бы основой для определения общей политики держав, участниц соглашения[35].

Кроме этих общих принципов политики держав, представители Пекинского правительства под давлением массовых выступлений протеста, охвативших весь Китай, выдвинули и ряд конкретных требований: возвращение Шаньдуна, отмена «21 требования», навязанных Японией Китаю в 1915 г., тарифной автономии, уничтожения экстерриториальности, возвращения арендованных империалистическими державами территорий, вывод иностранных войск с территории Китая и др.

На первых заседаниях Комитета по дальневосточным и тихоокеанским вопросам представители британской делега-

[35] Conference on the Limitation of Armaments. Washington. November 12, 1921 — February 6, 1922. Washington, 1922, pp. 866—868 (в дальнейшем: Conference...); Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1945 гг.). М., 1956, с. 368—369.

ции активно не выступали при обсуждении общих принципов политики держав в отношении Китая. На первом плане были представители США, полемизировавшие с делегатами Китая. Более активными стали британские представители, когда стали обсуждаться конкретные вопросы.

Выдвинутая Китаем программа была спокойно встречена британской делегацией. 17 ноября 1921 г. Бальфур сообщал в Лондон: «Дискуссия по Китаю началась, и пока нет признаков выдвижения крайних требований какой-либо из сторон или проявления непримиримых различий»[36]. Правда, известное беспокойство вызывала проблема Тибета, возможность постановки ее на обсуждение конференции. Во время первой беседы Бальфура с Юзом государственный секретарь США отнес Тибет, наряду с Монголией, к числу «сомнительных территорий». Такая позиция США порождала некоторую настороженность, поскольку обсуждение на конференции англо-китайского спора из-за Тибета никак не входило в планы британской дипломатии.

Великобритания поддержала внесенную представителем США Рутом и принятую 21 ноября резолюцию относительно уважения державами суверенитета, независимости, территориальной и административной целостности Китая. В этой резолюции говорилось также о принципе равных возможностей в торговле и промышленности для всех наций на всей территории Китая и об отказе от использования существующего положения для получения исключительных прав или привилегий в ущерб гражданам других наций[37]. Эта общая декларация не вызвала возражения британских представителей, тем более, что Юз подчеркивал, что в ней «воплощены» идеи, содержавшиеся в проекте Бальфура о политике держав в Китае. Поддерживая резолюцию, предложенную Рутом, Бальфур в то же время отметил, что эта резолюция «ни в коей мере не запрещает Комитету по дальневосточным и тихоокеанским делам оставить положение таким, какое оно есть, или внести какие-то модификации... Комитет должен исходить из существующего положения вещей»[38]. Эта тенденция к максимальному сохранению ранее навязанных Китаю неравноправных договоров и соглашений была характерна для позиции Великобритании на протяжении всей работы конференции.

Одним из наиболее трудных и сложных в работе Вашингтонской конференции был вопрос о Шаньдуне. Попытки Японии прочно утвердиться в этой провинции Китая вызвали взрыв антиимпериалистического движения китайского народа, наиболее сильно проявившегося в событиях 4 мая

[36] DBFP, I series, v. XIV, p. 479.
[37] Conference.., p. 890.
[38] Ibid., p. 892.

1919 г. Национально-освободительное движение в Китае принимало опасный для всех империалистических держав характер. Хотя из девяти держав, участвовавших в Вашингтонской конференции, шесть подписали в свое время Версальский мирный договор и согласились с передачей германских владений на Шаньдуне Японии, за истекшие с того дня два с лишним года многое изменилось в их позиции. Прежде всего наиболее решительно против японского утверждения в этом районе Китая выступали США. Для американских руководителей возвращение Шаньдуна Китаю было важным не только в плане усиления влияния США в этой стране, но и как вопрос престижа Америки. Как известно, решение Парижской мирной конференции о Шаньдуне расценивалось в США как поражение президента Вильсона и послужило одной из причин отказа сената ратифицировать Версальский мирный договор. Теперь американские правящие круги намеревались взять реванш [39].

Поддержка Англией японских притязаний сыграла решающую роль в решении шаньдунского вопроса на Парижской мирной конференции. Но затем в связи с обострением конкурентной борьбы держав в Китае, в Лондоне начали оказывать давление на Японию с целью ограничения ее деятельности на Шаньдуне. Срочность решения данной проблемы в связи с ростом антиимпериалистических настроений в Китае была очевидной для английских и американских государственных деятелей. Правда, они не поддержали идею об обсуждении вопроса на Шаньдуне на заседаниях самой конференции. Япония смогла настоять на проведении двусторонних переговоров с Китаем по этому вопросу.

Японо-китайские переговоры о Шаньдуне начались 1 декабря 1921 г. На первой встрече присутствовали Юз и Бальфур. Затем наблюдателями от Англии на этих переговорах были Джордан и Лэмпсон, от США — Макмэррей и Белл. Японо-китайские переговоры о Шаньдуне проходили в напряженной и враждебной обстановке, они прерывались и завершились лишь 30 января 1922 г.

Японское правительство, соглашаясь «в принципе» вернуть Китаю суверенитет над территорией Цзяочжоу, в то же время добивалось сохранения там своих позиций. Наибольшие споры вызывал вопрос о Шаньдунской железной дороге, связывавшей порт Циндао с железнодорожными магистралями, ведшими в северный и центральный Китай. «Если Шаньдун является ключевой проблемой конференции, то Циндао-Цзинаньская железная дорога является ключевой

[39] Подробнее о позиции США по Шаньдунскому вопросу и обсуждению его на Вашингтонской конференции см.: Попова Е. И. Политика США на Дальнем Востоке (1918—1922). М., 1967, с. 133—142.

проблемой Шаньдуна», — отмечала английская газета [40]. Япония настаивала на совместном с Китаем управлении этой железной дорогой, затем согласилась с тем, чтобы Китай выкупил дорогу, но не за наличный расчет, а с помощью долгосрочного японского займа. При этом предполагалось сохранить основные руководящие посты в управлении дорогой в руках японцев [41].

Добиваясь принятия своих требований, японцы стремились вести переговоры о Шаньдуне непосредственно с правительством в Пекине, а не с китайской делегацией на Вашингтонской конференции, опиравшейся на поддержку американской дипломатии. В таких условиях в декабре 1921 г. правитель Маньчжурии, японский ставленник Чжан Цзолин создал новое правительство в Пекине, готовое идти на принятие условий Японии по шаньдунскому вопросу. Однако массовое народное движение протеста, решительная позиция южного демократического правительства Сунь Ятсена сделали невозможным принятие унизительных японских требований [42]. Японо-китайские переговоры были прерваны на неопределенный срок.

Кризис, возникший в ходе японо-китайских переговоров по Шаньдуну, привел к новым шагам англо-американской дипломатии. На ту и другую сторону стали оказывать энергичное давление. Бальфур и Юз встречались с японскими и китайскими делегатами. Британский посланник в Китае Олстон и его американский коллега Шурман оказывали давление непосредственно на правительство в Пекине, убеждая его пойти на принятие японских предложений.

Затянувшийся кризис на переговорах по вопросу о Шаньдуне вызвал раздражение в Лондоне. Бальфура упрекали в недооценке значения этого вопроса. 23 февраля Керзон телеграфировал главе британской делегации: «Вы заблуждаетесь, полагая, что мы придаем небольшое значение шаньдунскому вопросу. Наоборот, мы всегда рассматривали его как имеющего первостепенное значение... Шаньдунская проблема составная часть более широкого вопроса о том, будет или не будет позволено Японии оставить в ее исключительном владении одно из важнейших средств мирного экономического проникновения в самое сердце Китая. Суть всей проблемы в железной дороге...» [43]. Британское правительство хорошо помнило, какую роль сыграла Южно-Маньчжурская железная дорога в установлении преобладающего положения Японии в Южной Маньчжурии. Одним из первых результа-

[40] The Times, 1922, 21 янв.
[41] Попова Е. Н. Политика США на Дальнем Востоке, с. 135.
[42] См.: Buell R. The Washington Conference. N. Y.—L., 1922, p. 263.
[43] DBFP, I series, v. XIV, p. 573.

тов захвата японцами ЮМЖД было почти полное вытеснение британской торговли и предпринимательской деятельности из этого района Китая. Это же японцы пытались осуществить на Шаньдуне.

Некоторую специфику британской позиции придавало то обстоятельство, что на том же Шаньдунском полуострове находилась территория Вэйхайвэй, арендованная Англией. Рост народного недовольства в Китае против стремления Японии утвердиться в Циндао мог обратиться и против Великобритании. Отсюда необходимость скорейшего решения спорного японо-китайского вопроса. Что касается проблемы Вейхайвэя, то, по мнению Керзона, она коренным образом отличалась от проблемы Цзяочжоу, перешедшей к Японии от Германии. Английское правительство считало «законными» свои владения в Китае.

5 января 1922 г. китайская делегация отклонила предложение Японии относительно займа для выкупа Шаньдунской железной дороги. Это явилось толчком для новой активизации деятельности британской дипломатии, выступавшей единым фронтом с американцами на всем протяжении периода переговоров по Шаньдунской проблеме. Бальфур сообщал в Лондон: «Юз и я подчеркивали серьезную опасность провала урегулирования этой проблемы, но пока безрезультатно». Надежды на это урегулирование он, однако, не терял, и писал далее, что Джордан и Лэмпсон, а также американские наблюдатели на японо-китайских переговорах «пытаются найти какую-то общую основу для сближения враждующих сторон»[44].

Были предприняты более решительные действия. В начале января 1922 г. в Вашингтоне распространились сведения об отъезде Бальфура в Англию в связи с безрезультатностью переговоров по Шаньдуну. Газеты писали, что его отъезд намечен на 14 января. 7 января в Белом доме состоялась неофициальная встреча по шаньдунскому вопросу с участием Бальфура. Юз информировал собравшихся, что сенат США не ратифицирует договор четырех держав и соглашение по сокращению морских вооружений без разрешения шаньдунской проблемы. Бальфур предупредил японских представителей о возможности провала конференции и их ответственности за это[45].

Усилился нажим и на китайскую сторону. Английская пресса, освещая ход работы Вашингтонской конференции, писала о неуступчивости китайцев, о затягивании ими работы конференции. «Много раз китайская и японская делегации встречались для обсуждения шаньдунского вопроса, —

[44] Ibid., p. 593.
[45] Vinson J. Op. cit., p. 173.

отмечалось в «Таймс», — и история этих встреч — это история целой серии уступок со стороны Японии, до тех пор пока переговоры не зашли в тупик и японцы заявили, что они не могут больше уступать»[46]. Отсюда делался очевидный вывод, что в затягивании решения данного вопроса и работы всей конференции виновата китайская делегация.

Японо-китайские переговоры по Шаньдуну возобновились в середине января 1922 г. Под давлением США и Англии Китай был вынужден отказаться от обсуждения «21 требования», навязанных ему японскими империалистами в 1915 г., и такой ценой добиться восстановления своих прав на территорию Цзяочжоу. Японо-китайское соглашение по Шаньдуну было подписано 4 февраля 1922 г. в присутствии Юза и Бальфура.

Это соглашение предусматривало возвращение Китаю бывшей германской арендованной территории не позднее чем через шесть месяцев со дня подписания соглашения и всего государственного имущества в пределах этой территории. При этом правительство Китая обязывалось выплатить Японии в возмещение ее расходов по сооружению «общественной собственности». Относительно железной дороги Циндао — Цзинань было решено следующее. Япония передавала эту железную дорогу со всем ее имуществом Китаю. Стоимость железной дороги и имущества, оставленного немцами или пополненного японцами (в размере 53,4 млн. золотых марок) возмещалась Китаем в течение 15 лет. Китай не имел права выкупить железную дорогу ранее чем через пять лет. Впредь до выкупа дороги начальником службы движения и главным бухгалтером оставались японцы, начальником дороги и вторым бухгалтером — китайские подданные. Концессия на угольные копи Шаньдуна передавалась смешанной японо-китайской компании, а концессия на строительство двух железнодорожных веток — международному финансовому консорциуму[47]. Японские войска на железнодорожной линии Циндао — Цзинань подлежали выводу в трехмесячный срок, а японские войска из Циндао — не позднее тридцати дней после передачи территории Цзяочжоу под китайский суверенитет. Китай обязался открыть Циндао для внешней торговли и предоставить всем иностранцам право пребывания и торговли в этом районе.

Таким образом, решение проблемы Шаньдуна было достигнуто на Вашингтонской конференции на условиях, более выгодных Японии, чем Китаю. Именно так расценили достигнутое соглашение китайские газеты как на севере, так и на юге страны, в таком же духе писали и многие органы аме-

[46] The Times, 1922, 10.I.

[47] См.: Попова Е. И. Политика США на Дальнем Востоке, с. 140.

риканской прессы. Выгодный для Японии компромисс по вопросу о Шаньдуне был обусловлен соответствующей позицией США и Великобритании. Юз и Бальфур, «спасая» Вашингтонскую конференцию от провала, навязали китайской делегации подобное решение. Тем не менее влияние Японии в Шаньдунской провинции Китая было отныне в известной степени ослаблено. Английский и американский капитал получил большую возможность для экспансии в этой части Китая.

Наиболее ярко империалистическая сущность британской политики в отношении Китая на Вашингтонской конференции проявилась при решении вопроса об арендованных Англией территориях Вэйхайвэй и Коулун. Эти территории были захвачены английским правительством в 1898 г., когда, по выражению В. И. Ленина, «одно за другим, европейские правительства так усердно принялись грабить, то бишь «арендовать», китайские земли, что недаром поднялись толки о разделе Китая»[48]. Срок аренды Вэйхайвэя и Коулуна (на полуострове Цзюлун, напротив Гонконга) устанавливался в 99 лет. Возвращение японцами арендованной территории Цзяочжоу и готовность Франции вернуть свою арендованную территорию Гуаньчжоувань поставили вопрос о возвращении Великобританией этих территорий Китаю.

Вэйхайвэй никогда не играл сколь-нибудь существенной роли в качестве форпоста британского влияния в Китае. Осенью 1905 г. консервативное правительство Англии, возглавлявшееся тогда Бальфуром, рассматривало вопрос о передаче этого порта Китаю[49]. Приход к власти нового либерального кабинета, обострение внутриполитического и международного положения отвлекли внимание от этой проблемы. Возглавив теперь британскую делегацию на Вашингтонской конференции, Бальфур полагал возможным возвратить Вэйхайвэй как проявление «доброй воли» Великобритании для укрепления ее морального престижа в глазах китайцев. 17 ноября 1921 г. он обратился к правительству с просьбой предоставить ему бо́льшую свободу при решении вопроса о Вэйхайвэе, который, по его словам, для Англии «совершенно бесполезен»[50]. Бальфуру было известно мнение военных руководителей Великобритании по этому вопросу. Накануне работы Вашингтонской конференции, в октябре 1921 г., британское адмиралтейство пришло к выводу, что Вэйхайвэй «не имеет существенного значения»[51].

---

[48] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 380.

[49] См.: Остриков П. П. Империалистическая политика Англии..., с. 50.

[50] DBFP, 1 series, v. XIV, pp. 479—480.

[51] Ibid., p. 480, footnote 3.

Но в правительственных кругах Лондона было и другое мнение. Решительными противниками безвозмездного возвращения Вэйхайвэя Китаю были руководитель Форин Оффис Керзон и министр колоний Черчилль. 15 сентября 1921 г. Черчилль в меморандуме, направленном в Форин Оффис, писал, что «нельзя отказываться» от Вэйхайвэя и Коулуна, так как это явилось бы «разрушительным ударом по британскому престижу на Дальнем Востоке»[52]. Опираясь на эту поддержку, Керзон указывал британской делегации на Вашингтонской конференции: министерство колоний и Форин Оффис «придают значительно большее значение удержанию Вэйхайвэя, чем вы, по-видимому, склонны полагать, и считают, что при иных обстоятельствах в будущем он сможет приобрести серьезное значение»[53].

Как свидетельствуют британские дипломатические документы, переписка между Бальфуром и Керзоном по вопросу о Вэйхайвэе продолжалась почти до конца работы Вашингтонской конференции. В ходе полемики английских государственных деятелей обнажался смысл политики правящих кругов Великобритании не только в отношении такого частного вопроса, как возвращение Вэйхайвэя, но в отношении Китая в целом. Становилось очевидным, что лицемерная фразеология относительно «защиты» прав Китая и «уважения» его суверенитета прикрывала своекорыстные интересы британского империализма.

Указания Керзона по вопросу о Вэйхайвэе вызвали раздражительное послание Бальфура от 27 ноября 1921 г., в котором он подтверждал свое прежнее мнение и подкреплял его новыми аргументами. «Чем больше я рассматриваю вопрос о Вэйхайвэе, — писал он, — тем больше я убеждаюсь в том, что цепляться подобным мелочным образом за наши договорные права является серьезной ошибкой даже с точки зрения наших материальных интересов». Почти двадцать пять лет принадлежит Вэйхайвэй Великобритании и никто из государственных деятелей страны за это время не предложил какого-либо плана практического использования этого порта.

Далее Бальфур отмечал, что Франция готова вернуть Китаю свою арендованную территорию Гуаньчжоувань, Япония будет вынуждена вернуть территорию Цзяочжоу. В этих условиях Китай имеет моральное право потребовать у Англии возвращения Вэйхайвэя и «получит симпатию и поддержку американской и других делегаций». Оказаться в одиночестве — не лучшая позиция. Но самое главное, — разъяснял Бальфур лорду Керзону, известному своим арис-

[52] Ibid., p. 501, footnote 4.
[53] Ibid., p. 501. Керзон—Бальфуру, 1921, 24 нояб.

тократизмом и заносчивостью, — что возвращение этой китайской территории произведет благоприятное впечатление на китайский народ. Именно поэтому нужно вернуть Вэйхайвэй «в интересах британских торговых и политических отношений с Китаем»[54].

Но в Лондоне настаивали на своем. Керзон вновь подчеркивал, что возвращение Вэйхайвэя Китаю должно сопровождаться определенными уступками с его стороны и соответствующими шагами других держав. «Мы искренне надеемся, — писал Керзон, — что передача Вэйхайвэя не будет осуществлена иначе как в качестве составной части общего урегулирования, включая принятие Китаем определенных условий, которыми Вы и Ваши коллеги сочтете необходимым обусловить эту сделку»[55].

Этой позиции английский министр иностранных дел придерживался и в последующее время. В конце декабря 1921 г в разгар японо-китайского конфликта из-за Цзяочжоу Керзон снова телеграфировал Бальфуру: «Наш главный исходный пункт таков: если мы делаем такую существенную уступку Китаю, то Китай должен дать нам что-либо взамен»[56].

Кроме Вэйхайвэя, Англия имела еще арендованные территории в Китае. Если территория Вэйхайвэя на тех или иных условиях могла быть, по мнению британских руководителей, возвращена Китаю (об этом говорил Бальфур на заседаниях Комитета по дальневосточным и тихоокеанским вопросам 3 декабря 1921 г.), то совершенно иной была позиция английского правительства по вопросу о Коулуне. Выступая на том же заседании Комитета, Бальфур пространно доказывал, что арендованная территория Коулун необходима для безопасности Гонконга, в чем-де заинтересованы не только Великобритания, но и все остальные державы. Подтверждая свой тезис, он приводил выдержки из американских справочников относительно роли Гонконга как крупнейшего торгового и финансового центра всего Дальнего Востока. Поэтому, подчеркивал глава британской делегации, аренда Коулуна относится к «иной категории и должна рассматриваться в ином духе», чем те арендованные территории, о возвращении которых шла речь на конференции[57].

Такая позиция Англии в отношении Коулуна вызвала аналогичное заявление японской стороны. На заседании Комитета по дальневосточным вопросам после этого выступления Бальфура выступил японский представитель Хани-

[54] Ibid., p. 516—517. Бальфур—Керзону, 1921, 27 нояб.
[55] Ibid., p. 525. Керзон—Бальфуру, 1921, 1 и 2 дек.
[56] Ibid., p. 574. Керзон—Бальфуру, 1921, 23 дек.
[57] Conference..., p. 1068.

хара, подчеркнувший, что Япония не имеет намерений отказываться от своих арендных прав в Квантунской области. Бальфуру пришлось уверять японских делегатов, что он не имел в виду Дайрена, говоря о возвращении арендованных территорий, а лишь Цзяочжоу и Вэйхайвэй, расположенные на Шаньдунском полуострове[58]. Обе державы проявили солидарность в этом вопросе, не желая отказываться от своих наиболее важных позиций.

Англия декларировала свой отказ от Вэйхайвэя на пятом пленарном заседании Вашингтонской конференции, состоявшемся 1 февраля 1922 г. Обстановка была уже менее торжественная, чем при открытии конференции. Половина гостей разошлась еще до конца заседания. Интерес публики к конференции явно упал. Взоры самих дипломатов были обращены к Европе, где интенсивно велась подготовка к новой международной конференции в Генуе.

На этом заседании Бальфур сделал заявление о намерении Великобритании вернуть арендованную территорию Вэйхайвэй Китаю, оговорив сохранение и в будущем целого ряда льгот для англичан в этом порту. Один из участников этого заседания, американский полковник Рузвельт вспоминал: «Жест был изящный, но мы все знали, что Англия не имела пользы от Вэйхайвэя и не намеривалась сохранять его дальше»[59]. Вслед за Бальфуром заявление о возвращении территории Гуаньчжоувань (в провинции Гуандун) сделал французский делегат Сарро. Он также оговорил особые льготы для французской торговли и мореплавания. Таким образом, на Вашингтонской конференции империалистические державы дали обещание вернуть Китаю три арендованные территории из пяти. Наиболее важные из них — Коулун и Квантунская область по-прежнему должны были оставаться в руках Великобритании и Японии, обеспечивая этим державам преобладающее положение в Китае.

Среди широкого круга вопросов, обсуждавшихся в той или иной степени на Вашингтонской конференции и касавшихся Китая (отмена экстерриториальности, вывод иностранных войск, ликвидация сфер влияния, ликвидация иностранных почтовых контор и радиостанций и т. п.), одним из наиболее важных для британского империализма был вопрос о восстановлении таможенной автономии Китая и повышении размера торговых пошлин. Это объяснялось той большой ролью, которую играла Англия во внешней торговле Китая и в контроле над китайскими морскими таможнями.

Как уже отмечалось, за годы первой мировой войны возрос объем внешней торговли Китая. Если в 1913 г. он

---

[58] Ibid., p. 1070.

[59] Sprout H. and M. Op. cit., p. 256, footnote 3.

составлял 973,4 млн. хугуанских таэлей, то в 1920 г. — 1303,8 млн. таэлей [60]. Особенно заметным был рост импорта Китая. Британская империя продолжала занимать первое место в импортной торговле Китая. В 1919—1921 гг. на долю Англии (включая Гонконг) пришлось 36,4% от всего импорта Китая, на долю Японии, шедшей на втором месте — 29,2% [61].

Основная часть внешней торговли Китая (особенно импорта) осуществлялась через Шанхай — цитадель британского капитала. Во главе администрации китайских морских таможен стояли английские подданные. В 1920 г. морские таможни дали 16,8 млн. ф. ст. дохода, служившего обеспечением по многим иностранным займам [62]. Доходы от морских таможен поступали на хранение в Гонконг-Шанхайский банк. Вот почему просьба китайского правительства повысить размер пошлин, дабы увеличить доход государства и привести их в соответствие с размером пошлин, взимаемых в других странах, вызвал переполох в британской колонии в Китае.

Суть проблемы состояла в том, что существовавший размер таможенных пошлин был установлен еще в 1842 г. и предусматривал взимание ввозных пошлин не выше 5% стоимости товаров. Тарифы были установлены в соответствии с ценами того времени. Хотя размер пошлин трижды пересматривался (последний раз в 1918 г.), в связи с ростом цен Китай получал значительно меньше, чем эти 5% от стоимости товаров. Представитель Китая Веллингтон Ку, выступая 23 ноября на заседании Комитета по дальневосточным и тихоокеанским вопросам, убедительно показал грабительский, несправедливый характер навязанной его стране системы взимания пошлин с ввозимых иностранных товаров. В настоящее время, — говорил он, — Китай получает лишь 3,5% от стоимости товаров вместо полагающихся 5%. В это же время китайские товары при ввозе в другие страны облагаются пошлинами в максимальном размере. В Англии китайский чай облагался пошлиной в 25%, в Японии сырой китайский шелк — в 30%, в США обработанный китайский шелк облагался пошлинами в 35—60%. Даже простое повышение размера импортных пошлин до действительных 5% даст Китаю дополнительно 15 млн. таэлей в год. Веллингтон Ку подчеркивал, что Китай не претендует на вмешательство в деле морских таможен, не возражает против использования доходов от таможен для погашения внешних долгов и других обязательств китайского правительства, но настаивает на праве самому определять размер этих пошлин. В качестве

[60] The China Year Book, 1921—1922. Tientsin, 1921, p. 214.

[61] История экономического развития Китая. 1840—1948 гг. Пер. с кит., М., 1958, с. 84.

[62] The China Year Book, 1921—1922, p. 246.

первой меры китайское правительство предлагало установить с 1 января 1922 г. импортные пошлины в размере 12,5% [63].

Требования китайской делегации по вопросу о ввозных пошлинах являлись составной частью борьбы за восстановление суверенитета страны. Эти требования опирались на поддержку растущего освободительного движения китайского народа. Империалистические державы не могли игнорировать сделанных предложений. В конечном счете, укрепление власти центрального правительства, наведение порядка в стране и ликвидация засилья милитаристов в провинциях — все это предполагало увеличение доходов правительства.

Получив сведения о том, что британская торговая палата в Шанхае выражает «энергичный протест» против пересмотра существующих тарифов в сторону их повышения, Бальфур вынужден был разъяснять близорукость и неразумность подобного подхода. «Нужно смотреть на проблему более широко», — отмечал глава британской делегации. — Отказ от некоторого повышения существующих пошлин усилит движение за полную тарифную автономию». «Поэтому мы считаем, что повышение тарифов является неизбежным и все, что мы можем попытаться сделать, это ограничить размеры этого повышения... и также получить в обмен на повышение пошлин существенное облегчение для британской торговли, а именно: ликвидацию сниженных пошлин на сухопутной границе и ликвидацию пошлин в прибрежной торговле...» [64].

Многое в решении данной проблемы зависело от позиции Соединенных Штатов. Американская торговля находилась в менее благоприятном положении на рынках Китая, по сравнению с английской или японской. Американские фирмы настойчиво стремились утвердиться на китайском рынке. Поэтому в интересах США было лишить Англию некоторых ее льгот и преимуществ, связанных с существованием низких импортных пошлин. Однако боязнь того, что увеличение доходов Китая от повышения тарифов пойдет на пользу демократическим силам, вела американских империалистов к классовой солидарности с империалистами Великобритании и других стран [65].

Для рассмотрения тарифного вопроса был создан специальный подкомитет во главе с американским делегатом Андервудом. Подкомитет отказался поддержать просьбу Китая о таможенной автономии. В качестве первого условия для введения тарифной автономии выдвигалось требование

---

[63] Conference..., pp. 920—924.

[64] DBFP, I series, v. XIV, pp. 553, 564. Олстон—Керзону, 1921, 13 дек.; Бальфур—Керзону, 1921, 18 дек.

[65] О позиции США по тарифному вопросу см.: Попова Е. И. Политика США на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.). М., 1967, с. 152—157.

ликвидации ликина — внутренней пошлины, которая взималась при перевозе товаров из провинции в провинцию. Местные пошлины служили источником доходов милитаристов, закрепляли раздробленность страны, тормозили экономическое развитие. Но центральное правительство в Пекине было практически бессильно выполнить это условие. После длительных дискуссий подкомитетом был разработан проект соглашения относительно размеров таможенных тарифов, включавший следующие положения: 1) повышение импортного тарифа до 12,5% возможно только после ликвидации ликина, 2) существующий тариф должен быть увеличен до действительных 5%, 3) по мере перехода к постепенной ликвидации ликина по решению специальной комиссии держав возможна дополнительная выплата 2,5% к основному 5%-ному тарифу[66].

Эти положения вошли в тарифное соглашение, утвержденное 4 февраля 1922 г. на пленарном заседании конференции. Кроме того, специальная статья уравнивала морские и сухопутные пошлины, что наносило известный ущерб Японии, широко ввозившей товары через корейско-китайскую границу, но было выгодно Англии и США. Китаем при этом была опубликована декларация, в которой содержалось обещание сохранить прежний порядок деятельности морских таможен, что сохраняло первенствующую роль Англии в руководстве таможнями Китая. Решение всех остальных аспектов проблемы китайских таможенных тарифов откладывалось до созыва специального совещания держав.

В общем решения Вашингтонской конференции по тарифному вопросу носили несправедливый для китайского народа характер. Не были восстановлены суверенные права Китая самому распоряжаться доходами от таможенных пошлин. Сколько-нибудь существенное повышение размера этих пошлин относилось на неопределенное будущее. Сохранялась руководящая роль иностранцев в управлении морскими таможнями. Этот исход дискуссий по тарифному вопросу был обусловлен единством действий английских и американских представителей и способствовал сохранению полуколониального положения Китая.

По другим важным проблемам, поднятым китайской стороной на заседаниях Вашингтонской конференции, представители Великобритании, как правило, занимали уклончивую позицию. Соглашаясь на словах и в принципе со справедливостью требований Китая, они сводили все к созданию различных комиссий и подкомитетов для последующего и бесконечного обсуждения.

---

[66] DBFP, 1 series, v. XIV, pp. 574—575.

Так было с проблемой ликвидации сфер влияния в Китае. 16 января 1922 г. на заседании Комитета по дальневосточным и тихоокеанским вопросам Бальфур высокопарно говорил, что никто из сидящих за этим столом не защищает старую политику сфер влияния в Китае. Великобритания, по его словам, давно отказалась от подобной политики. Но при этом он утверждал, что имеются иностранные предприятия в Китае, которые по своему характеру неизбежно являются монопольными: железные дороги, телефонные линии и т. п. Никто, восклицал британский представитель, не станет строить железную дорогу параллельно уже существующей линии[67]. 19 января 1922 г. по предложению британского делегата Геддеса была внесена резолюция, призывающая китайское правительство и державы, контролирующие железные дороги в Китае, не допускать дискриминации граждан любой державы на железных дорогах этой страны[68]. Резолюция Геддеса была принята. По мнению ее инициаторов, это означало переход к ликвидации сфер влияния в Китае.

Важнейшим показателем полуколониального положения Китая была экстерриториальность иностранцев. Иностранные граждане были неподсудны китайскому суду. Консульские и смешанные суды разбирали дела иностранных граждан, а также конфликты между иностранцами и китайскими гражданами. Каждый из консулов действовал по законам своей страны. Все это создавало совершенно запутанную систему действовавшего судопроизводства. Постепенно складывалась практика разбора судьями-иностранцами и чисто китайских дел[69].

С развитием демократического движения в Китае возникает вопрос об отмене экстерриториальности иностранцев. Вступление Китая в первую мировую войну привело к отмене экстерриториальности для германских и австрийских подданных. В ряде договоров, заключенных Китаем после 1917 г., пункт об экстерриториальности уже не включался. Особенно важное значение имел отказ Советского правительства от права экстерриториальности. В «Обращении правительства РСФСР к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая» от 25 июля 1919 г. подчеркивалось: «В Китае не должно быть иной власти, иного суда, как власть и суд китайского народа»[70].

25 ноября 1921 г. на заседании Комитета по дальневосточным вопросам китайский представитель выступил по

[67] Conference..., p. 1218.
[68] Ibid., p. 1274.
[69] См.: Willoughby W. W. Foreign rights and interests in China. Baltimore, 1927, v. I—II.
[70] Документы внешней политики СССР, т. II, с. 222.

проблеме экстерриториальности в Китае. Изложив историю возникновения экстерриториальных прав иностранных граждан, представитель пекинского правительства подчеркнул, что оно не требует «немедленной и полной отмены экстерриториальности». Китайская делегация предлагала достичь договоренности относительно постепенной отмены экстерриториальности, призвав империалистические державы начать переговоры по «улучшению и последующей ликвидации существующей системы»[71].

Выступление китайского представителя было поддержано Бальфуром, который заявил, что Великобритания выступает за ликвидацию экстерриториальности и поддерживает предложение о создании подкомиссии юристов для изучения данной проблемы. 10 декабря 1921 г. была принята резолюция относительно создания комиссии из представителей восьми государств для изучения судебной системы Китая, практики экстерриториального правосудия и выработки соответствующих рекомендаций[72].

Обсуждение проблемы экстерриториальности на Вашингтонской конференции показало лицемерие британской дипломатии, ее стремление сохранить полуколониальное положение Китая и привилегированное положение Англии. Поддержав на словах необходимость отмены этой унизительной системы, английское правительство на деле стремилось затормозить процесс ликвидации экстерриториальности. Соглашение между Англией и Китаем об отмене экстерриториальности британских граждан было подписано лишь в январе 1943 г.

США настояли на обсуждении Вашингтонской конференцией вопроса о Китайско-Восточной железной дороге. Хотя, как отмечал Бальфур, среди всех вопросов повестки работы конференции «не было другого, который бы с самого начала, сулил столь ничтожную перспективу решения, как вопрос о КВЖД»[73].

После победы Великой Октябрьской социалистической революции империалистические державы, прежде всего США и Япония, а также Франция, начали активно бороться за установление своего контроля над этой важной в экономическом и стратегическом отношении магистралью. Был создан Межсоюзный комитет из представителей государств, участвовавших в интервенции на советском Дальнем Востоке. Важную роль в контроле над эксплуатацией этой железной дороги играл Технический совет во главе с американцем Стивенсом. Разгром интервентов, упрочение Советской власти на Дальнем Востоке — все это серьезно ослабило

[71] Conference..., p. 934.
[72] Ibid., p. 934.
[73] DBFP, 1 series, v. XIV, p. 634.

позиции империалистов, стремившихся захватить в свои руки КВЖД.

Большое значение имела принципиальная и четкая позиция Советского правительства по вопросу о КВЖД. Правительство Советской России исходило из того, что КВЖД является собственностью русского и китайского народов и поэтому все проблемы, относящиеся к управлению и эксплуатации этой железной дороги, должны решаться только представителями РСФСР и Китая. Советское правительство, стремясь нормализовать отношения с Китаем, неизменно выдвигало план совместного управления КВЖД при изгнании оттуда белогвардейцев и империалистов. Эта идея получила отражение в ряде нот и заявлений Советского правительства, в практической деятельности миссий Н. Л. Юрина и А. К. Пайкеса, проводивших переговоры с правительством Китая в 1920—1921 гг. Эти переговоры тогда не привели к нормализации отношений между двумя соседними государствами. Основная причина этого состояла в враждебной антисоветской позиции правительства Пекина и давлении империалистов. Но, хотя правительство Пекина не пошло на признание правительства РСФСР и ДВР и отказалось нормализовать отношение с ними, оно не могло не учитывать их твердой позиции в вопросе о КВЖД. В своих отношениях с империалистическими державами по вопросу о КВЖД правительство Китая фактически опиралось на принципиальную позицию Советского государства. Так, в переговорах с посланником США Шурманом китайское правительство ссылалось на переговоры с Советской Россией и заявляло, что без согласия последней никакое соглашение по КВЖД не может быть прочным [74].

На Вашингтонской конференции американская дипломатия сделала еще одну попытку установить свой контроль над КВЖД под видом интернационализации ее управления[75]. Подобный план, разработанный американским экспертом Стивенсом, был представлен китайской делегации, которая отнеслась к нему отрицательно. Против международного контроля над КВЖД высказался правитель Маньчжурии Чжан Цзолин[76]. В условиях массового антиимпериалистического движения, растущего буквально с каждым днем, никто из государственных деятелей не хотел связывать себя с этой непопулярной идеей.

Характеризуя существо американских намерений в отношении КВЖД, Бальфур в своем донесении в Лондон писал следующее: США хотят разделить полностью технический

[74] См.: Попова Е. И. Политика США на Дальнем Востоке, с. 167.

[75] Подробнее об этом см.: Индукаева Н. С. Экспансия США в Северо-Восточном Китае (1920—1924). М., 1967, с. 102—130.

[76] DBFP, I series, v. XIV, p. 501. Олстон—Керзону, 1921, 24 нояб.

и политический контроль над деятельностью железной дороги, оставив первый за действующей ныне русско-китайской организацией, созданной в соответствии с контрактом 1896—1898 гг., и передав второй политическому совету международного характера, но под американским председательством (как в деятельности нынешнего Технического совета) при участии представителей Китая. Этот политический совет должен состоять из людей, имеющих политический опыт, типа консулов в Харбине[77].

23 января 1922 г. Комитет по дальневосточным и тихоокеанским вопросам обсуждал доклад подкомитета по КВЖД. Идеи американского плана интернационализации КВЖД получили в нем следующее воплощение. Предполагалось создание в Харбине Финансового комитета из представителей держав, участвующих в Вашингтонской конференции, который должен заменить Межсоюзнический комитет во Владивостоке и Технический совет в Харбине. Финансовый комитет «должен осуществлять общий финансовый контроль и пользоваться правом опеки», не вмешиваясь в технические вопросы эксплуатации КВЖД. Планировалось создание специальной полиции для охраны железной дороги, которая должна была «содержаться Финансовым комитетом и находиться под его контролем»[78].

Реализация этого плана передавала бы главнейшие рычаги управления КВЖД в руки американцев. Китайские представители устранялись от управления дорогой, о существовании Советской России даже не упоминалось. Наконец, замена японских войск на охране дороги специально созданной полицией должна была бы ослабить позиции главного конкурента Соединенных Штатов — Японии.

8 декабря 1921 г. Советское правительство заявило протест правительству США против обсуждения на Вашингтонской конференции вопроса о КВЖД, касающегося лишь двух держав Китая и Советской России. «...Российское правительство считает себя вынужденным протестовать против всякого решения, которое было бы принято Вашингтонской конференцией в нарушение прав России, и заявляет, что оно не признает никакого нарушения прав русских трудящихся масс...»[79]. Находившаяся в Вашингтоне делегация ДВР стремилась активно противодействовать принятию американского плана «интернационализации» управления КВЖД. Решительная позиция Советской России и ДВР во многом способствовала тому, что делегация Китая на Вашингтонской конференции отклонила основные положения доклада подкомитета по КВЖД.

---

[77] Ibid., p. 613—614. Бальфур—Керзону, 1922, 19 янв.
[78] Conference.., p. 1378.
[79] Документы внешней политики СССР, т. IV, с. 568.

Комментируя исход этого обсуждения, Бальфур в письме Ллойд Джорджу констатировал: «Таким образом, очевидно, что Вашингтонская конференция потерпела неудачу в попытке решить вопрос о КВЖД». Провал американского плана в отношении КВЖД не вызывал особого сожаления у британской делегации[80]. Претендентами на управление этой магистралью выступали американцы, японцы, французы. Представители Великобритании активного участия в обсуждении проблемы КВЖД не принимали. В конечном счете, конференция приняла внесенный Рутом проект резолюции, носящий самый общий характер и призывающий к лучшей эксплуатации этой железной дороги. В другом документе, принятом Вашингтонской конференцией, на Китай возлагалась ответственность за финансовые и другие обязательства КВЖД.

6 февраля 1922 г. Вашингтонская конференция закончила свою работу. Бальфур в своей последней речи на конференции говорил, что проблемы Китая были основными в ее работе. Соглашение по ограничению морских вооружений и договор четырех держав были производными от проблем Китая[81]. Тридцать одно заседание Комитета по дальневосточным и тихоокеанским вопросам были посвящены обсуждению различных аспектов «китайской проблемы». Общие принципы политики империалистических держав в отношении этой страны были зафиксированы в договоре девяти держав, основном документе, касающемся Китая.

Статья первая этого договора гласила, что подписавшие его державы брали на себя обязательства: уважать суверенитет, независимость и территориальную и административную неприкосновенность Китая; предоставить Китаю полнейшую и ничем не стесненную возможность развиваться и поддерживать у себя жизнеспособное и прочное правительство; использовать свое влияние в целях действительного установления и поддержания принципа равных возможностей для торговли и промышленной деятельности всех наций на всей территории Китая; воздерживаться от использования существующей ныне в Китае обстановки в целях искания специальных прав и преимуществ, могущих нанести ущерб правам подданных или граждан дружественных государств, или поддержания деятельности, враждебной безопасности подобных государств.

В статье третьей содержалось обязательство договаривающихся держав не добиваться монополий или преимуществ, а также особых привилегий в ущерб гражданам других

[80] DBFP, 1 series, v. XIV, p. 636 Бальфур—Ллойд Джорджу, 1922, 4 февр.

[81] The New York Times, 1922, 6.II.

стран. В статье четвертой говорилось об отказе держав от создания сфер влияния в определенных районах Китая. Статья пятая осуждала какую-либо дискриминацию по национальному признаку на железных дорогах Китая[82].

Договор девяти держав явственно нес на себе печать компромисса. Декларируя целостность Китая и равенство возможностей для всех держав, «открытые двери» и ликвидацию сфер влияния, договор девяти держав не создавал механизма, гарантирующего проведение этих принципов в жизнь. В статье седьмой говорилось лишь о «полном и откровенном обмене мнениями между заинтересованными договаривающимися державами». Договор девяти держав и связанные с ним соглашения и декларации не изменили полуколониального зависимого положения Китая. Так, китайская делегация не смогла добиться отказа Японии от «21 требования». 4 февраля 1922 г. японский представитель Сидехара, отметив отказ японского правительства от некоторых несущественных или фактически отмененных уже статей, подтвердил наличие «специальных прав» Японии в Китае и «законность» договоров 1915 г. Это стало возможным, потому, что Соединенные Штаты и Англия не оказали поддержки Китаю в данном вопросе.

В конечном счете следует отметить, что борьба США за ослабление позиций своих конкурентов — Англии и Японии увенчалась лишь частичным успехом — формальным признанием этими державами широко и неопределенно сформулированных принципов политики в отношении Китая. С полным основанием Бальфур отмечал в сообщении Ллойд Джорджу, что договор девяти держав «находится в полной гармонии с общими принципами политики Правительства Его Величества»[83].

Заключенные на Вашингтонской конференции договоры и соглашения представляли собой временную непрочную сделку империалистических государств. Это была попытка сколотить единый фронт империалистов против национально-освободительного движения в Китае и против Советского государства. Итоги Вашингтонской конференции убедительно свидетельствовали, что подлинное решение проблем, волновавших китайский народ и народы других стран дальневосточного региона, было возможно лишь при участии Советской России. «Теперь для китайского народа становится совершенно ясным, — отмечали «Известия» в самый разгар работы Вашингтонской конференции, — что только в тесном союзе с Советской Россией он получит возможность

---

[82] Вашингтонская конференция..., с. 78–80.
[83] DBFP, 1 series, v. XIV, p. 644.

защищать свое существование от угрозы со стороны мирового империализма»[84].

Британские правящие круги были в основном удовлетворены итогами Вашингтонской конференции. Вопреки первоначальным ожиданиям, потери были минимальными. Британскому империализму удалось сохранить свои основные позиции на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана. Официальный Лондон шумно приветствовал подписание вашингтонских договоров. Вернувшаяся из США английская делегация была торжественно встречена на вокзале в Лондоне.

В отличие от американской прессы, сдержанно и нередко отрицательно оценивавшей итоги Вашингтонской конференции[85], английские газеты с редким единодушием славословили ее результаты. Британская пресса отмечала два положительных аспекта в решениях конференции. Газеты «Таймс» в статье «Новая эра на Дальнем Востоке» и «Дейли кроникл» в статье «Вашингтонский триумф» отмечали, что в итоге работы конференции в Вашингтоне улучшились взаимоотношения между Англией и США. Либеральная «Манчестер гардиан» писала, что достигнута такая степень договоренности, которая с момента окончания мировой войны казалась невозможной[86]. Другим достижением британской дипломатии газеты считали ликвидацию англо-японского союза и заключение договора четырех держав.

Следует отметить, что многие органы печати США также считали результаты Вашингтонской конференции успешными для Великобритании. Так, влиятельная «Нью-Йорк таймс» подчеркивала: «Британия преуспела в ликвидации англо-японского союза без нанесения обиды Японии, в стабилизации положения на Тихом океане, которое было чревато беспокойством для Британской империи, и в приостановке морского соревнования с Америкой, которое было безнадежно дорогим...»[87].

---

[84] Известия, 1921, 13 дек.

[85] Характерной была оценка нью-йоркской газеты: конференция «не только отказалась предоставить Китаю такие элементарные суверенные права, как тарифную автономию, юрисдикцию над иностранцами и вывод иностранных войск с территории Китая, но даже не предложила условий, на которых эти права могли быть представлены. Сферы влияния остались... Затяжной спор между Китаем и Японией относительно Шаньдуна в конце концов урегулирован в благоприятном духе для Японии». (New York Call, 14.II.1922).

[86] Manchester Guardian, 1922, 6.II. Со своей стороны американская газета отмечала: «Симпатии между Америкой и Англией неизмеримо улучшились и это главное достижение затянувшейся конференции». (The World, 1922, 3.II.).

[87] The New York Times, 1922, 6.II.

Лишь отдельные критические замечания исходили от лейбористских и либеральных кругов. Та же «Манчестер гардиан» писала, что относительно Китая «много было сказано и обещано, но очень мало сделано»[88]. Но в целом английские газеты восхваляли Бальфура и его коллег, результаты Вашингтонской конференции оценивались как успех британской дипломатии.

---

[88] Manchester Guardian, 1922, 6.II.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После победы Великой Октябрьской социалистической революции и окончания первой мировой войны на Дальнем Востоке сложилась новая обстановка. Это выразилось прежде всего в появлении первого в мире социалистического государства, в тех огромных социально-экономических и политических последствиях, которые сопровождали становление Советской державы. В первых декретах Советской власти провозглашались новые принципы внешней политики, затрагивавшие и сферу отношений с народами Востока. Осуждение грабительской колониалистской политики, отказ от неравноправных договоров царизма со странами Востока оказали самое серьезное воздействие на международные отношения в Восточной Азии.

К концу первой мировой войны произошли определенные сдвиги в экономическом развитии Китая. Развитие промышленности вело к формированию пролетариата. Начинался новый этап национально-освободительного движения китайского народа, характеризовавшегося вовлечением в борьбу национальной буржуазии, рабочего класса, масс крестьянства. Огромным было влияние идей Октября на рост национального самосознания народов Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии.

Большие изменения произошли в соотношении сил империалистических государств. Германия, лишенная своих колоний, выбыла из числа держав, имеющих значительные интересы на Дальнем Востоке. Возросшая экономическая и военная мощь США обусловила расширение экспансии американского капитала, его стремление утвердить свое влияние в Китае и на русском Дальнем Востоке. Наиболее заметным было изменение положения Японии. Воспользовавшись тем, что внимание и силы других империалистических государств были отвлечены на войну в Европе, японские империалисты укрепили свои позиции в Китае. Захват гер-

манских владений на Дальнем Востоке в 1914 г., предъявление Китаю «21 требования» в 1915 г., займы Пиншхары в 1918 г., укрепление в Пекине и в Маньчжурии позиций прояпонских группировок — все это превращало Японию в важнейший фактор дальневосточной политики. Положение Англии и Франции к концу первой мировой войны оказалось ослабленным. Они не имели на Дальнем Востоке значительных военных сил, необходимых капиталов для расширения экономической экспансии и успешной борьбы со своими конкурентами.

Новые условия, сложившиеся в Восточной Азии к концу первой мировой войны, существенно сказались на дальневосточной политике Великобритании. Сущность и цели политики британского империализма остались прежними. Однако изменение международной обстановки не могло не сказаться на особенностях этой политики. После ноября 1917 г. одним из важнейших компонентов дальневосточной политики Англии становится борьба против Советской России и усилившегося под влиянием идей Октября освободительного движения народов Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. В этих целях правящие круги Великобритании шли на сближение с Соединенными Штатами и проявили готовность пойти на некоторые уступки Китаю для того, чтобы не допустить там дальнейшего развертывания антиимпериалистического движения.

Меняется и стратегическая линия в защите интересов британских монополий на Дальнем Востоке. С 1902 г. важным орудием британской дальневосточной политики был англо-японский союз. Этот союз был умело использован английскими империалистами в борьбе против своих противников: вначале — царской России, а затем — Германии. Англо-японский союз был орудием борьбы с национально-освободительным движением народов Китая, Индии и других стран Азии. Но шло время, менялось соотношение сил внутри этой дипломатической комбинации. Япония постепенно превращается в главного соперника Англии и США на Дальнем Востоке. Возрастание роли Соединенных Штатов в международных делах меняет отношение господствующих классов Британской империи к союзу с Японией. Но все это происходило не сразу и не прямолинейно. Лондон стремился использовать Японию в борьбе против Советского государства и национально-освободительного движения.

Таким образом, изменения в стратегии британского империализма на Дальнем Востоке выражаются в постепенном отходе от союза с Японией и в стремлении к сближению с Соединенными Штатами. Британская дипломатия стремилась максимально использовать противоречия между свои-

ми соперниками, дабы сохранить позиции Великобритании в этой части мира. Показательным в этом смысле являлась политика Англии в отношении создания международного финансового консорциума в Китае.

Вашингтонская конференция 1921—1922 гг. представляла собой в определенной степени переходный этап в истории дальневосточной политики Англии. От союза с Японией Великобритания постепенно пришла к сближению с Соединенными Штатами. Добившись некоторого ослабления позиций Японии в Китае, договорившись по ряду вопросов дальневосточной и тихоокеанской политики с США, британские правящие круги рассчитывали на сохранение статус-кво, на более или менее длительную стабилизацию существовавшего положения. Но эти расчеты оказались иллюзорными. Вашингтонская система, сколоченная империалистами и направленная против Советского государства и национально-освободительного движения, оказалось недолговечной.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава первая. **Англия и антисоветская интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири (ноябрь 1917—1920 гг.)** 7

Подготовка иностранной интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири. Позиция Англии в отношении участия Японии в интервенции — Роль Англии в вооруженной интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири 30

Глава вторая. **Политика Англии в отношении Китая (1917—1921 гг.)** 60

Политика Англии в отношении Китая на заключительном этапе первой мировой войны . . . . . —

Англия и дальневосточные проблемы на Парижской мирной конференции 74

Политика Англии в Китае в 1919—1921 гг. 85

Глава третья. **Вопрос о дальневосточной политике Великобритании и возобновлении англо-японского союза в 1919—1921 гг.** . 104

Обострение англо-японских противоречий . . . . . —

Имперская конференция 1921 г. 117

Глава четвертая. **Англия и обсуждение дальневосточных проблем на Вашингтонской конференции (ноябрь 1921 — февраль 1922 гг.)** 136

Ликвидация англо-японского союза и заключение договора четырех держав . . . . . —

Позиция Англии по вопросу о политике империалистических держав в Китае 148

Заключение 172

Борис Степанович ЖИГАЛОВ

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА АНГЛИИ
В 1917—1922 гг.

ИБ № 563

Редактор Н. М. Шпагина
Технический редактор Г. Н. Гридина
Корректор Г. Г. Иванова

Сдано в набор 21/X-80 г. Подписано к печати 3/VI-81 г. К302087
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Литературная гарнитура.
Высокая печать. П. л. 11; уч.-изд. л. 11,5.
Тираж 500 экз. Заказ 4687. Цена 1 руб. 70 коп.

Издательство ТГУ, 634029, г. Томск, ул. Никитина, 17.
Типография издательства «Красное знамя»,
634029, г. Томск, ул. Советская, 47